

**Облик самобытно-музыкальный... —
Федор Конюхов**

**Иван Бунин. Жизнь, полная парадоксов
Любимый сподвижник Великого Петра**

О жизни и творчестве художника Яна Вермеера
читайте на странице 74.

Неизвестное об известном

- Юрий Осипов* **Иван Бунин. «Один из последних лучей чудного русского дня»** 4

Из российской истории

- Алла Зубкова* **Полудержавный властелин** 30
- Светлана Бестужева-Лада* **Дворянские «шалости»** 85

Рассказ

- Наталья Левитина* **Рафаэль** 48

Замечательные современники

- Елена Воробьева* **«Танец при луне»** 58
- Виктор Ом* **«Облик самобытно-музыкальный»** 65

Шедевры

- Ирина Опимах* **Вермеер, которого мы потеряли** 74

Юморески

- Хелью Ребане* **Синие перчатки** 100
- Кот Баскервилей** 101
- Бессмертие невозможно** 104

Это интересно

- Дмитрий Зелов* **Каргополь. Тихое очарование русской провинции** 106

Итоги конкурса «Посмеемся вместе»

- Федосья Меншагина* **Большой Брат** 118
- Тамара Клейман* **Комната смеха** 121

Детектив

- Наталья Солдатова* **«Божья коровка»** 124

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Владимир Барабаш.
Портрет Ф.Ф. Конюхова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7700

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 23.01.2018

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Ее рисовал в Париже влюбленный Модильяни. Ею восхищались творцы Серебряного века, которому она по праву принадлежала. Ей сделал предложение руки и сердца блестящий офицер и поэт Николай Гумилев. А вскоре ей пришлось пережить трагическую гибель расстрелянного большевиками мужа, а затем — тюремную разлуку с единственным сыном. Ее преследовали, не печатали, исключили из Союза писателей. Чтобы по конец жизни, на гребне всемирной славы, нехотя окружить заслуженными почестями... Все это — о замечательной женщине и поэтессе *Анне Ахматовой*.

Юрий **Осипов** «Гордый дух»

«Уоллис Симпсон считали героиней самой романтической истории XX века. И не без оснований. Ведь именно ради нее английский король Эдуард VIII отрекся от самого блистательного в мире престола, процарствовав всего 326 дней. Они прожили вместе без малого тридцать пять лет, и ни разу бывший король не пожалел о сделанном им шаге...

Алла **Зубкова** «Та, которая лишила Англию короля»

«В российском кино немало актрис красивых. Немало и востребованных. Но крайне мало тех, кто умеет работать и творить вне зависимости от душевного, семейного, финансового и прочих состояний. Одна из таких актрис — *Ольга Волкова*, которая ни на кого не похожа, которая сама по себе, и этим — прекрасна.

Евгения **Гордиенко** «Женщина, влюбленная в жизнь»

«То, что Федор Филиппович Конюхов — великий путешественник, совершивший неисчислимое множество путешествий и переживший столько же приключений, знают все. Но то, что он еще и художник, известно, наверное, не многим. Сам он несколько критично относится к своему творчеству и говорит при этом: «Я прожил длинную жизнь, многое повидал на своем веку и сумел совершить необычайные путешествия. Но сделать шаг в сторону творчества все не решаюсь... Что ж, если написал три тысячи картин, значит уже и художник? Можно написать всего один портрет или пейзаж, и этого хватит, чтобы остаться в истории живописи. А остальные 2999 работ можно выбросить...»

Виктор **Ом** «Здравствуйте, господин Художник!»

«Окончание детектива *Наталии Солдатовой* «Божья коровка»

Юрий Осипов

Иван Бунин

*«Один
из послед-
них лучей
чудного
русского
дня»*

Долгая жизнь Ивана Алексеевича Бунина полна удивительных парадоксов. Не мысливший себя и свое творчество вне России, он десятилетия, до конца своих дней, плодотворно прожил в эмиграции той самой знаменитой первой, «белогвардейской», волны. Написал на чужбине едва ли не лучшие вещи, такие, как художественно-биографический роман «Жизнь Арсеньева» и сборник рассказов «Темные аллеи». Запрещенный на Родине, снискал вдали от нее всемирное признание и первым из русских писателей был удостоен Нобелевской премии.

Проклял Октябрьскую революцию, люто ненавидел большевиков, но после начала Второй мировой войны выступил на стороне СССР и горячо поддержал в своих произведениях Красную армию. Хорошо видел издали все изъяны социалистического строя и все же под конец жизни мечтал вернуться на Родину, завидуя Куприну и боясь, что не хватит сил. Печатались в Советском Союзе его начали — первым из писателей-эмигрантов — с середины 50-х годов.

Четырехклассное образование (по бедности) не помешало впоследствии Бунину стать гениальным переводчиком поэзии Байрона, Петрарки, Мицкевича. А вот к собственному поэтическому творчеству он относился достаточно прохладно и стихов написал не много.

Иван Алексеевич был ярко выраженным ипохондрик, случалось, заболел всерьез и надолго (сказывалось беспокойное детство), однако обладал настолько отменной физической подготовкой и выразительной мимикой, что сам Станиславский предлагал ему роль Гамлета.

Трепетное сердце писателя всегда жаждало большой любви, и он с юных лет стремился обрести семейное счастье. Две первых попытки оказались неудачными. И только с третьего раза, будучи уже зрелым 36-летним мужчиной и известным писателем, он встретил любовь всей жизни. Вера Николаевна Муромцева стала ему верной, заботливой женой и музой, спутницей в дальних путешествиях, стойко разделившей с ним эмигрантские мытарства. Там, в Грассе под Ниццей, спустя шестнадцать лет отношений они, наконец, обвенчались. И там же, на морском берегу, стареющий писатель повстречал молодую русскую эмигрантку Галину Кузнецову, которая не устояла перед бунинской, давно погасшей и теперь с новой силой вспыхнувшей страстью и которую он увел от мужа, поселив в своем доме. Так они долгое время и жили втроем, пока Галина не заявила, что уходит от Бунина, причем — к женщине...

Обстоятельный, практичный и скуповатый, терпевший в эмиграции большую нужду, Иван Алексеевич значительную часть огромного денежного эквивалента Нобелевской премии роздал бедным соотечественникам-эмигрантам, а оставшуюся сумму вложил в достаточно сомнительное предприятие, оставшись под конец жизни без гроша в кармане.

Человек трезвого, аналитического ума, прагматичный и язвительный, Бунин, как ни странно, был подвержен суевериям. Никогда не садился за банкетный стол, если был тринадцатым по счету, и испытывал необъяснимую неприязнь к букве «ф». Столь же суеверно он прятал от посторонних, опасаясь «дурного глаза», свою необычную коллекцию аптекарских флакончиков, баночек, коробочек. Он совершенно точно предсказал собственную смерть и в последней дневниковой записи сокрушался, что уже совсем скоро «судьбы всего мира будут ему неизвестны».

Иван Алексеевич Бунин родился 10 (22) октября 1870 года в старинной, но вконец обедневшей дворянской семье и рано начал самостоятельную жизнь. Отец будущего писателя, разорившийся воронежский помещик Алексей Николаевич Бунин, окончил лишь первый класс городской гимназии, а в 16 лет поступил на службу в канцелярию губернского дворянского собрания. В составе Елецкой дружины ополчения он участвовал в Крымской кампании. Вернувшись в 1865 году из крымского похода, Алексей Николаевич женился на двоюродной племяннице Людмиле Александровне Чубаровой, в отличие от порывистого мужа, пившего «временами ужасно», женщине мягкой, набожной, впечатлитель-

ной. Эту впечатлительность унаследовал от нее сын Иван. А всего мать писателя родила девятерых детей (пятеро из них умерли в раннем детстве). Двум старшим сыновьям, Юлию и Евгению, решено было дать гимназическое образование. С этой целью семья перебралась в 1867 году из деревни в Воронеж и сняла комнаты в доходном доме на Дворянской улице, где и появился на свет первый русский нобелевский лауреат по литературе.

Из родового поместья Бутырки Елецкого уезда, куда Ваня в четырехлетнем возрасте переехал с родителями, веточка родословного древа тянулась к селу Мишенское Белевского уезда, где почти веком ранее наложница отставного се-

Слева:
*Герб рода
Буниных*

*Иван Бунин
в юные годы*

кунд-майора и помещика А. Бунина бывшая пленная турчанка Сальха произвела на свет его незаконнорожденного сына, которому обедневший киевский помещик Андрей Григорьевич Жуковский, пристроившийся приживалом в бунинском доме, дал, по требованию хозяина, свою фамилию и отчество. Родством с выдающимся русским поэтом, наставником и старшим другом Пушкина, воспитателем наследника престола Иван

Алексеевич очень гордился и усматривал некоторое вдохновляющее сходство их изначальной обездоленности.

Благодаря нанятому в гувернеры студенту Московского университета, Иван получил хорошее домашнее образование, включавшее латынь, европейские языки и рисование. В числе первых самостоятельно прочитанных им книг были «Одиссея» Гомера и сборник английской поэзии.

Поэтому, когда летом 1861 года Алексей Николаевич привез младшего сына в Елецкую мужскую гимназию, тот успешно выдержал вступительные экзамены. Учился будущий писатель легко и страшился только математики. Квартировал он с одним из одноклассников сперва у елецкого мещанина Бякина, затем у некоего кладбищенского скульп-

птора и еще дважды менял жилье, за которое, как и за учебу, отец исправно вносил ежемесячную плату.

Обучение в гимназии неожиданно завершилось для мальчика зимой 1866 года. Уехав на каникулы к родителям, перебравшимся в еще одно их захудалое имение Озерки, он решил не возвращаться в Елец, и в начале весны педсовет исключил

Бунина за «неявку из рождественского отпуска». С этого времени его домашним учителем стал старший брат Юлий, сосланный в Озерки под надзор полиции. Не мучая долее своего подопечного математикой, Юлий сосредоточил преподавательские усилия на гуманитарных предметах, что принесло вскоре заметные плоды.

Первые литературные опыты Бунина приходится как раз на тот период, а в 15 лет он уже сочинил целый роман под названием «Увлечение», который, правда, не приняла ни одна редакция. Это, однако, не обескуражило начинающего ав-

рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не забуду».

Люди, знавшие молодого Бунина, характеризовали его как человека, в котором было много «силы жизни, жажды жизни». Скорее всего, именно эти качества помогли начинающему поэту, автору единственного пока сборника стихов, выпущенного в Орле в 1891 году малым тиражом и бесплатно рассылавшегося подписчикам «Орловского вестника», довольно быстро войти в большую русскую литературу конца 19-го столетия.

Как вспоминал сам Иван Алексеевич, его детские литературные впечатления были, прежде всего, связаны с Пушкиным, стихи которого в доме читали все — и родители, и братья. Возможно, поэтому Пушкин для Бунина всегда был высшим идеалом, недостижимым образцом. Недаром критика считала его последним классическим представителем пушкинского направления в поэзии

тора, и он продолжал рассылать по редакциям свои стихи. Одно из них, озаглавленное «Над могилой Надсона», (это был бунинский кумир, недавно скончавшийся) появилось в февральском номере журнала «Родина», другое, «Деревенский нищий», — в майском. Позже писатель вспоминал: «Утро, когда я шел с этим номером с почты в Озерки,

До этого он служил в «Орловском вестнике» помощником редактора отдела. Потом переехал к брату Юлию в Харьков. Юлий подыскал ему несложную работу в земской управе. В 1892 году последовал переезд в Полтаву и — вновь при содействии брата — унылая служба в статистическом управлении губернской управы. А кроме того — участие в на-

роднических кружках, общение с толстовцами, путешествия. Путешествия с тех пор станут неотъемлемой частью бунинской жизни, снабжая Ивана Алексеевича необходимыми писателю эмоциональными впечатлениями, умеряя его постоянное «кружение сердца».

Это «кружение», вызванное юношеским любовным томлением, привело Бунина к первой «невенчанной» жене — корректорше «Орловского вестника» Варваре Пащенко. В письме к брату молодой литератор восторженно описывал показавшуюся ему при первом знакомстве очень умной высокую девушку «с очень красивыми чертами, в пенсне».

Увы, проза жизни серьезно осложняла отношения влюбленных. Финансовое положение родителей Бунина к тому времени ухудшилось. Они продали Бутырки, фактически передали Озерки сыну Евгению и разъехались. По свидетельству младшей сестры писателя Марии, порой приходилось сидеть «совершенно без хлеба». Иван Алексеевич писал Юлию, что постоянно думает о деньгах. К тому же отец Варвары не желал видеть Бунина своим будущим зятем.

Житейская неустроенность и душевная разобщенность привели молодых к разрыву. В 1894 году Варя покинула Полтаву, оставив записку: «Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом».

Иван Алексеевич тяжело перенес расставание с возлюбленной. Старшие братья одно время всерьез

опасались за его жизнь. Вернувшись с ними в Елец, Бунин отправился, было, в дом сбежавшей от него девушки, однако вышедший на крыльцо ее родственник сообщил, что адрес Варвары им неизвестен. Впоследствии она вышла замуж за актера и писателя А. Бибикова и в 1918 году умерла от туберкулеза. Отношения с нею Бунина нашли отражение в романе «Жизнь Арсеньева».

Оставив службу, Иван Алексеевич в 1895 году приехал на две недели из Полтавы в северную столицу и здесь закрутился в водовороте литературных встреч и знакомств. Его дружески приветили маститый критик Н. Михайловский, острый публицист С. Кривенко, поэт А. Жемчужников, сам мэтр поэтического цеха К. Бальмонт и, наконец, патриарх социально-обличительной литературы, автор знаменитого «Антон Горемыкина» семидесятидвухлетний Д. Григорович, который поразил Бунина живостью взгляда и еротовой шубой до пят.

Еще большее впечатление произвел на него Толстой. Робкий новичок пришел в Москве в просторный хамовнический дом и был принят хозяином всего на несколько минут перед своим отъездом с Софьей Андреевной в гости. В замечательной книге «Освобождение Толстого», написанной уже в эмиграции, Бунин рассказывает, как, присев с ним в темной зале у стола, двумя вскользь брошенными фразами Лев Николаевич буквально перевернул

ему душу. «Пишите? — мягко спросил он. — Пишите, пишите. Только помните, что писательство ни в коем случае не должно быть смыслом жизни. И еще запомните, что счастья в жизни нет, есть только зарницы его. Живите ими»... Толстые уехали, а Бунин с пылающей головой до утра пробродил по замерзшим улицам Первопрестольной.

Тогда же в Москве состоялось его знаменательное знакомство с Чеховым, знакомство, которому суждено было перерасти в крепкую дружбу. При первой встрече чеховскую приветливость и простоту неискушенный молодой человек принял за холодность. Зато любивший позу известный поэт и теоретик символизма В. Брюсов обрушил на смущенного неопита громкие революционные сентенции о «новом» искусстве. С кем Иван Алексеевич сразу же сошелся легко и свободно, так это с А. Куприным. Они были ровесниками, вместе дебютировали в литературе и, по словам Бунина, «без конца скитались и сидели на обрывах над бледным летаргическим морем».

Он еще очень мало что написал, но участники литературного кружка «Среда», которые собирались в доме Н. Телешова и обсуждали произведения друг друга, чувствовали его растущий талант и охотно приняли Бунина в свой круг. А это были Л. Андреев, М. Горький, С. Скиталец, Б. Зайцев, сам Телешов и «примкнувший» к ним Ф. Шаляпин. За хитрость и ироничность Бунина доста-

Варвара Пащенко — первая любовь Ивана Бунина

лось в кружке шутовское прозвище «Живодерка». Его называли непоседой за ту легкость, с которой он перемещался по свету, и невольно подчинялись непринужденному бунинскому обаянию. На одном месте Иван Алексеевич подолгу не задерживался и слал письма новым друзьям то из Орла, то из Одессы, то из Ялты. За ним укрепилась репутация человека общительного, жадно тянущегося к новым впечатлениям. В артистической среде ему было легко. Но сам он полагал, что за стремлением постоянно находиться в шум-

ном людском окружении стояло его внутреннее одиночество.

Временным спасением от одиночества явился быстротечный роман с девятнадцатилетней дочерью ре-

не не испытывал. Настоящая большая любовь пришла к нему вместе с Верой Муромцевой. Современники описывали ее как «очень красивую девушку с огромными, светло-проз-

---

Трепетное сердце писателя всегда жаждало большой любви, и он с юных лет мечтал о семейном счастье. Две первых попытки оказались неудачными. И только с третьего раза, будучи уже зрелым 36-летним мужчиной и известным писателем, он встретил любовь всей своей жизни. Вера Николаевна Муромцева стала ему верной, заботливой женой и музой, спутницей в дальних путешествиях, а позже стойко разделившей с ним эмигрантские мытарства

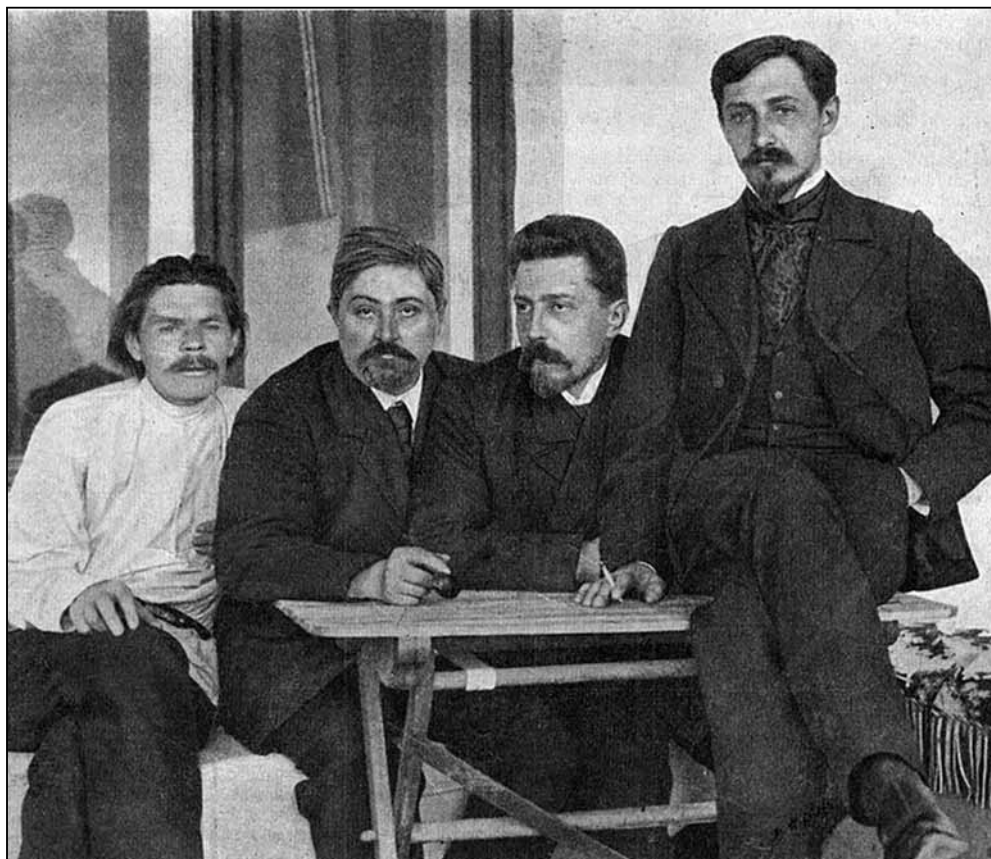

дктора «Южного обозрения» Анной Цакни. В сентябре 1898 года она стала первой официальной женой Бунина. Было свадебное путешествие на пароходе, закаты на Ланжероне, поездки в оперу. Однако вхождение в семью состоятельных греков не улучшило тяжелого материального положения молодого писателя. В письме к старшему брату он отчаянно просил выслать немедленно «хоть десять рублей», поясняя при этом: «У Цакни просить не стану, хоть умру».

После двух лет совместной жизни супруги расстались. Их единственный сын скончался в 1905 году от скарлатины. Уже проживая во Франции, Иван Алексеевич признавался, что «особенной любви» к первой же-

рачными, как бы хрустальными глазами». Дочь члена Московской городской управы и племянница председателя Первой Государственной думы, она окончила Высшие женские курсы, занималась химией и на момент знакомства с Буниным в ноябре 1906 года была далека от литературно-богемной среды, в которой тот вращался, перекочевывая, по его собственным словам, «из гостей в рестораны». Когда Иван Алексеевич в очередной раз прибыл в Москву и получил приглашение принять участие с чтением стихов на вечере у писателя Бориса Зайцева, двадцатипятилетняя Вера, дружившая с хозяйкой дома, тоже оказалась там.

Началом их совместной жизни стало путешествие весной следую-

*Слева
направо:
М. Горький,
Д. Мамин-
Сибиряк,
Н. Телешов,
И. Бунин.
Ялта*

щего года в Святую землю и по странам Востока. Деньги на длительный вояж им дал Николай Телешов. С тех пор они были неразлучны, однако вступить в брак не могли, поскольку Анна Цакни не давала Бунину развода. Только после отъезда из России в 1922 году Иван Алексеевич обвенчался с Верой Николаевной. Шафером на свадьбе выступал Куприн.

Трудно представить, что в начале творческого пути Бунин не мог скрыть досады из-за слабого внимания критики к его ранним произведениям. Не имея литературных агентов, способных организовать рецензии в прессе, он рассылал экземпляры своих книжек друзьям и знакомым в надежде на их благожелательные

печатные отклики. Не только дебютный сборник «гладкописных» стихотворений, изданный в Орле, но и впоследствии читаемая и перечитываемая книга «На край света и другие рассказы» заслужила лишь несколько «благодушно-снисходительных» отзывов, едва заметных на фоне того общественного резонанса, какой вызывал выход любого произведения Горького, Леонида Андреева и других любимцев широкой публики рубежа столетий.

Признание к Бунину-поэту пришло после того, как издательство символистов «Скорпион» выпустило в 1901 году его поэтический сборник «Листопад». «Лес, точно терем расписной, \\ Лиловой, золотой, багряный \\ Веселой, пестрою стеной \\

Первая жена Анна Цакни

Стоит над светлою поляной». Строгая, прозрачная красота бунинского стиха долго и трудно пробивала себе дорогу к читателю. В октябре 1903 года Бунин был удостоен половинной Пушкинской премии (500 руб.), которая укрепила его литературную репутацию, но мало способствовала читательской популярности его творчества. И тогда, и потом поэзия и проза Бунина были «не для всех», вне моды и злободневности.

Дворянин по происхождению, Иван Алексеевич много лет вел жизнь разночинца, скитаясь по съемным углам, меблированным комнатам, дешевым гостиницам, часто находя приют то в квартирах друзей, то в деревне. При этом мемуаристы писали о «барской осанке» Бунина, его

врожденной элегантности, умении свободно держаться и естественно чувствовать себя в любом обществе. По замечанию жены Куприна, ее муж даже в самых модных костюмах выглядел рядом с Иваном Алексеевичем нескладным и неловким. Такими же абсолютно свободными, изысканными в своей естественности, простоте предстают перед нами и художественные произведения писателя.

Писательская требовательность Бунина к слову, к каждому знаку препинания в тексте порой доходила у него до «болезненной щепетильности», известной в издательствах, с которыми он сотрудничал.

Официальный релиз Шведской академии гласил, что «Нобелевская премия по литературе... присуждается Ивану Бунину за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы». Пожалуй, лучше не скажешь. Но «Нобелевка» была еще далеко впереди, на чужбине. А пока же, на родине, писатель разделил с Куприным в октябре 1909 года свою вторую, и вновь за стихи, Пушкинскую премию. Каждый из лауреатов получил по 500 рублей (немалые в то время деньги!). А через две недели из Академии наук поступило новое известие об избрании И. Бунина почетным академиком по разряду изящной словесности.

Если серьезный дебют Бунина-прозаика состоялся 1893 году рассказом «Деревенский эскиз» («Танька») в авторитетном журнале Н. Ми-

хайловского «Русское богатство», то очевидный перелом в творчестве писателя, сделавший его востребованным автором, произошел после выхода «строгой, простой и гармоничной» повести «Деревня» и последовавшего за ней «Суходола». Несмотря на полярность оценок, вещи Бунина теперь начали гораздо охотнее приобретать журналы и газеты, а крупное издательство К. Маркса выпустило в 1915 году двухсоттысячным тиражом шеститомник полного собрания бунинских сочинений.

Одним из последних малых шедевров бунинской прозы, созданных в предреволюционную пору в России, стал рассказ «Легкое дыхание» (1916 г.). История про гимназистку Олю Мещерскую, застреленную на вокзальном перроне казачьим офицером, была придумана во время прогулки по старому кладбищу острова Капри, когда на одном из надгробий писатель увидел портрет жизнерадостной девушки. Он вывел в рассказе тот женский тип, который всегда его интересовал, — загадочный, манящий, подчиняющий мужчин и заставляющий их совершать безрассудные поступки.

С годами внешне Иван Алексеевич почти не менялся. Все та же стройная осанка, все та же горделивая посадка сухой породистой головы, все тот же зоркий, ястребиный взгляд. Но в его поведении появлялись признаки нервозности и усталости. Воспоминания о нем противоречивы. В одних

А.И. Куприн

он представлен легким, остроумным собеседником, которого, тем не менее, нельзя было назвать открытым человеком. В других — литератором резким, неуживчивым, неучтивым. По словам поэтессы И. Одоевцевой, Бунин «мог быть очень неприятен, даже не замечая этого». И он же всю жизнь безотказно помогал всем, кто нуждался в поддержке. Но с простибельным тщеславием любил, чтобы ученики сопровождали его на разных мероприятиях, чем очень раздражал коллег, которые называли эту свиту последователей писателя «бунинским крепостным балетом».

Абсолютно независимый в суждениях и творчестве, Иван Алексеевич считал себя свободным от влияния каких бы то ни было литературных

школ, в большом количестве плодившихся на заре нового века. Возможно, поэтому он является одним из самых «труднодоступных» художников слова. Даже при попытках исследователей определить его метод, возникали разные варианты, в том числе «реалистический символизм», «необыкновенный реализм», «скрытый модернизм». Это дало основание полагать, что в творческом наследии писателя нет «единой, все объясняющей и объединяющей системы».

Октябрьские события Бунины встретили в Москве, в доме №26 на Поварской улице, где прожили вплоть до следующей весны, и где Иван Алексеевич вел дневник, который лег в основу беспощадной документальной книги «Окаянные дни». Явившись, по мнению исследователей, значимым свидетельством переломного времени, она во многом полемизировала с написанной в 1918 году блоковской поэмой «Двенадцать». И если А. Блок в те дни «услышал музыку революции», то Бунин — «какофонию кровавого бунта».

21 мая 1918 года Иван Алексеевич и Вера Николаевна навсегда покидали Москву. На Савеловском вокзале их провожали брат писателя Юлий и жена Горького Екатерина Пешкова. До любимой Одессы добирались вместе с другими беженцами долго и сложно, в переполненном санитарном вагоне — до Минска, затем — с пересадками. В Одессе прожили почти полтора года. Бунин писал статьи для местных изданий,

возглавил литературный отдел газеты «Южное слово». Участвовал в деятельности основанного Деникиным агентства ОСВАГ и неоднократно высказывал желание вступить в Добровольческую армию...

24 января 1920 года Бунин с женой поднялись на борт небольшого французского парохода «Спарта», который, простояв трое суток на внешнем рейде, взял курс на Константинополь. Людей на пароходе было столько, что для ночлега использовали все палубы, проходы и даже столы. Буниным досталось одно узкое спальное место на двоих. Проплутав по Черному морю более десяти суток, «Спарта», наконец, добралась до Тулузы. В конце марта Иван Алексеевич и Вера Николаевна прибыли в Париж. Начинаясь последняя, эмигрантская глава их жизни.

«Горек хлеб изгнания». Даже, если оно, как у Бунина, оказалось добровольным. На чужбине писатель многое переосмыслил в себе и в окружающих. Рушились старые привязанности, возникали новые. И только преданность памяти Чехова, который завещал ему перед отъездом на лечение и на смерть в Баденвейлер «писать и писать», оставалась неизменной. И Бунин старался следовать завету ушедшего друга.

Он захотел художественно переосмыслить прожитую жизнь, дореволюционную российскую действительность. Так, в канун пятидесяти-

летия, в октябре 20-го возник масштабный замысел «Жизни Арсеньева» — романа, повлиявшего на решение Шведской академии присудить Бунину Нобелевскую премию. О жанре этого самого значительного произведения писателя спорят до сих пор. Оно являет органичный сплав мемуаров, лирико-философской прозы, биографического повествования. Причем Бунин настоя-

тельно просил не воспринимать историю Алексея Арсеньева как биографию автора, подчеркивая, что это «автобиография вымышленного лица». А еще это — «поэтическое преобразование прошлого».

Если в дореволюционный период большинство современников видело в Бунине холодноватого, изысканного бытописателя, ностальгически вспоминающего об исчезаю-

щих «дворянских гнездах», то появление его полемических статей и заметок в эмигрантской печати, посвященных октябрьским событиям, открыло читателям другого Бунина — язвительного и едкого, воспринявшего революцию как пушкинский «русский бунт», а его участников как персонажей романа Достоевского «Бесы».

Со второй половины 20-х годов политический посыл начинает постепенно уходить из бунинской публицистики, писатель сосредоточивается на литературно-критических статьях и портретных эссе, вроде объемной книги «Освобождение Толстого», цикла очерков о Семеновых-Тяньшанских и незаконченных заметок о Чехове, посмертно изданных Муромцевой. Он по-прежнему предпочитал ежедневно ранним утром садиться за письменный стол и работать до обеда. Писал, кропотливо шлифуя каждую фразу, каждое сло-

во. Получив корректуру, слал, бывало, в издательство телеграммы с требованием срочно поменять какой-нибудь знак препинания, междометие.

Виртуозно владея пером, Бунин, по собственному признанию, никогда неумел правильно распоряжаться деньгами. Нобелевская премия, которая могла бы обеспечить супругам безбедную старость, была растрачена очень быстро. То же происходило с литературными гонорарами, случалось, весьма крупными. Бунины в эмиграции так и не приобрели собственного жилья, не отложили никаких сумм на «черный день». Письма с просьбами о помощи шли нобелевскому лауреату со всего мира, и он старался никому не отказывать. Одаривал малознакомых поклонниц, а Вера Николаевна раздавала молодым писателям деньги на издания или оплату учебы.

Бунинские сборники рассказов, написанных еще в дореволюционную пору, продолжали выходить в Берлине, Париже, Праге. К ним присоединялись новые — «Роза Иерихона», «Солнечный удар», «Дело корнета Елагина», «Ида»... Он поддерживал связи с прежними литературными друзьями, оставшимися в советской России и разбросанными по миру. Горький, Бальмонт, Куприн, Рахманинов... Их орбиты теперь почти не пересекались, даже когда проходили рядом друг с другом. Росла стена непонимания, отчуждения, как в случае с Горьким,

который когда-то был так ему близок и чье место в сердце Бунина занял затем В. Ходасевич.

Непониманием встретило публичное выступление писателя, посвященное «миссии русской эмиграции», как ее правое, так и левое крыло. Это мероприятие состоялось в 1924 году, и в нем приняли участие видные прозаики И. Шмелев, Д. Мережковский, историк церкви А. Карташов, другие маститые представители литературного зарубежья. Бунин заявил тогда, что задачей русской эмиграции является решительное неприятие «ленинских заповедей», и, отвечая на посыпавшиеся на него обвинения в отсутствии па-

триотизма, резко бросил: «Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?»

В начале войны Иван Алексеевич с Верой Николаевной переехали на высокогорную виллу «Жаннет» и почти безвыездно прожили там шесть лет, не раз укрывая в доме деятелей культуры еврейской национальности,

*Со второй
женой
Верой
Муромцевой*

что могло стоить им головы. Мало того, Бунин постоянно слушал по радио сводки новостей из Лондона и делал на развешанных у себя в кабинете картах пометки об обороне и наступлениях Красной армии. Из радиосообщений и писем он узнавал также о судьбах своих бывших друзей.

За годы войны вилла «Жаннет» утратила свою изначальную респектабельность. Отказало отопление, возникли проблемы с водопроводом и электричеством, обветшала мебель. В письмах Бунин упоминает про «пещерный сплошной голод». Писателю поступали заманчи-

вые предложения работы в издательствах на оккупированных гитлеровцами территориях. Он неизменно отвечал отказом и писал в темные дни: «Был я богат — теперь, волею судеб, вдруг стал нищ... Был знаменит на весь мир — теперь никому в мире не нужен... Очень хочу домой!» Дом для Бунина остался на родине, в России.

Пытаясь хоть где-нибудь раздобыть литературный гонорар, Иван Алексеевич попросил уехавшего в США главного редактора газеты «Новое русское слово» А. Седых издать на любых условиях «Темные ал-

Слева направо: Г. Кузнецова, И. Троцкий, В. Бунина, А. Седых, И. Бунин. На церемонии вручения Нобелевской премии. Стокгольм, 1933

леи». Тот специально под этот проект открыл в Нью-Йорке издательство «Новая земля» и в 1943 году выпустил книгу тиражом 600 экземпляров. С английским переводом сборника возникло много проблем, и он вышел уже после войны. Всего за «Темные аллеи» Бунину было выплачено... 300 долларов.

В начале 46-го усталый, больной писатель и его жена возвратились в свою холодную парижскую квартиру. А в июне того же года был опубликован указ советского правительства «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство,

Галина Кузнецова — последняя любовь Ивана Бунина

Посол Советского Союза во Франции А. Богомоллов пригласил Бунина на завтрак в посольство и предложил старому писателю вернуться на родину. Иван Алексеевич обещал подумать. Увы, возвращение не состоялось. Вместо него на родину стали возвращаться в период хрущевской «оттепели» находившиеся под запретом произведения писателя...

проживающих на территории Франции». Этот знаменательный указ вызвал, по словам Веры Николаевны, большие волнения в эмигрантской среде, раскол во многих семьях: «Одни хотели ехать, другие — оставаться».

Посол Советского Союза во Франции А. Богомоллов пригласил Бунина

на завтрак и в присутствии приехавших из Москвы «генералов от литературы» И. Эренбурга и К. Симонова предложил старому писателю вернуться на родину. Иван Алексеевич обещал подумать.

Увы, возвращение не состоялось. Симонову Бунин признавался, что «очень хочет поехать, посмотреть,

побывать в знакомых местах, но его смущает возраст. Поздно, поздно... и друзей никого в живых не оста-

лось... А брать паспорт и не ехать... Зачем же тогда брать паспорт?.. Буду жить так, как жил, дело ведь не в

моих документах, а в моих чувствах». Имея эмигрантский паспорт, Бунин до конца дней оставался человеком без гражданства.

Вместо него самого на родину постепенно начали возвращаться в период хрущевской «оттепели» находившиеся под запретом цензуры произведения писателя. С 60-х годов к ним начали обращаться советские кинематографисты. И продолжают обращаться поныне.

До этого счастливого времени Иван Алексеевич не дожил. В 47-м у него диагностировали эмфизему легких, и он, по настоянию врачей, отправился на курорт на юге Франции. Пройдя там курс лечения, вернулся в Париж и еще нашел в себе силы принять участие в организованном друзьями чествовании. Осенью того же года состоялось его последнее выступление перед большой аудиторией. В ту пору Бунину были переданы некоторые выходявшие в СССР книги. Он прочитал и очень тепло отозвался о поэме А. Твардовского «Василий Теркин» и рассказах К. Паустовского.

Сам Бунин уже ничего не писал и не издавал. Жить им с Верой Николаевной было не на что, и он обратился к А. Седых с просьбой о помощи: «Я стал очень слаб, два месяца пролежал в постели, разорился совершенно... Мне пошел 79-й год...» Седых сумел договориться с американским филантропом Ф. Атраном о назначении престарелому русскому писателю небольшой ежемесячной пенсии.

В октябре 1953 года состояние здоровья Ивана Алексеевича резко ухудшилось. В квартире постоянно находились друзья Бунина, помогавшие Вере Николаевне ухаживать за больным мужем. Ежедневно приезжал доктор В. Зернов. За несколько часов до смерти Бунин попросил жену почитать ему вслух письма Чехова. 8 ноября Зернова вызывали к писателю дважды. Когда он приехал повторно, Бунин был уже мертв.

Похоронили его при небольшом стечении народа, под моросящим дождем, в «русской» аллее парижского кладбища Сен-Женевьев-де-Буа. Памятник на могиле был сделан по рисунку видного художника Серебряного века А. Бенуа, основателя и главного идеолога объединения «Мир искусства», с которым Бунин так непримиримо разошелся во взглядах. Со временем пришла очередь и памятнику писателю на Поварской, в Москве.

*И цветы, и шмели, и трава,
и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына
блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни
земной?»
И забуду я все — вспомню
только вот эти
Полевые цветы меж колосьев
и трав —
И от сладостных слез не успею
ответить,
К милосердным коленам припав.*

Иван Бунин

Ида

Однажды на Святках завтракали мы вчетвером — три старых приятеля и некто Георгий Иванович — в Большом Московском.

По случаю праздника в Большом Московском было пусто и прохладно. Мы прошли старый зал, бледно освещенный серым морозным днем, и приостановились в дверях нового, выбирая, где поуютней сесть, оглядывая столы, только что покрытые белоснежными тугими скатертями. Сияющий чистотой и любезностью распорядитель сделал скромный и изысканный жест в дальний угол, к круглому столу перед полукруглым диваном. Пошли туда.

— Господа, — сказал композитор, заваливаясь на диван своим коренастым туловищем, — господа, я нынче почему-то угощаю и хочу пировать на славу. Раскиньте же нам, услужающий, самобранную скатерть как можно щедрее, — обратился он к половому свое широкое мужицкое лицо с узкими глазками. — Вы мои королевские замашки знаете.

— Как не знать, пора наизусть выучить, — сдержанно улыбаясь и ставя перед ним пепельницу, ответил старый умный половой с серебряной бородкой. — Будьте покойны, Павел Николаевич, постараемся...

И через минуту появились перед нами рюмки и фужеры, бутылки с разноцветными водками, розовая семга, смугло-телесный балык, блюдо с раскрытыми на ледяных осколках раковинами, оранжевый квадрат честера, черная блестящая глыба паюсной икры, белый и потный от холода ушат с шампанским... Начали с перцовки. Композитор любил наливать сам. И он налил три рюмки, потом шутливо замедлился:

— Святейший Георгий Иванович, и вам позволите?

Георгий Иванович, имевший единственное и престранное занятие — быть другом известных писателей, художников, артистов, — человек весьма тихий и неизменно прекрасно настроенный, нежно покраснел — он всегда краснел перед тем, как сказать что-нибудь, — и ответил с некоторой бесшабашностью и развязностью:

— Даже и очень, грешнейший Павел Николаевич!

Композитор налил и ему, легонько стукнул рюмкой о наши рюмки, махнул водку в рот со словами: «Дай боже!» — и, дую себе в усы, принялся за закуски. Принялись и мы, и занимались этим делом довольно долго. Потом заказали уху и закурили. В старой зале нежно и грустно запела, укоризненно зарычала машина. И композитор, откинувшись к спинке дивана,

затягиваясь папиросой и, по своему обыкновению, набирая в свою высоко поднятую грудь воздуху, сказал:

— Дорогие друзья, мне, невзирая на радость утробы моей, нынче грустно. А грустно мне потому, что вспомнилась мне нынче, как только я проснулся, одна небольшая история, случившаяся с одним моим приятелем, форменным, как оказалось впоследствии, ослом, ровно три года тому назад, на второй день Рождества...

— История небольшая, но, вне всякого сомнения, амурная, — сказал Георгий Иванович со своей девичьей улыбкой.

Композитор холодно и насмешливо покосился на него:

— Амурная? Ах, Георгий Иванович, Георгий Иванович, как вы будете за всю вашу порочность и беспощадный ум на Страшном суде отвечать? Ну, да бог с вами. «Je veux un trésor qui les contient tous, je veux la jeunesse!»¹ — поднимая брови, запел он под машину, игравшую Фауста, и продолжал, обращаясь к нам:

— Друзья мои, вот эта история. В некоторое время, в некотором царстве, ходила в дом некоего господина некоторая девица, подруга его жены по курсам, настолько незатейливая, милая, что господин звал ее просто Идой, то есть только по имени. Ида да Ида, он даже отчества ее не знал хорошенько. Знал только, что она из порядочной, но малосостоятельной семьи, дочь музыканта, бывшего когда-то известным дирижером, живет при родителях, ждет, как полагается, жениха — и больше ничего...

Как вам описать эту Иду? Расположение господин чувствовал к ней большое, но внимания, повторяю, обращал на нее, собственно говоря, ноль. Придет она — он к ней: «А-а, Ида, дорогая! Здравствуйтесь, здравствуйтесь, душевно рад вас видеть!» А она в ответ только улыбается, прячет носовой платочек в муфту, глядит ясно, по-девичьи (и немножко бессмысленно): «Маша дома?» — «Дома, дома, милости просим...» — «Можно к ней?» — И спокойно идет через столовую к дверям Маши: «Маша, к тебе можно?» Голос грудной, до самых жабр волнующий, а к этому голосу прибавьте все прочее: свежесть молодости, здоровья, благоухание девушки, только что вошедшей в комнату с мороза... затем довольно высокий рост, стройность, редкую гармоничность и естественность движений... Было и лицо у нее редкое, на первый взгляд как будто совсем обыкновенное, а приглядишься — залюбуешься: тон кожи ровный, теплый, — тон какого-нибудь самого первого сорта яблока, цвет фиалковых глаз — живой, полный...

Да, приглядишься — залюбуешься. А этот болван, то есть герой нашего рассказа, поглядит, придет в телячий восторг, скажет: «Ах, Ида, Ида, цены вы себе не знаете!» — увидит ее ответную, милую, но как будто не совсем внимательную улыбку — и уйдет к себе, в свой кабинет, и опять займется какой-

---

¹ «Я хочу обладать сокровищем, которое вмещает в себе все, я хочу молодости!» (франц.)

нибудь чепухой, называемой творчеством, черт бы его подрал совсем. Так вот и шло время, и так наш господин даже никогда и не задумался об этой самой Иде мало-мальски серьезно — и совершенно, можете себе представить, не заметил, как она, в одно прекрасное время, исчезла куда-то. Нет и нет Иды, а он даже не догадывается у жены спросить: а куда же, мол, наша Ида девалась? Вспомнит иной раз, почувствует, что ему чего-то недостает, вообразит сладкую муку, с которой он мог бы обнять ее стан, мысленно увидит ее беличью муфточку, цвет ее лица и фиалковых глаз, ее прелестную руку, ее английскую юбку, затоскует на минуту — и опять забудет.

Так прошел год, прошел другой... Как вдруг понадобилось однажды ему ехать в западный край... Дело было на самое Рождество. Но, невзирая на то, ехать было необходимо. И вот, простясь с домочадцами, сел наш господин на борзого коня и поехал. Едет день, едет ночь и доезжает, наконец, до большой узловой станции, где нужно пересаживаться. Но доезжает, надо заметить, со значительным опозданием и посему, как только стал поезд замедлять возле платформы ход, выскакивает из вагона, хватая за шиворот первого попавшегося носильщика и кричит: «Не ушел еще курьерский туда-то?» А носильщик вежливо усмешается и молвит: «Только что ушел-с. Ведь вы на целых полтора часа изволили опоздать». — «Как, негодяй? Ты шутишь? Что ж я теперь делать буду? В Сибирь тебя, на каторгу, на плаху!» — «Мой грех; мой грех, — отвечает носильщик, — да повинную голову и меч не сечет, ваше сиятельство. Извольте подождать пассажирского...» И, поникнув головой, покорно побрел наш знатный путешественник на станцию...

На станции же оказалось весьмалюдно и приятно, уютно, тепло. Уже с неделю несло вьюгой, и на железных дорогах все спуталось, все расписания пошли к черту, на узловых станциях было полным-полно. То же самое было, конечно, и здесь. Везде народ и вещи, и весь день открыты буфеты, весь день пахнет кушаньями, самоварами, что, как известно, очень неплохо в мороз и вьюгу. А, кроме того, был этот вокзал богатый, просторный, так что мгновенно почувствовал путешественник, что не было бы большой беды просидеть в нем даже сутки. «Приведу себя в порядок, потом изрядно закушу и выпью», — с удовольствием подумал он, входя в пассажирскую залу, и тотчас же приступил к выполнению своего намерения. Он побрился, умылся, надел чистую рубаху и, выйдя через четверть часа из уборной помолодевшим на двадцать лет, направился к буфету. Там выпил одну, затем другую, закусил сперва пирожком, потом щукой и уже хотел, было, еще выпить, как вдруг услышал за спиной своей какой-то страшно знакомый, чудеснейший в мире женский голос. Тут он, конечно, «порывисто» обернулся — и, можете себе представить, кого увидел перед собой? Иду!

От радости и удивления первую секунду он даже слова не мог произнести и только, как баран на новые ворота, смотрел на нее. А она — что значит,

друзья мои, женщина! — даже бровью не повела. Разумеется, и она не могла не удивиться и даже изобразила на лице некоторую радость, но спокойствие, говорю, сохранила отменное. «Дорогой мой, — говорит, — какими судьбами? Вот приятная встреча!» И по глазам видно, что говорит правду, но говорит уж как-то чересчур просто и совсем, совсем не с той манерой, как говорила когда-то, главное же... чуть-чуть насмешливо, что ли. А господин наш вполне опешил еще и оттого, что и во всем прочем совершенно незнакома стала Ида: как-то удивительно расцвела вся, как расцветает какой-нибудь великолепнейший цветок в чистой воде, в каком-нибудь таком хрустальном бокале, а соответственно с этим и одета: большой скромности, большого кокетства и дьявольских денег зимняя шляпка, на плечах тысячная соболья накидка... Когда господин неловко и смиренно поцеловал ее руку в ослепительных перстнях, она слегка кивнула шляпкой назад, через плечо небрежно сказала: «Познакомьтесь, кстати, с моим мужем», — и тотчас же быстро выступил из-за нее и скромно, но молодцом, по-военному, представился студент.

— Ах, наглец! — воскликнул Георгий Иванович. — Обыкновенный студент?

— Да в том-то и дело, дорогой Георгий Иванович, что необыкновенный, — сказал композитор с невеселой усмешкой. — Кажется, за всю жизнь не видал наш господин такого, что называется, благородного, такого чудесного, мраморного юношеского лица. Одет щеголем: тужурка из того самого тонкого светло-серого сукна, что носят только самые большие франты, плотно облегающая ладный торс, панталоны со штрипками, темно-зеленая фуражка прусского образца и роскошная николаевская шинель с бобром. А при всем том симпатичен и скромнен тоже на редкость. Ида пробормотала одну из самых знаменитых русских фамилий, а он быстро снял фуражку рукой в белой замшевой перчатке, — в фуражке, конечно, мелькнуло красное муаровое дно, — быстро обнажил другую руку, тонкую, бледно-лазурную, щелкнул каблуками и почтительно уронил на грудь небольшую и тщательно причесанную голову. «Вот так штука!» — еще изумленнее подумал наш герой, еще раз тупо взглянул на Иду — и мгновенно понял по взгляду, которым она скользнула по студенту, что, конечно, она царица, а он раб, но раб, однако, не простой, а несущий свое рабство с величайшим удовольствием и даже гордостью. «Очень, очень рад познакомиться! — от всей души сказал этот раб и с бодрой и приятной улыбкой выпрямился. — И давний поклонник ваш, и много слышал о вас от Иды». «Помолчи, Петрик, не конфузь меня, — поспешно перебила его Ида и обратилась к господину: — Дорогой мой, но я вас тысячу лет не видала! Хочется без конца говорить с вами, но совсем нет охоты говорить при нем. Ему неинтересны наши воспоминания, будет только скучно и от скуки неловко, поэтому пойдем, ходим по платформе...» И, сказав так, взяла она нашего путника под руку и повела на платформу, а по платформе ушла с ним чуть не за версту, где снег был чуть не по колени, и — неожиданно изъяснилась там в любви к нему...

— То есть как в любви? — в один голос спросили мы.

Композитор вместо ответа опять набрал воздуха в грудь, надуваясь и поднимая плечи, опустил глаза и, мешковато приподнявшись, потащил из серебряного ушата, из шуршащего льда, бутылку, налил себе самый большой фужер. Скулы его зарделись, короткая шея покраснела. Сгорбившись, стараясь скрыть смущение, он выпил вино до дна, затыкнул, было, под машину: «Laisse-moi, laisse-moi contempler ton visage!»¹ — но тотчас же оборвал и, решительно подняв на нас еще более сузившиеся глаза, сказал:

— Да, то есть так в любви... И объяснение это было, к несчастью, самое настоящее, совершенно серьезное. Глупо, дико, неожиданно, неправдоподобно? Да, разумеется, но — факт. Было именно так, как я вам докладываю. Пошли они по платформе, и тотчас начала она быстро и с притворным оживлением расспрашивать его о Маше, о том, как, мол, она поживает, как поживают их общие московские знакомые, что вообще новенького в Москве и так далее. Затем сообщила, что замужем она уже второй год, что жили они с мужем это время частью в Петербурге, частью за границей, а частью в их имении под Витебском... Господин же только поспешно шел за ней и уже чувствовал, что дело что-то неладно, что сейчас будет что-то дурацкое, неправдоподобное, и во все глаза смотрел на белизну снежных сугробов, в невероятном количестве заваливших все и вся вокруг, — все эти платформы, пути, крыши построек и красных и зеленых вагонов, сбившихся на всех путях... Смотрел и со страшным замиранием сердца понимал только одно: то, что, оказывается, он уже много лет зверски любит эту самую Иду. И вот, можете себе представить, что произошло дальше: дальше произошло то, что на какой-то самой дальней, боковой платформе Ида подошла к каким-то ящикам, смахнула с одного из них снег муфтой, села и, подняв на господина свое слегка побледневшее лицо, свои фиалковые глаза, до умопомрачения неожиданно, без передышки сказала ему: «А теперь, дорогой, ответьте мне еще на один вопрос: знали ли вы и знаете ли вы теперь, что я любила вас целых пять лет и люблю до сих пор?»

Машина, до этой минуты рычавшая вдали неопределенно и глухо, вдруг загрохотала героически, торжественно и грозно. Композитор смолк и поднял на нас как бы испуганные и удивленные глаза. Потом негромко произнес:

— Да, вот что сказала она ему... А теперь позвольте спросить: как изобразить всю эту сцену дурацкими человеческими словами? Что я могу сказать вам, кроме пошлостей, про это поднятое лицо, освещенное бледностью того особого снега, что бывает после метелей, и про нежнейший, неизъяснимый тон этого лица, тоже подобный этому снегу, вообще про лицо молодой, прелестной женщины, на ходу надышавшейся снежным воздухом и вдруг признавшейся вам в любви и ждущей от вас ответа на это призна-

---

¹ «Дай мне, дай мне наглядеться на твое лицо!» (франц.)

ние? Что я сказал про ее глаза? Фиалковые? Не то, не то, конечно! А полураскрытые губы? А выражение, выражение всего этого, в общем, вместе, то есть лица, глаз и губ? А длинная соболья муфта, в которую были спрятаны ее руки, а колени, которые обрисовывались под какой-то клетчатой сине-зеленой шотландской материей? Боже мой, да разве можно даже касаться словами всего этого! А главное, главное: что же можно было ответить на это сногшибательное по неожиданности, ужасу и счастью признание, на выжидающее выражение этого доверчиво поднятого, побледневшего и искажившегося (от смущения, от какого-то подобия улыбки) лица?

Мы молчали, тоже не зная, что сказать, что ответить на все эти вопросы, с удивлением глядя на сверкающие глазки и красное лицо нашего приятеля. И он сам ответил себе:

— Ничего, ровно ничего! Есть мгновения, когда ни единого звука нельзя вымолвить. И, к счастью, к великой чести нашего путешественника, он ничего и не вымолвил. И она поняла его окаменение, она видела его лицо. Подождав некоторое время, побыв неподвижно среди того нелепого и жуткого молчания, которое последовало после ее страшного вопроса, она поднялась и, вынув теплую руку из теплой, душистой муфты, обняла его за шею и нежно и крепко поцеловала одним из тех поцелуев, что помнятся потом не только до гробовой доски, но и в могиле. Да-с, только и всего: поцеловала — и ушла. И тем вся эта история и кончилась... И вообще довольно об этом, — вдруг резко меняя тон, сказал композитор и громко, с напускной веселостью прибавил: — И давайте по сему случаю пить на сломную голову! Пить за всех любивших нас, за всех, кого мы, идиоты, не оценили, с кем мы были счастливы, блаженны, а потом разошлись, растерялись в жизни навсегда и навеки и все же навеки связаны самой страшной в мире связью! И давайте условимся так: тому, кто, в добавление ко всему вышеизложенному, прибавит еще хоть единое слово, я пушу в череп вот этой самой шампанской бутылкой. Услужайший! — закричал он на всю залу. — Несите уху! И хересу, хересу, бочку хересу, чтобы я мог окунуть в него морду прямо с рогами!

Завтракали мы в этот день до одиннадцати часов вечера. А после поехали к Яру, а от Яра — в Стрельну, где перед рассветом ели блины, потребовали водки самой простой, с красной головкой, и вели себя в общем возмутительно: пели, орали и даже плясали казачка. Композитор плясал молча, свирепо и восторженно, с легкостью необыкновенной для его фигуры. А неслись мы на тройке домой уже совсем утром, страшно морозным и розовым. И когда неслись мимо Страстного монастыря, показалось из-за крыш ледяное красное солнце, и с колокольни сорвался первый, самый как будто тяжкий и великолепный удар, потрясший всю морозную Москву, и композитор вдруг сорвал с себя шапку и что есть силы, со слезами закричал на всю площадь:

— Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а! □

Алла Зубкова

полудержавный ВЛАСТЕЛИН

Александр Данилович Меншиков... Любимый и самый близкий сподвижник великого Петра. Ни один из последующих фаворитов, стоявших у подножья российского трона, будь то Бирон, Разумовский и даже Потемкин, не достигал такого могущества. Этот человек неис-

сякаемой энергии, невероятной отваги отличался, в то же время, ненасытной жадной легкого обогащения, не гнушаясь никакими способами приобретения богатства. Кроме страсти к наживе Александр Данилович был буквально одержим непомерным честолюбием и к концу жизни носил титулы, едва уместившиеся на полстраницы печатного текста. Однако ему и этого было мало, он мечтал о короне для своих потомков, намереваясь выдать дочь за внука Петра I. Увы, и этому баловню судьбы пришлось в полной мере испытать ее превратности. Свои дни он закончил в опале и ссылке. И все же стереть его имя со скрижалей российской истории оказалось не под силу даже его самым могущественным недругам.

Считается, что Александр Данилович Меншиков родился в ноябре 1672 года, хотя иногда называют и другие даты — 1673, 1674 и даже 1670 год. Где появился на свет будущий светлейший князь и генералиссимус, тоже точно неизвестно, скорее всего, в Москве. Впрочем, некоторые источники уверяют, что его родиной являются Вологда или Владимир. Что же касается происхождения Меншикова, то и здесь существует несколько вариантов, получивших хождение уже после того, как Александр Данилович стал одним из самых могущественных вельмож России. Взятые они преимущественно из официальных источников — различных дипломов, дарующих ему высокие титулы. Согласно этим документам, Меншиков

происходил либо из благородной литовской фамилии, либо из польской шляхты, а то и вообще из варягов, сподвижников самого Рюрика. В то же время большинство иностранных дипломатов и соотечественников князя были убеждены в том, что он — выходец из простолюдинов, и отец его был то ли пирожником, то ли конюхом. Скорее всего, так оно и было.

Нет ясности и в том, как именно юный Алексашка попал во дворец, к Петру. Некоторые современники, а вслед за ними и историки, полагали, что продавец пирогов, сбывавший свой товар в Кремле, своими шутками и проказами понравился молодому царю, наблюдавшему за ним из дворца. По другой версии, Меншиков якобы спас Петра, рас-

сказав ему о намерении бояр отравить его во время очередной пирушки. Не исключено, однако, что будущий фаворит царя мог попасть во дворец и другим путем.

Как бы то ни было, но уже к середине 1694 года «Алексашка Меншиков» упоминается в переписке Петра. Среди волонтеров, отправившихся за границу для обучения кораблестроению, он стоял первым в

списке группы, которую возглавлял десятник Петр Михайлов — сам царь. Меншиков не расставался с царем ни на минуту. Вместе с Петром он работал на верфи Ост-Индской компании в голландском Саардаме. Одновременно с ним получал аттестат, удостоверявший, что он овладел специальностью плотника-кораблестроителя. Входил в свиту Великого посольства, которое вместе с царем

посетило столицы западноевропейских государств. Как и Петр, он жадно впитывал в себя увиденное, с поразительной легкостью усваивал азы артиллерийского дела, фортификации, кораблестроения. Это была прекрасная школа, расширявшая кругозор царского любимца, в детские годы не получившего никакого образования.

Известие о стрелецком мятеже вынудило Петра срочно вернуться в Москву. Начались розыски и страшные казни, в которых Меншиков принимал личное участие. Он сам хва-

ренным царя в его амурных делах и вместе с Петром частенько навещал Немецкую слободу, куда влекла царя дочь виноторговца Анна Монс. Кстати, именно в слободе Алексахка научился достаточно сносно объясняться по-немецки.

В это время он тоже обрел сердечную привязанность. Однако полюбившуюся ему девушку встретил не в Немецкой слободе, а при дворе сестры царя, Наталии Алексеевны. Звали ее Дарья Михайловна Арсеньева, и ей суждено было сыграть важную роль в судьбе царского фаворита.

Среди волонтеров, отправившихся за границу для обучения кораблестроению, первым в списке группы, которую возглавлял десятник Петр Михайлов — сам царь Петр I, стояло имя «Алексахки Меншикова». Он жадно впитывал в себя увиденное и с поразительной легкостью усваивал азы артиллерийского дела, фортификации, кораблестроения. Это была прекрасная школа для царского любимца, в детские годы не получившего никакого образования

стался потом, что собственноручно обезглавил двадцать человек. Никаких официальных должностей Алексахка в то время не занимал, числясь только сержантом Преображенского полка и выполняя при Петре обязанности денщика. Однако обязанности его не ограничивались выполнением только хозяйственных поручений. После смерти Франца Лефорта в 1699 году он стал дове-

В 1700 году началась долгая и изнурительная Северная война. Именно она стала поворотным пунктом в жизни Меншикова, открыв ему путь к возвышению.

Он сопровождал Петра всюду, где того требовала обстановка. Осенью 1702 года Меншиков участвовал в осаде Нотебурга. Здесь он впервые проявил себя на военном поприще. Его храбрость и растороп-

ность были столь очевидны, что царь назначил его комендантом завоеванной крепости, переименованной в Шлиссельбург. В военную кампанию 1703–1704 годов русские войска овладели всем течением Невы и принудили к сдаче гарнизон Нарвы. Меншиков дважды отличался в сражениях. В мае 1703 года он вместе с Петром одержал морскую победу над шведами. Победа была, в сущности, не очень значительной — русским удалось на лодках окружить и взять два шведских корабля, подошедших к устьям Невы, но это был первый успех на море, и Петр поздравил своих соратников с «никогда небывалой викторией». Ликовавший царь возложил на себя орден Андрея Первозванного. Такой же орден был пожалован Меншикову.

Через несколько дней на одном из островов шведского устья был заложен новый городок, который должен был служить пристанищем для иностранных кораблей. Это была будущая столица России — Петербург.

Вскоре на Петербургской стороне, против царского дворца, известного теперь как «домик Петра Великого», был выстроен и дом для Меншикова, получившего название Посольского дворца, так как в нем принимались иностранные дипломаты. Александр Данилович был назначен первым губернатором Петербурга и всего завоеванного края.

Петр, дотоле неразлучный со своим любимцем, уехал в Москву, и новый губернатор, оставшись один

на театре военных действий, с честью выполнял возложенные на него обязанности. На берегах Невы он отбивался от шведов и параллельно занимался приготовлениями к постройке флота. Устройство нового города также требовало неутомимой деятельности. Своим созданием Петербург обязан столько же творческой мысли Великого Петра, сколько энергии и умению его первого губернатора, чьи природные способности, до сих пор проявлявшиеся лишь в мелочах, нашли себе, наконец, достойное применение.

В начале 1704 года положение Меншикова при Петре еще больше укрепилось. За полтора года до этого русские войска под командованием фельдмаршала графа Шереметева овладели Мариенбургом. Среди взятых в плен оказалась семья пастора Глюка, державшая в услужении сироту Марту. Сначала девушка попала в руки какого-то сержанта, затем ее забрал себе Шереметев, а потом Меншиков отнял у фельдмаршала Марту, которую к тому времени стали называть Катериной Трубачевой. Вскоре на Екатерину обратил внимание сам Петр. Возможно, их знакомство было случайным, но не исключено, что Меншиков его специально подстроил. С Анной Монс, фавориткой царя, у него сложились неприязненные отношения, и он был заинтересован в разрыве Петра с дочерью вино торговца из Немецкой слободы.

Со временем Екатерина Трубачева прочно завладела сердцем ца-

ря. Своим возвышением она была обязана Меншикову, и чувство признательности ему сохранила на всю жизнь.

Радея о счастье своего высокого покровителя, Александр Данилович не забывал и о себе. Он вел оживленную переписку с Дарьей Михайловной Арсеньевой, причем, чем дальше, тем более теплыми и нежными становились их письма. Он рассматривал девушку как свою на-

реченную и проявлял по отношению к ней трогательную заботу. Она, со своей стороны, беспокоилась о его здоровье, посылала ему подарки — рубашки, камзолы, кафтаны, башмаки и прочее.

Отношение Петра к Меншикову в этот период отличалось необычайной теплотой и сердечностью. Это видно даже по его обращениям в письмах — «Майн херц», «Майн херценкинт», «Майн либсте камрат»

*Петр I
и Александр
Меншиков*

и даже «Майн брудер». Награды и милости сыпались на Александра Даниловича как из рога изобилия. Петр даже назначил его гофмейстером царевича Алексея. Влияние его стали признавать и за границей. Австрийский император Леопольд, желая оказать любезность царю, возвел его фаворита в достоинство графа, а затем князя Священной Римской империи. Польский король Август за победу над шведами в битве при Калише осенью 1706 года подарил Меншикову две крупные вотчи-

ны. А сам Петр пожаловал своего бывшего денщика князем Ижорским и титулом светлейшего.

Но, наверное, не меньшую радость Александр Данилович испытал двумя месяцами раньше, когда в Киеве состоялось его бракосочетание с Дарьей Михайловной. Вместо свадебного путешествия молодые отправились к войскам, которые должен был возглавить Меншиков.

Далее последовало уже упоминавшееся сражение при Калише, потом битва под Лесным, где он

вместе с Петром одержали победу над 16-тысячной армией шведского генерала Левенгаупта, и, наконец, состоявшаяся 27 июня 1709 года знаменитая Полтавская битва. Петр и Александр отдавали приказание, находясь в гуще сражения. Шляпа на Петре и седло его коня были прострелены. Под Меншиковым, командовавшим левым крылом, были убиты три лошади. Еще на поле битвы, перед лицом войска, отдавая дань заслугам своего сподвижника, Петр пожаловал его в фельдмаршалы.

Полтавское сражение завершило собой период наиболее блистательной деятельности Меншикова как полководца. В течение 9 лет, истекших со времени начала Северной войны, сержант Меншиков сумел дослужиться до звания фельдмаршала. Безродный денщик «Алексашка» превратился в светлейшего князя, в богатейшего, могущественнейшего вельможу.

Покончив на время с бивуачной жизнью, они с женой зажили в своем новом великолепном доме на Васильевском острове с невиданной дотоле роскошью. Богатства, приобретенные им благодаря щедрым пожалованиям Петра (после царя он был самым крупным землевладельцем России), дарам европейских монархов и в немалой степени благодаря захваченным во время многочисленных походов трофеям, достигли огромных размеров, и он мог удовлетворять любые свои прихоти. Однако это богатство еще

больше разожгло аппетиты Меншикова. В какие только предприятия не пускался князь в целях наживы! Он заводил фабрики, занимался международной торговлей, основывал всевозможные компании, получавшие монополию на ту или иную выгодную статью торговли, — и все это с разрешения Петра, который был очень доволен, что его любимец личным почином содействует развитию отечественной промышленности. Чего царь пока не знал, так это то, что Александр Данилович безбожно вздувает цены на свою продукцию, притесняет купцов, берет, где только можно, взятки, присваивает казенные деньги. Достаточно долгое время Петр оставался в неведении относительно этой стороны деятельности своего фаворита, так как никто не осмеливался жаловаться на царского любимца. Он, конечно, не был слеп к недостаткам своего Данилыча, знал его честолюбие, любовь к деньгам. Однако не только не вменял ему в вину эти слабости, но и сам, желая того или нет, поощрял их. Поэтому не мог даже допустить мысли, что человек, осыпанный его милостями, позволяет себе его обманывать, что тот, кто оказал столько услуг государству, способен в то же время вредить его интересам.

Поначалу, выслушивая жалобы жертв княжеского стяжательства и произвола, Петр реагировал достаточно мягко. Первое разоблачение произошло в 1711 году. Отправляясь в Прутский поход и проезжая через Польшу, он узнал о некоторых

проступках своего любимца. Последовал выговор, впрочем, не очень строгий: «Зело прошу вас, — писал он ему из похода, — чтобы вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредита ...»

Возвратившись из похода, Петр узнал о новых незаконных деяниях князя и стал внимательнее приглядываться к его поведению. В начале 1712 года, отправляя его в Померанию против шведов, он уже в гораздо более резкой форме предостерегал Меншикова: «Говорю тебе в последний раз, перемени поведение, если не хочешь большой беды. Теперь ты пойдешь в Померанию —

Данилычу. Довольно скоро отношения с Петром были восстановлены, но, несмотря на все старания Меншикова, прежняя теплота в них уже отсутствовала.

Семейная жизнь князя складывалась очень удачно. Дарья Михайловна была заботливой и любящей женой. Жили они, что называется, душа в душу. Но тревог у Дарьи Михайловны было все же немало. В первую очередь ее пугали опасности, которым подвергался муж во время военных кампаний. И основания для этого были. На поле боя Меншиков никогда не берег себя, проявляя порой безрассудную отвагу. Дарья

На одном из островов шведского устья был заложен новый городок, который должен был служить пристанищем для иностранных судов. Это была будущая столица России — Петербург. А вскоре на петербургской стороне был выстроен роскошный дом для Меншикова, а сам Александр Данилович стал первым губернатором Петербурга и всего завоеванного края

не мечтай, что ты там будешь вести себя, как в Польше. Ты мне ответишь головой при малейшей жалобе на тебя». И хотя царь угрозы свой не исполнил, отношения между друзьями испортились.

Однако у Меншикова перед царем была сильная заступница — Екатерина Алексеевна, которая никогда не забывала, чем она обязана

Михайловна даже писала самому Петру, умоляя не давать князю безрассудно рисковать жизнью.

Со своей стороны, и Александр Данилович всегда проявлял заботу о любимой женщине, стараясь не волновать ее, особенно в те периоды, когда она ждала очередного ребенка. Дарья Михайловна подарила мужу семерых детей — трех сыно-

вей и четырех дочерей. Правда, двое мальчиков и две девочки умерли в раннем возрасте. Дарья Михайловна обожала своих детей. Скорее всего, она и к мужу относилась, как к большому ребенку.

Особенно беспокоило ее пристрастие супруга к вину. Нужно сказать, что пьяный разгул прочно вошел в быт двора, и пример в этом

отношении подавал сам Петр. В результате постоянных возлияний головы сподвижников царя едва ли не постоянно были затуманены винными парами. Недаром известный дипломат того времени, князь Курякин, давал им ядовитые характеристики: Франц Лефорт — «дебощан французский», Борис Алексеевич Голицын — «человек ума великого,

Справа:
*Дворец
Меншикова
на Василь-
евском
острове*

*Дарья
Михайловна
Арсеньева —
супруга
А.Д. Меншикова*

но зело склонен к питию», князь Ромодановский — «пьян по вся дни». Меншиков не составлял исключения. Александр Данилович приобщался к «зеленому змию» по всякому поводу, порой напиваясь до бесчувствия. Однако, не желая расстраивать жену, в письмах к ней отрицал участие в пьяных застольях. «А шумны никогда не бываем, понеже царское величество изволит употреблять лекарство», — писал он. В другом послании уверял:

«Чаю, вы будете сумлеватца о нас, что довольно вином забавлялись, только я вправду объявляю, что истинно по разлучения с вами ни единого случая не было».

Разумеется, подобный образ жизни не мог не сказаться на здоровье князя. Дарья Михайловна тревожилась не зря. Примерно с 1711 года Меншиков страдал болезнью легких, которая приняла хронический характер. Периодически у него открывалось горловое кровотечение.

В конце 1713 года у него случился такой жестокий приступ болезни, что врачи предрекли ему неминуемую смерть, и он уже заготовил завещание. Однако крепкий организм Александра Даниловича пересилил болезнь и на этот раз. Правда, в дальнейшем не было ни одного года, когда бы болезнь не приковывала его к постели. В начале 1719 года князь вынужден

государственного аппарата. И это тем более удивительно, что Александр Данилович был... неграмотен. Да-да, светлейший князь, сенатор и фельдмаршал не умел ни читать, ни писать. Практически все современники единодушно подтверждают это. При этом он наивно пытался разыгрывать роль человека, постигшего премудрости письма. Один из дипломатов свидетельствовал:

был в течение целого месяца не покидать свой дом.

Несмотря на проблемы со здоровьем, он по-прежнему не жалел сил на государственной службе — губернатор столичной губернии, сенатор, президент Военной коллегии — обязанностей, которые выполнял Меншиков, хватило бы на дюжину опытных управленцев. Его память удерживала невероятное количество деталей, касавшихся самых различных аспектов деятельности

«Он не умел ни читать, ни писать и выучился только плохо подписывать свое имя. Но в присутствии людей, не знавших о том, скрывал он свою безграмотность и показывал вид, будто читает бумаги». «Князь был очень проницателен, а речь его — восхитительно ясной, — сообщал из Москвы испанский посол, — он рассматривал дела с большой сноровкой, не умея ни писать, ни читать». О том, что подобные свидетельства не являются попытками оболгать

или унижить князя, говорят и результаты последних изысканий историков. Среди десятков тысяч листов, сохранившихся в фамильном архиве Меншикова, не обнаружено ни одного документа, написанного его рукой. Даже сотни писем к Дарье Михайловне, не говоря уже о тысячах писем к царю и вельможам, все до единого были написаны канцеляриста-

1714 года известил князя об избрании его членом Королевского общества. В своем письме гениальный ученый именовал Меншикова человеком «величайшей просвещенности», «помогавшим своему государю не только в управлении делами военными и гражданскими, но, прежде всего, в распространении хороших книг и наук». Наверное, это был

Петр II, жених Марии Меншиковой

Дочь — Мария Меншикова

ми, усердие, умелость и оперативность которых восполняли неграмотность князя.

С этим недостатком Александра Даниловича связан и весьма забавный курьез в его биографии. Меншиков был первым, кого иностранное академическое учреждение избрало своим членом. Не кто-нибудь, а сам Исаак Ньютон в конце октября

единственный случай в истории Королевского общества, когда его членом становился человек, не знавший элементарной грамоты.

Между тем в отношениях царя с Меншиковым явно назревал кризис, который не сулил Александру Даниловичу ничего хорошего. Вообще, начиная с 1714 года и до самой смерти Петра, князь почти

не выходил из-под суда. Следственные коллегии беспрестанно открывали все новые и новые его злоупотребления, требовали отчета во всех потраченных суммах, налагали на него огромные штрафы. Петр, слушая вечные жалобы на противозаконные действия князя, выходил из себя, грозил расправиться с ним, как и со многими другими высокопо-

вряд ли стал бы смотреть сквозь пальцы на казнокрадство князя лишь из-за воспоминаний о былой близости. Он понимал, что в лице Меншикова имеет слугу преданного не только из чувства благодарности, но и по расчету. Ведь гибель благодетеля неизбежно повлекла бы за собой и его собственную гибель. И все-таки неизвестно, какой была

Меншиковский дворец в Ораниенбауме

ставленными взяточниками. Но прошло некоторое время, и Меншиков, повинившись, снова оказывался в милости. Чем же можно объяснить снисходительность Петра? Безусловно, многими годами дружбы с фаворитом, его преданностью, реальными заслугами. Разумеется, важную роль играло и заступничество Екатерины. Тем не менее, Петр

бы судьба Меншикова, если бы Петр прожил еще несколько лет. Возможно, он разделил бы судьбу других казнокрадов, тем более что его защитница Екатерина из-за своей супружеской неверности утратила влияние на царя. Но 28 января 1725 года великого реформатора не стало ... Меншиков вступил в новый этап своей жизни.

Умирая, Петр не оставил завещания. Все говорит о том, что он предполагал передать скипетр своей супруге, однако Екатерина нарушила супружескую верность. Ее фаворит, Виллим Монс, поплатился головой, а она сама лишилась доверия мужа. Тем не менее, после смерти Петра I именно она благодаря смелым и решительным действиям светлейшего, заручившегося поддержкой гвардейских полков, в обход внука императора, Петра II, взошла на российский престол, и звезда Меншикова, готовая, было, померкнуть, засияла ярче прежнего. Иностранцы отмечали, что императрица питает к князю «самое глубокое чувство доверия». Не будет преувеличением сказать, что последующие два года царствования Екатерины Меншиков фактически превратился в некоронованного правителя страны. Теперь уже ничто не ограничивало ни честолюбивых планов «полудержавного властелина», ни его жажды к обогащению. Добился он и указа, прекращавшего расследование его злоупотреблений.

Между тем с начала 1727 года состояние здоровья императрицы стало внушать серьезные опасения. При дворе никто не сомневался, что царствование ее подходит к концу. После смерти Петра Великого Меншиков был самым решительным противником воцарения его внука. Понадобилось всего два года, чтобы князь коренным образом изменил свое отношение к кандидатуре сына царевича Алексея и из лагеря про-

тивников ловко переметнулся в стан самых горячих сторонников передачи трона двенадцатилетнему подростку. Причиной стало намерение светлейшего женить Петра на своей старшей дочери Марии. Желание возложить корону на своих потомков было юридически закреплено завещанием Екатерины I (так называемым тестаментом). Воля императрицы, несомненно, навязанная ей князем, состояла в том, чтобы ее наследником стал Петр, который должен был жениться на одной из дочерей Меншикова.

Екатерина I скончалась 6 мая 1727 года, и на трон взошел Петр II. Через неделю Меншиков получил от императора давно желанное звание генералиссимуса. Пока все шло по плану, его мечты сбывались. 23 мая двенадцатилетний Петр прибыл к Меншикову просить руки его шестнадцатилетней дочери Марии. Через два дня состоялось торжественное обручение молодых. Князь понимал, что необходимо оградить новоиспеченного жениха от нежелательного влияния своих недоброжелателей, и не жалел сил и времени на то, чтобы находиться рядом с ним. Но тут вмешался, как казалось, перст самой судьбы. В конце июня Александр Данилович серьезно занемог. Настолько серьезно, что он сам уже почти не надеялся на выздоровление. Однако его сильный организм уже в который раз сумел одолеть недуг. Но за время его болезни юный император, который уже давно тяготился опе-

кой Меншикова, стремившегося контролировать каждый его шаг, почувствовал, что может избавиться от надоевшего ментора. В этом Петру немало помог хитрый и честолубивый барон Остерман, которого Александр Данилович опрометчиво приставил к нему в качестве воспитателя. Против Меншикова, привыкшего помыкать не только мальчиком-императором, но и знатнейшими вельможами, строили козни и влиятельные князья Долгорукие.

скую вотчину. Правда, по его просьбе, Нижегородская вотчина была заменена ссылкой в Ранненбург — крепость близ Воронежа.

На сборы были даны лишь сутки. Почти все имущество — обстановку, убранство и предметы обихода пришлось оставить, но и то, что решено было взять с собой, едва уместилось на тридцати трех каретах и огромном числе телег и повозок. Князя и его семью сопровождало почти полтора ста слуг.

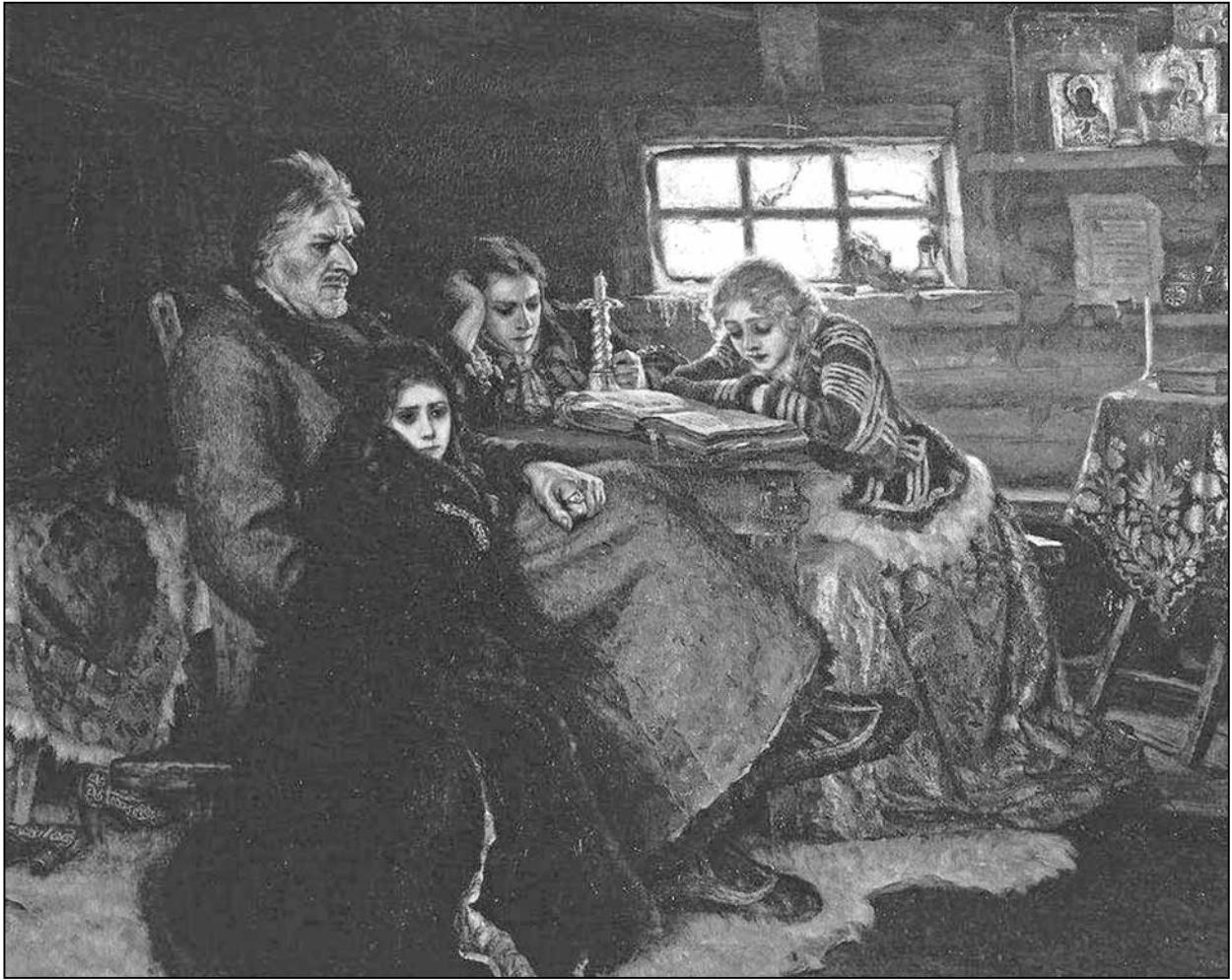

Богатства, приобретенные Меншиковым благодаря щедрым пожалованиям Петра, дарам европейских монархов и захваченным во время многочисленных походов трофеям, достигли таких огромных размеров, что позволяли ему удовлетворять любые его прихоти. Однако это богатство лишь еще больше разжигало аппетиты князя, и он в целях наживы пускался во всевозможные предприятия, порой и весьма сомнительные

Выздоровевший Александр Данилович скоро убедился в том, что его влияние на императора утеряно. Ну а то, что Петру не очень-то нравится его невеста, для него не было секретом. Он уже не сомневался в близости развязки. И она наступила. Меншиков получил предписание, запрещающее ему покидать свой дворец. Все его письменные обращения о снисхождении остались без ответа, а вскоре Петр II подписал указ о ссылке его, лишённого чинов и наград, в Нижегород-

Увы, вскоре надежды Меншикова на то, что в Ранненбурге ему позволят вести существование хоть и опального, но все-таки знатного вельможи, рассеялись, как дым. Ему было предъявлено множество денежных претензий государственных учреждений и частных лиц. Это дало Верховному Тайному Совету предлог описать все имущество Меншикова в петербургских и московских его домах, в приморских дачах, деревнях и заводах. Молва оценивала сокровища князя в фан-

«Меншиков в Березове». В.И. Суриков. (Мария — у ног отца)

тастические суммы. Князь Куракин утверждал, что только ежегодный доход с вотчин составлял 150 тысяч рублей, а стоимость драгоценных камней была никак не меньше полутора миллионов. Среди них «*виделся яхонт червчатой (рубин) великой цены по своей великости и тяжести и цвету, который считался токмо един в Европе*».

Еще более сказочные сокровища приписывали князю иностранные посланники в Петербурге. Говорили, что у Меншикова изъято богатств в виде драгоценностей, золотой и серебряной монеты, на

сумму, превышающую 65 миллионов рублей. Подобные оценки — чистая фантастика, поскольку в то время годовой бюджет России составлял примерно 8,5 миллионов рублей.

Историки конца XIX — начала XX века приводили более «скромные» цифры, но и они вряд ли соответствовали реальности. Речь шла о 4 миллионах рублей наличной монеты, капиталов на 9 миллионов рублей в лондонских и амстердамских банках, драгоценностях на 1 миллион. Среди прочего упоминалось 105 пудов золотой посуды.

Современные наиболее компетентные исследователи полагают, что общая сумма сокровищ и денег, отобранных у Меншикова, составляет приблизительно 400 тысяч рублей. Сумма по тем временам тоже огромная. Однако следует иметь в виду, что она не отражает всего богатства Меншикова. Ведь в нее не входит стоимость дворцов со всех их обстановкой, а главное — многочисленные и огромные вотчины с десятками тысяч крепостных крестьян.

Между тем, пребывание Меншикова в Ранненбурге продолжалось недолго. Его недруги в Петербурге решили, что место ссылки князя не так уж далеко от прежней столицы — Москвы. 8 апреля 1728 года император подписал указ о ссылке князя с женой, сыном и дочерьми в Березов — небольшой городок примерно в одной тысяче верст от Тобольска.

Дорога была долгой и нелегкой. Дарья Михайловна, выехав из Ранненбурга уже больной, не выдержала ее тягот. Она скончалась в начале мая в нескольких верстах от Казани, на руках убитого горем супруга, там же, в Казани, и была похоронена.

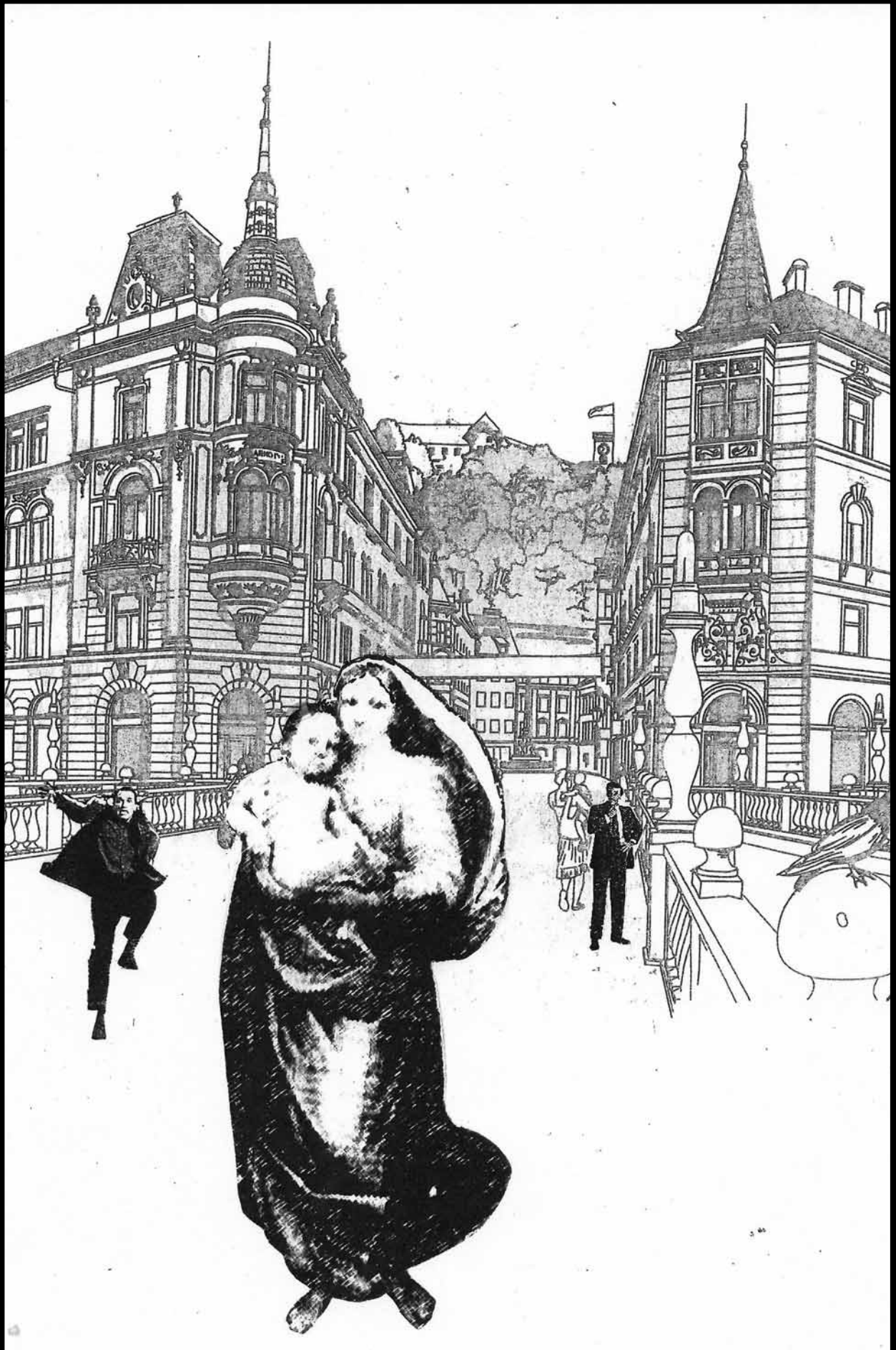
Наконец Меншиков с 13-летним сыном Александром и дочерьми Марией и Александрой добрался до Березова. Трудно было найти место более суровое и неприветливое. Летом при 27 градусах жары над городком поднимались испарения болот, было нестерпимо

душно, зимой же морозы нередко доходили до 45 градусов.

Семью поселили в деревянном здании острога. Через полгода от оспы умерла его старшая дочь Мария, бывшая невеста императора. Удары судьбы, обрушившиеся на Александра Даниловича в последние полтора года жизни, согнули его, но не сломили. Писем о помиловании он императору не писал — понимал, что это бесполезно. Однако, сознавая, что жить ему осталось недолго, заготовил послание Петру II и петербургским вельможам с просьбой не оставлять в беде его детей. Скопив небольшую сумму из денег, которые казна отпускала на его содержание, он нанял плотников и вместе с ними срубил маленькую церковь. Ловко владеть топором Александр Данилович научился еще в далекой юности на корабельной верфи в Сардаме, рядом с ним тогда стучал молотком незабвенный друг Петр. Вот и пригодились эти знания.

Александр Данилович Меншиков умер 12 ноября 1729 года и был похоронен около построенной им церкви. Спустя столетие была предпринята попытка найти могилу князя, но она закончилась неудачей — обнаруженные останки не могли принадлежать Меншикову. Дальнейшие поиски ни к чему не привели.

Будут ли когда-нибудь найдены останки ближайшего сподвижника великого Петра? Вряд ли. Скорее всего, могилы Меншикова более не существует. Место, где он был захоронен, давно размыла река Сосьва. □

РАФАЭЛЬ

В свободный от переговоров день Катерина уговорила начальника рвануть в Дрезден — она мечтала посетить знаменитую Дрезденскую галерею.

— Вы только подумайте, Антон Николаевич, я там ни разу не была! — возбужденно призналась она.

Антон тоже не был. И вовсе из-за этого не страдал. Но он уступил настойчивым уговорам Катерины, так как ему и самому требовалось отвлечься, сменить обстановку.

Их очередную командировку в Германию никак нельзя было назвать удачной. Все шло не так. Немецкие партнеры хитрили и бились насмерть, не уступая даже в мелочах. Этим они ужасно злили Антона. Можно подумать, речь шла об аннексировании Саксонии и Баварии, а не о контракте, заключаемом двумя транспортными фирмами.

Кроме упертых немцев, нервы Антону мотал еще и Грымчук. Он отправился в рейс на новеньком красавце «фредлайнере» — лиловая кабина, серебряная труба — с дорогостоящим грузом на борту. И вот уже целых пять дней как «исчез с радаров», перестал выходить на связь.

Никогда раньше такого не случалось.

Жена Грымчука без конца названивала директору компании, то есть, Антону. За эти дни, проведенные в волнениях и неизвестности, она превратилась в законченную истеричку — рыдала в трубку, обвиняла, умоляла.

Так, словно Антон мог телепортироваться из недр Европы напрямик в сибирскую тайгу и там отыскать пропавшего водителя.

У директора тоже болело сердце — Григорий Грымчук был отличным мужиком и образцово-показательным работником. Он никогда не попадал в передряги, не впутывался в истории, его не приходилось выручать, как других шоферов. Спокойно гонял туда и обратно многотонные фуры, накручивая тысячи километров, не ломался, не терялся, не раздражал гаишников.

И вдруг — стряслось. Как в воду канул.

Страшно признаться, но Антон понимал, что больше, чем судьба водителя, его волнует, где сейчас фура, под завязку набитая ценным грузом. Прошла уже целая вечность с момента исчезновения «фредлайнера», и наверняка случилось что-то непоправимое. Но предложи Антону на выбор два варианта — получить обратно целого и невредимого Грымчука, но без груза, или вернуть груз и машину, но лишиться водителя, — Антон, возможно, выбрал бы второе. Он был не менее оборотистым и хозяйственным, чем его немецкие партнеры, и не желал расставаться со своей собственностью.

От всех этих мыслей у Антона ныло сердце, он был настолько сам себе противен, что, не удержавшись, выругался сквозь зубы: «Проклятье!»

— Вы что-то сказали? — встrepенулась Катерина.

Она сидела рядом, слушала музыку и предвкушала встречу с Дрезденской галереей. Автомобиль Антона несся по автобану на запределной скорости, обычной для немецких дорог. Солнце сияло в лобовом стекле, слепило. Пейзажи за окном радовали глаз, их словно нарисовала старательная школьница: ровные линии, аккуратные синие и белые параллелепипеды промышленных сооружений...

— Набери Валентина Ивановича, — бросил Антон переводчице, не отрывая взгляд от дороги. Через минуту в динамике громкой связи раздался бас исполнительного директора компании.

— Ну что там? Есть новости? — с надеждой спросил Антон у зама. — Нашлась пропажа?

— Не нашлась, — мрачно ответил тот. — Нет, Антон, пока ничего нового. Продолжаем искать. Найдешь его, как же. Это вам не Европа, где яблоку негде упасть, это Сибирь! — объяснил он, словно оправдываясь.

— Ладно. Держи меня в курсе.

Антон выругался еще раз — беззвучно и нецензурно. В голове плескалось и обжигало варевое мыслей, сборная солянка из множества ингредиентов — детали контракта, упертые немцы, Грымчук, истеричная Грымчучка, бескрайняя тайга, поглотившая, как болото, драгоценную фуру и водителя...

Но самое главное — Антон видел перед собой несчастное Дашкино лицо, вспоминал ее растерянный взгляд.

Да, он оставил дома заплаканную жену, Дашку, уехал, хлопнув дверью и буркнув на прощанье что-то нечленораздельное.

И это было еще одной серьезной проблемой, гораздо более серьезной, чем разногласия с немецкими партнерами. Куда бы ни посмотрел Антон, он везде видел Дашино лицо, куда бы ни повернул свой квадратный торс — ощущал неудобство, так, словно внутри торчал железный штырь.

Буквально за минуту до отъезда Даша, сияя затаенным восторгом, сообщила мужу, что беременна... И он вспылал, возмутился. Еще бы! Во-первых, от водителя не было вестей, и Антон лихорадочно тормозил знакомых, пытаясь организовать поиски. Во-вторых, немцы вдруг заартачились, контракт горел «синим пламенем», и потребовалась срочная командировка.

Да, более неудачного момента нельзя и представить.

Главное — они давно обсудили этот вопрос и обо всем четко договорились! Дарья была намного младше Антона, до нее он уже успел вкусить радостей семейной жизни.

В первом браке, случившемся «по залету» сразу после возвращения Антона из армии, родился ребенок, девочка. К ней Антон не испытывал никаких чувств. Сочный эскалоп с золотистой корочкой вызывал у него больше положительных эмоций, чем родное дитя. Он не видел в дочери ни одной своей черты, внешне она была копией матери — женщины красивой, но ограниченной и неразвитой, жадной и требовательной. Антон с ужасом вспоминал период их совместной жизни, вернее, те два года ада.

Сначала жена упоенно погрузилась в беременность. Ее настроение менялось тысячу раз на день, она то смеялась, как ненормальная, то рыдала без видимых причин. От красоты не осталось и следа, на лице проступили коричневые пятна, на ногах вздулись синие вены. К девятому месяцу она ходила, переваливаясь, как утка, ныла, жаловалась, держалась за поясницу, винила Антона во всех смертных грехах.

Когда родился ребенок, стало еще хуже. В доме постоянно пахло сырой марлей и пеленками, все окна были наглухо задраены. Жена превратилась в зомби: красные от недосыпания глаза, подтеки молока на мятом халате, сосульки грязных волос. Дочка корчилась в кроватке от кишечных колик, кряхтела, скулила, а потом и вовсе раздражалась визгом. Особенно она любила поорать ночью. Спала только на руках или в коляске на улице. С младенцем постоянно было что-то не так: шумы в сердце, жидкость в мозгах (где там мозги?), увеличенная печень. Дочка цепляла все вирусы, витавшие

в радиусе пяти километров от их дома, страдала от сыпи, забитого носа, кашля, хрипов, высокой температуры...

Когда ребенку исполнился год, Антон затеял бизнес, арендовал офис и постепенно полностью туда переселился — собственное дело требовало неусыпного внимания. Вскоре они с женой разошлись. Причем настолько за время супружества измотали друг друга взаимными недовольствами и придирками, что даже умудрились расстаться цивилизованно, без склок. Антон не бросил их на произвол судьбы; человек основательный и ответственный, он выделял им щедрое содержание, иногда водил дочку в парк аттракционов, не получая от общения с ней никакого удовольствия. Как и ее мать, она сплошь состояла из «дай» и «хочу», всегда была чем-то недовольна, куксилась, кривила пухлые губки...

Итак, отхлебнув всего лишь каплю от чаши отцовства, Антон сделал вывод, что ему это не нужно. И когда через несколько лет он вновь женился, то первым делом поставил условие, что с потомством они торопиться не будут.

Юная невеста не возражала — она вовсе не мечтала заковать себя в кандалы материнства. Даша хотела наслаждаться свободой, путешествовать, веселиться и помогать мужу с бизнесом.

Они именно так и познакомились: на втором курсе института Дарья устроилась работать бухгалтером в транспортную компанию Антона. Хорошенькая, любознательная, деятельная, она сильно отличалась от первой жены — уступала в красоте, но была очаровательна, живо всем интересовалась и прогрессировала в профессии.

Антон, до смерти напуганный первой женьтьбой, долгие годы избегал серьезных отношений, практикуя молниеносные связи и рискуя превратиться в прожженного циника. Дашка стала глотком свежего воздуха, очаровала и вознесла на небеса.

Уже довольно скоро она разбиралась в бухгалтерских закорючках лучше главного бухгалтера и постепенно стала правой рукой Антона. Ловко оперировала цифрами, держала в голове бездну необходимой информации. Предприятие развивалось бурными темпами. Контракт с немецкими партнерами должен был вывести фирму на новый уровень. Во многом тут чувствовалось влияние Даши: она вдохнула в Антона новую жизнь, подталкивала и окрыляла его — и делала все это инстинктивно, по наитию, ведь трудно ждать особой мудрости от двадцатилетней девушки.

В вопросе будущих детей они достигли полного взаимопонимания: ребенок сейчас им только помешал бы. Антон предложил завести разговор об этом, когда Дарье исполнится, ну, хотя бы двадцать восемь или тридцать

цать. Но он в тайне надеялся, что, привыкнув к вольной жизни, жена и сама не захочет рожать.

И вот стряслось — взорвалась бомба, в одно мгновение разметав их в разные стороны. Воспоминания камнепадом обрушились на Антона, он с ужасом представил, что история повторится. Вместо милой Дашки возникнет нервное и плаксивое существо, антипод его чудесного ангела. А потом в доме поселится, лишив покоя и мира, мерзкий, вечно орущий красный младенец, от которого никуда не сбежать.

О, нет! Не надо!

Дашка нарушила их уговор. Услышав жуткую новость, Антон не сдержался и выплеснул свое негодование. Они и раньше ругались и ссорились — по мелочам, зато потом бурно мирились. Но теперь это была не ссора — предвестник страстного примирения, а глобальное противоречие, ликвидировать которое можно было только радикальным путем — уничтожив попутно одну микроскопическую жизнь.

— Это еще не человек, это зародыш, — мотнул он головой, ясно давая понять жене, что против рождения ребенка. Даже в сердцах накричал на нее, а под конец ледяным тоном заявил: — Постарайся к моему возвращению решить эту проблему.

Дашка смотрела на него снизу вверх, маленькая, растерянная, беззащитная. Нет, совсем не эти слова говорят любимой женщине, узнав о ее беременности... Но ему не нужен этот ребенок, у них ничего не получится, сейчас не время. Контракт, немцы, капитальное расширение компании, работа на износ от рассвета до заката. Но самое главное — ведь они же обо всем четко договорились! Нельзя так запросто отказываться от собственных слов и нарушать обещания!..

— Дрезден! — захлопала в ладоши Катерина. — Ура!

Они ехали по улицам сонного, пустого и невероятно чистого города, подбираясь к Цвингеру — культурной сокровищнице страны. Похожие на стрекоз разноцветные автобусы, с тонированными стеклами и с эмблемами агентств на бортах, один за другим выгружали туристов. Ветер задумчиво теребил кроны деревьев, по серо-зеленому сумрачному пруду бежала мелкая рябь. По аллее вдоль пруда в сторону Цвингера тянулись группы туристов, а также гуляли благообразные немецкие старушки, одинаково одетые в белые джинсы и кофточки пастельных тонов. Улыбчивая фройляйн продавала пирожные с творогом и миндалем. Антон мрачно проследовал мимо — двигался к цели, не отвлекаясь на мелочи. Но Катерина ухватила начальника за рукав, остановила, и через минуту они уже

поедали знаменитый дрезденский десерт, доставая из бумажного пакета мягкие квадратики теста.

— Каков наш план, Антон Николаевич? — спросила переводчица. — Предлагаю разделиться. Что-то мне подсказывает, вас не очень волнует мировое художественное наследие.

— Совсем не волнует, — буркнул Антон. — Но я загляну в галерею, раз мы сюда приехали. Давай договоримся так. Встречаемся здесь через полтора часа. Потом где-нибудь поужинаем и рванем обратно.

— Полтора часа?! — воскликнула Катя. — Да я и пол-этажа за это время не осматрю. Три, Антон Николаевич, три часа!

— Хорошо, три, — покладисто согласился он.

Ему, в принципе, было неважно. Телефон и планшет под рукой, можно, быстро взглянув на парочку экспонатов, устроиться потом на берегу пруда и заняться работой: координировать поиски Грымчука или еще раз перелопатить немецкий договор.

— Антон Николаевич, я вас обожаю! Спасибо! — выпалила Катерина.

...Они купили билеты в цокольном этаже здания, поднялись наверх и тут же разделались, потому что переводчицу сразу увело куда-то вправо, она издала тихий восторженный вздох и застыла у гигантского полотна в золоченой раме. Поверхность картины блестела, виднелись мазки и трещинки. Антон, пожав плечами, отправился в следующий зал. Он неторопливо брел, погруженный в тягостные размышления, и, останавливая взгляд то на одном, то на другом полотне, с удивлением видел на них отголоски бури, бушевавшей сейчас в его душе. Персонажей картин одолевали страсть, возмущение, обида, гнев. Они вонзали друг в друга копья, истекали кровью, молили о пощаде.

Антон никого не пронзал копьем, однако тоже кипел обидой и злостью.

Злился на Грымчука — почему позволил себе сгинуть в тайге? Куда он делся? Злился на партнеров — к чему все их капризы и занудство? Злился на Дашу — выкинула фокус, пренебрегла договоренностью. Вот от кого он не ожидал подвоха, так это от нее! За три года совместной жизни она превратилась в его самого близкого друга...

Войдя в следующий зал, Антон остановился, поднял голову и... замер. Прямо перед ним оказалось полотно Рафаэля Санти — знаменитая «Сикстинская Мадонна».

Внезапно все смолкло — звуки шагов, редкое кхеканье, шепот и поскрипывание, а потом исчезли куда-то другие посетители галереи и зрители. Он остался один на один с картиной, растиражированную копию которой видел тысячу раз. Мадонна с младенцем на руках смотрела прямо на него, а он в ответ не сводил с нее взгляда.

Антон хорошо помнил, как в детстве рассматривал репродукцию в учебнике: там была нарисована тетенька с толстым карапузом, а еще — странный старик в золотых одеждах и два упитанных ангелочка на переднем плане. Да, тогда ему — школьнику — Мадонна показалась солидной тетенькой. А сейчас он вдруг понял, что она сама еще совсем ребенок... Сколько ей? От силы шестнадцать...

Его почему-то поразило именно это открытие: Мадонна — вовсе не зрелая дама, а (с высоты его тридцати двух лет) практически малютка. И она чем-то была очень похожа на Дашу.

Эту картину художнику заказали монахи церкви святого Сикста, но религиозный подтекст ускользал от Антона. Сейчас он видел только молодую женщину, недавно сотворившую невероятное, необъяснимое и святое чудо — новую жизнь...

Антон не отрывал взгляда от прелестного юного лица Мадонны. Она держала ребенка перед собой, словно говоря: «Вот мой малыш. Я не знаю, что с ним будет в этом мире, не знаю, что ему суждено испытать. Но он родился, он существует, и я так надеюсь, что он будет счастлив, и жизнь будет добра к нему...»

Антон медленно опустился на диван, не понимая, что с ним происходит. В горле застрял комок, в груди все переворачивалось. Двигались шестеренки, взволнованно стучали поршни. Его система ценностей — монументальное построение — разваливалась, рушилась, превращалась в груды обломков. Но из этой беспорядочной груды уверенно пробивалось и росло какое-то новое знание.

Он просидел перед картиной, наверное, целый час. Зал то пустел, то вновь наполнялся посетителями. Народу было не так уж и много — туристический сезон еще не начался. Люди подходили к картине, смотрели, удивлялись, вздыхали и продолжали путь, а Антон все сидел и сидел. Немка-смотрительница бросала на него удивленные взгляды, но он их не замечал.

Эта юная женщина, изображенная на картине, бесподобная и божественная, сама дитя, но уже мать, смотрела на него и наполняла его душу удивлением и светом. Мадонна излучала сияние, она владела истиной, недоступной простым смертным...

Беззвучно завибрировал телефон, возвращая к реальности. Опять звонила жена Грымчука. Антон поднялся с дивана и направился к выходу, бросив в трубку:

— Лена, я сейчас перезвоню.

За утро жена водителя звонила ему трижды, и вот сейчас — в четвертый раз. Он ей перезванивал, чтобы она не тратилась на роуминг. За спиной

остались впечатляющие черно-золотые купола зданий Цвингера, его серые стены, статуи и барельефы. Антон направился в обход зеленого пруда к парковке.

Ему нечего было сказать бедной женщине, а она планомерно приближалась к границе безумия, измученная страхом за мужа.

— Антон Николаевич... — всхлипнула Лена в трубку, — как же... и что... никаких вестей? Что мне делать?! Он погиб! Его убили, его закопали где-нибудь под елкой! Его никто никогда не найдет! Мой Гришенька-а-а-а!..

— Лена! — не выдержав, рявкнул в ответ Антон. — Елена! Прекрати истерику! Найдется твой Гришенька, никуда не денется. Я пол-Сибири на уши поставил! Из-под земли достанем.

— Правда? Правда, Антон Николаевич? Спасибо! Спасибо! Я так на вас надеюсь, я так вам верю!

Антон нажал отбой и задумался. Звонок и разговор с женой водителя отвлек его от какой-то важной мысли. Она возникла в тот момент, когда он что-то открыл для себя, рассматривая «Сикстинскую Мадонну». Эта простая мысль в его перевернутой душе все расставляла на места, все сразу делала ясным и понятным...

Нежность к Дашке и к той новой жизни, которая зародилась внутри нее, до краев наполнила Антона. И тут его охватил ужас: а вдруг жена выполнила его жестокий приказ и избавилась от ребенка? — и лихорадочно выхватил из кармана мобильник. Он не слышал Дашиного голоса с самого отъезда. Для них это было что-то невероятное: обычно, когда Антон уезжал в командировку, они перезванивались чуть ли не каждый час.

Даша ответила не сразу. Или не могла сейчас говорить, или не хотела брать трубку. Антон изнывал и томился, слушая гудки мобильного.

— Даша, ответь же! — умолял он.

Наконец в трубке раздался ее голос.

— Да, — устало и грустно произнесла она. — Говори, я тебя слушаю. Наверное, проплакала все эти дни.

— Дашенька, милая, прости меня! — взорвался Антон. — Я — полный идиот! Скажи, ты ничего еще не сделала? Ты... Ты... оставила ребенка?

— Конечно, оставила, — ответила Даша.

— Слава богу! — выдохнул Антон. — Как хорошо, что ты меня не слушалась!

— Ты, Давыдов, действительно идиот! А если ты мне скажешь с десятого этажа прыгнуть, что я, и этот приказ должна выполнить?

— Ты умница!

Захлебываясь и спотыкаясь, он клялся жене в любви, признавал, что был неправ, вымаливал прощение и предлагал тут же, не сходя с места,

придумать имя их первенцу. Сначала Даша всплакнула, но вскоре уже смеялась от счастья. Грозовая туча пронеслась мимо, непоправимого не случилось.

Они проговорили минут двадцать.

Не успел Антон спрятать мобильник, как увидел Катерину — переводчица неслась в его сторону, размахивала руками и что-то кричала.

— Грымчук нашелся! Нашелся Грымчук! — радостно проорала она и с разбегу прыгнула на шею директору, презрев субординацию.

— Да ты что?! Где? Как?

— Валентин Иванович до вас не дозвонился, у вас занято было, он мне все сказал! Нашелся Грымчук! Он сломался в глухомани, там ни телефона, ни телеграфа, ремонтировался в какой-то деревеньке, еле-еле добрался до нормального населенного пункта и только оттуда смог позвонить!..

...Через два дня рейсом «Люфтганзы», так и не заключив договор с немцами, Антон с переводчицей возвращались домой. Когда они летели в Германию, он даже и думать не мог о возможном провале. Но сейчас, потерпев неудачу, был совершенно спокоен — чувствовал, что наверняка придумает другой план, еще более интересный и выгодный для его компании. Да и в целом... Немцы, контракт, бизнес — все это, в принципе, не так уж и важно...

Он увозил с собой «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля, увозил в своем сердце, беспрепятственно миновав таможню и не вызвав подозрения у полиции. А дома его ждала другая мадонна — юная, родная, беременная. Только это и было действительно важно. □

«Шанец при луне»

Денис Дмитриев — премьер балетной труппы Московского государственного музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Незабываемый Зигфрид в «Лебедином озере», принц в балете «Щелкунчик», граф Альберт в «Жизели», Вронский в «Анне Карениной», Парис в «Ромео и Джульетте»... Талантливый молодой танцовщик, обладающий при этом красивой внешностью, он буквально создан для этих ролей и надолго запоминается зрителям.

— В ноябре прошлого года в Московском музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко состоялась премьера одноактных балетов «Баланчин, Тейлор, Гарнье, Экман» — в название вынесены имена выдающихся хореографов. Вы тоже танцуете в этих спектаклях. Расскажите, пожалуйста, о своем участии в них...

— Публике представлены четыре балетные постановки: «Серенада» — Джорджа Баланчина, «Ореол» — Пола Тейлора, «Онис» — Жака Гарнье и «Тюль» — Александра Экмана. Мне очень понравился подготовительный процесс, как шла работа над этими постановками. Балеты бессюжетные, но это нисколько не уменьшает их красоту, например, «Серенада» — это первый неоклассический балет Джорджа Баланчина, поставлен им еще в 1934 году на музыку «Серенада для струнного оркестра» Петра Ильича Чайковского и признан шедевром неоклассической хореографии.

— Невозможно не процитировать самого Баланчина: «В этом балете танцовщики просто движутся под прекрасную музыку. Единственный сюжет балета — музыка серенады, если угодно — это танец при луне...»

— Денис, вы заняты в спектаклях «Щелкунчик», «Лебединое озеро», «Жизель», «Манон»,

а что бы вам еще хотелось исполнить?

— Партию Солора в балете «Баядерка». Существуют различные постановки этого прекрасного балета: Горского, Нуриева, Григоровича, Малахова, Макаровой, Комлевой, Асылмуратовой, а сочинен он был и поставлен впервые в 1877 году Мариусом Петипа на музыку Людвиг Минкуса. В нашем театре балет «Баядерка» идет в постановке всемирно известной балерины-ассолюта, хореографа Натальи Макаровой. Макарова сама была яркой исполнительницей главной партии этого балета — прекрасной Никией.

— Теперь Никию танцует ваша жена, Эрика Микиртичева. Интересно было бы увидеть вас вместе на сцене! Такая красивая пара...

— Мне бы очень этого хотелось, надеюсь, что моя мечта сбудется!

— В 1869 году француза Мариуса Петипа пригласили в Россию руководить балетной труппой в Петербурге. Прошло немало лет... Теперь, с января 2017 года, художественный руководитель балетной труппы — Лоран Илер, один из самых ярких, выдающихся танцовщиков мирового балета. 22 года Илер являлся этуалем Гранд опера. Как вам с ним работается? Не мешает языковой барьер?

— Работается с Лораном Илером очень интересно, творчески, Илер — человек высокой культуры, харизматичная и яркая личность. Мы, артисты, общаемся с ним по-английски и через переводчика, поэтому особого языкового барьера не существует.

Илер был премьером — танцовщиком и балетмейстером Парижской национальной оперы, репетировал репертуар Рудольфа Нуриева, Пьера Лакотта, Сержа Лифаря, Джорджа Баланчина, руководил творческим процессом восстановления балета Мориса Бежара «Весна священная». Он — ученик и преемник Рудольфа Нуриева.

— В вашем театре Лоран Илер подготовил замечательные премьеры, и сейчас готовится к новой постановке — редкий театр может поставить в свой репертуар балет «Дон Кихот» в хореографии Рудольфа Нуриева.

— На кастинг придут постановщики из-за рубежа и будут сами выбирать артистов, кастинг всегда справедливый. На-

до сказать, что хореография Нуриева сложная, технически насыщенная, мелкая техника, виртуозные пируэты, поддержки, и все это очень интересно артистам — постигать в балете абсолютно «новый язык».

— Балетный агент Жанин Ренгэ в 1960 году увидела молодого Нуриева в партии Базиля в Ленинграде и делала все возможное, чтобы молодой артист станцевал во Франции. Она обращалась даже к Екатерине Фурцевой — советскому министру культуры того времени. Прошли годы, в 1966 году Нуриев создал свою хореографическую редакцию на классической основе и танцевал Базилио в «Дон Кихоте» для Венской оперы,

в 1970 году — осуществил постановку для Театра балета Австралии, в 1972 году снял фильм-балет «Дон Кихот». А вам хотелось бы исполнить партию жизнерадостного Базиля?

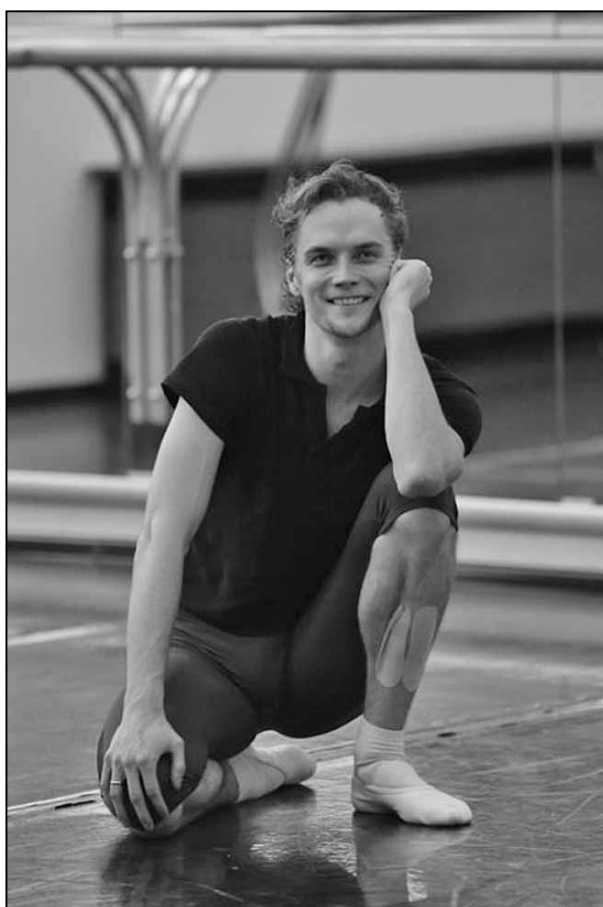
— Конечно! Любому артисту-танцовщику интересно попробовать себя в различных амплуа. По фактуре и технике мне предназначено танцевать принцев, но очень хочется попробовать танцевать и другие партии.

— Денис, в балет вы пришли, вероятно, как многие дети, по ро-

дительской воле? Или это было ваше желание поступить в хореографическое училище?

— Нет, в детстве даже не представлял себе, что это такое. Я родился и вырос в Саратове, после учебы в школе занимался плаванием, не могу сказать, что были какие-то особые успехи в этом виде спорта. Но бывает так, что во все вмешивается его величество случай! Однажды мы с мамой проходили мимо хореографического училища и увидели объявление — проходил набор детей. Мама сказала мне — попытайся, попробуй

себя. А почему бы и нет? Я пришел на кастинг и прошел все туры. Честно признаюсь, первые три года обучения мне не очень нравились, потому что в классе, у станка, нужно монотонно, изо дня в день, повторять одни и те же упражнения, движения. А в детском возрасте мальчишкам так хочется побегать с ребятами, поиграть в футбол, что я и делал после занятий. На четвертом году обучения что-то во мне, наверное, изменилось, и я стал заниматься с большим удовольствием, все больше и больше углублялся в процесс обучения, и так втянулся, что уже не мыслил себя вне танца. Помню, как пересматривал по много раз видеокассеты с записями балетов. Балет захватил меня!

— Как вы пришли в театр?

— По окончании училища в Саратове я поехал в Москву и прошел кастинг в замечательном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, где служу и по сей день. Начиная с кордебалета, первые полтора года мне не давали возможности танцевать, а так хотелось — хотя бы и небольшие партии. Потом, когда начал танцевать сольные, то мечтал станцевать все ведущие партии репертуара! Хотелось танцевать все!

Любая партия помогает артисту раскрыться, найти в себе что-то новое, неизвестное, и помогает познать что-то новое. Каждый выход на сцену для меня — это всегда развитие, это сравнимо с прочтением новой книги, это как глоток свежего воздуха...

— Кто является вашим педагогом-репетитором в театре?

— Георги Смилевски — премьер нашего театра, прекрасный наставник и танцовщик.

Первым моим педагогом был Вадим Сергеевич Тедеев, так рано ушедший из жизни, светлая ему память... Вадим Сергеевич — мудрый учитель, мог дать хороший совет и в жизненной ситуации. Дуэт Маргарита Дроздова — Вадим Тедеев был одним из наилучших балетных дуэтов своего времени. Поклонники балета помнят эту пару.

Потом я занимался с Андреем Ивановичем Уваровым, народным

артистом, в недалеком прошлом — знаменитым танцовщиком, премьером Большого театра.

Андрей Иванович меня облагородил и, что называется, «сломал», я был угловатым, а он «огранил» меня и помог раскрыться как танцовщику, это, знаете, как ювелир шлифует камень и придает ему новые грани, так и артисту надо помочь — «отшлифовать» его. Есть хорошие танцовщики, но им как бы чего-то не хватает, когда смотришь на них, то думаешь, что здесь нужен хороший педагог, чтобы он «огранил» этого артиста. Андрею Ивановичу я очень

благодарен, было приятно и ценно с ним работать.

— Часто можно слышать шутку: мол, артисты балета всю свою жизнь носят женщин на руках ... Денис, сколько должна весить балерина, чтобы с ней было комфортно танцевать?

— Самый хороший вес — это сорок семь — сорок восемь килограммов, максимум, не больше пятидесяти пяти. Скажу, что важен даже не столько вес, сколько некая «удобность», есть легкие девочки, но проблем с ними бывает гораздо боль-

ше. Комфортнее, конечно, работать с опытной балериной...

В спектакле «Манон» я танцую партию кавалера де Грие, постановка сложная, в первом акте — очень тяжелый «кусок», станцевал первую вариацию, потом идут два сложных адажио, после первого адажио у меня три минуты отдыха, а вот когда уже наступает время заключительной поддержки — тогда вес балерины имеет значение. В других же балетах вес партнерши не очень важен.

— В Театральном музее имени Бахрушина в Москве у вас с балериной Эрикой Микиртичевой, вашей женой, был творческий вечер...

— Он прошел в приятной атмосфере, мы рассказывали о своем творчестве, о себе, показывали в видеозаписи отрывки из балетов с нашим участием. По традиции, уже в конце вечера, ведущий задал вопрос, какая у вас есть мечта, и заметил, что у всех артистов, кто отвечал на этот вопрос, мечта сбылась. Я ответил, что хочу исполнить партию кавалера де Грие в балете «Манон». И на следующий сезон меня утвердили в театре на эту роль! Мечта действительно сбылась! Танцевал я «Манон» с Ксенией Рыжковой. Правда, премьерный спектакль «Манон» я хотел танцевать с Эрикой, но нам не дали этого шанса, и я был очень расстроен...

— Помимо балета чем вы еще увлекаетесь?

— Люблю кино, музыку, смотрим с Эрикой все громкие премьеры, а потом вместе обсуждаем увиденное, раскладываем по полочкам: какие задачи ставил режиссер, какие идеи, какие актерские работы нам понравились. Из фильмов мне нравятся драматические, жизненные, а музыку я слушаю всех стилей и направлений — от классики до рэпа.

— Кто вам нравится из современных танцовщиков?

— Вадим Мунтагиров, Руслан Скворцов, Артем Овчаренко, Владислав Лантратов, Леонид Сарафанов, Роберто Боле, Карлос Акоста...

— Есть ли любимые места, куда тянет еще раз вернуться?

— Рим — мой любимый город, я восхищаюсь им, его историей, архитектурой, колоритом, атмосферой. Был в столице Италии дважды, и мечтаю еще там побывать.

— Какого зрителя вам хотелось бы видеть в зале?

— Умного, думающего, мудрого зрителя. Зрителя, который бы не поддавался рекламе, по принципу: все идут, и я тоже пойду.

Хотелось бы, чтобы зритель приходил в театр и открывал для себя новых артистов. □

Беседовала
Елена Воробьева

Виктор Ом

*Искусство –
как природа.
Если вы не пу-
стите его
в дверь, оно вой-
дет в окно».*
Сэмюел Батлер

«Облик самобытно- музыкальный»

(или Искусство для Жизни!)

...То утро, уже по-осеннему мрачно-
ватое и дождливое, началось с ра-
дости... Совершенно неожиданной!
Я торопился к генеральному дирек-
тору строительной компании Влади-
миру Ивановичу Барабашу... Открыл
дверь в его кабинет — и увидел...

*По мотивам
картины
марка Шагала
«Я и деревня»*

Справа:
«Дорога к храму»

Прямо рядом с огромным рабочим директорским столом, заваленным бумагами, какими-то письмами, брошюрами и книгами, стоял мольберт, а на нем... мерцала переливчатыми красками живописная картина. Пахнуло запахом кедрового лака, и тут же подумалось — свежее письмо...

На мольберте был портрет известного, да нет — всемирно знаменитого путешественника Федора Конюхова! Он крепко держал в руках штурвал... Молнией пронеслось в разгоряченном сознании — это не

просто руль, а штурвал собственной судьбы! А вокруг него, словно в калейдоскопе, фрагменты-символы континентов планеты, которые сопровождали путешественника в его трудных маршрутах.

Парящий орел — символ свободы и неумности странствий, острой зоркости, наблюдательности. Белый медведь — хозяин полярных льдов и снегов, знаковый зверь северных экспедиций. И, конечно, парусник! Главное средство передвижения путешественника в океанских эпопеях...

Конюхов — даже среди героев — необыкновенный! Он, как никто другой, может противостоять бушующему хаосу, доказывая реальность силы духа человека! «Великий Федор» — так называет его Владимир Иванович, чуть пафосно, конечно, зато очень искренне...

Он, как и я, общался с Конюховым (правда, эпизодически) и, так же, как и я, накрепко попал под магию личности путешественника.

При этом, глядя на портрет, я подумал, что и сам Барабаш — человек далеко не ординарный. Ну, где

еще увидишь такое: у директора солидной компании — мольберт рядом с рабочим столом? К тому же, не пройдя академическую школу изобразительного искусства и вопреки всем негативным обстоятельствам, он стал интереснейшим живописцем. Оказывается, чтобы творить, нужен в первую очередь талант, а к нему — неутолимая жажда творчества!

Этого у Барабаша в избытке...

Он прошел жизненный путь настоящего мужчины-труженика. Освоил множество профессий, а работать начал с 13 лет... Ведь кроме

«Влюбленные»

него в семье росли еще четыре брата, родителям было очень непросто поднимать пятерых детей. А если припомнить, какими тяжкими были послевоенные времена и как много трудностей было в стране...

А началось все еще в раннем детстве — Володя очень любил пристально разглядывать бабочек, мотыльков, цветы... Вроде ничего удивительного — все малыши проявляют интерес ко всякой живности, но у Володи Барабаша интерес был не как у всех...

Оживала, бурлила в его ребячьем сознании неумная фантазия, а необычно привлекательный цветок,

который особенно поразил его, мама называла чудно — «Ци-ко-рий!»

Теперь художник говорит: «А ты попробуй взять «берлинскую лазурь» и смешать с белилами... С ума можно сойти — безумие несказанной синевы небес, вселенской беспредельности и — самой Вечности!»

Впечатления детства оказались столь сильными, что Владимир Иванович и нынче, стоит ему только увидеть цветок цикория, чувствует в груди ошеломляющее волнение.

«Прав мудрец, — тихо сказал он мне. — Самая великая религия на земле — это Детство!»

Точно родничок из-под земли, брызнул на Володю Барабаша вдохновенный поток любви к красоте, краскам и музыкально-радостным симфониям цвета... Но он еще не знал, что в нем уже зреет, уже пробивается, точно росток подснежника сквозь упругую и холодную корку льда, азартный и жаждущий Художник!

И все же рисовать почему-то пока не начинал...

Судьба его ждала своего срока...

И время Владимира Барабаша пришло — но очень неожиданно, по самой кромке Жизни и Смерти!

Ему было двадцать, когда он оказался под землей в завале угольной шахты. В Гуково, что в Ростовской области, десять часов простоял в пыли и гари, в полной темноте, среди ужаса, криков и стонов пострадавших товарищей... А стоял потому, что не мог шевельнуться — левую ногу привалил огромный пласт.

«Всюду жизнь»

Оставалось одно — стоять, давиться пылью, захватывать, сколько можно, воздух и... надеяться на спасение...

Чудо все-таки произошло — его с товарищами сумели спасти!..

«Я, когда нас подняли, ступил на землю и тихонько поковылял к остроконечным тополям, росшим у ограды шахтного двора, — рассказывал мне Владимир Иванович. — Сердце от волнения и жуткого ступора готово было выскочить из груди. Жить! Еще буду жить!.. Это было словно какое-то помешательство. Что творилось в моей душе! Вдруг как от удара молнии я вмиг осознал

всю ценность человеческой жизни и понял, что теперь буду рисовать, рисовать и рисовать — до последнего вздоха... Чтобы воспеть этот свет, эту радость, эту «сказку» простого бытия!»

Действительно, почти сразу после того случая он впервые взял в руки кисть и попробовал писать акварелью. Первый «опус» на бумаге оказался огорчительно-неудачным, но, главное, это — началось... Володя попытался скопировать левитановскую «Золотую осень». Получилось не очень хорошо... но жажда рисовать была такой неумемной! Дальше «пошли в дело» и другие классики —

Саврасов, Репин, Шишкин, словом, все нравившиеся ему репродукции.

Тем временем жизнь его текла своим чередом. После 8-го класса средней школы Володя поступил в профтехучилище города Морозовска Ростовской области. Окончив его, получил профессию тракториста широкого профиля, и началась его трудовая жизнь... Параллельно с работой он стал учиться в вечерней школе рабочей молодежи, а, получив аттестат о среднем образовании, устроился на работу в угольную шахту машинистом, затем проходчиком горных выработок.

В 1971 году Барабаш был призван в армию, а демобилизовавшись, сразу поступил в Московский горный институт по специальности строитель подземных сооружений и шахт...

Все шло, как казалось, успешно, как и у всех. И только он сам знал, что красота, которую он порой неожиданно видел, уже поманила его своим таинственно-загадочным крылом. Это волновало и будто неслышно звало в пока еще не ясную, полную душевных сомнений, но такую манящую даль...

А жизнь стремительно бежала вперед, неслась галопом, как донская лошадь. С 1991 года по настоящее время Владимир Иванович Барабаш является генеральным директором ООО «Мосинтурстрой». В 2000-м году он защитил диссертацию и стал кандидатом экономических наук. В том же году получил Государственную премию

Украины в области архитектуры и строительства.

И все время был поглощен живописью и коллекционированием, которое все больше и больше увлекало его. Все свое свободное время Владимир Иванович отдавал этим занятиям. Писал акварелью и маслом, стал активным посетителем выставок, художественных салонов, а позднее — измайловского «Вернисажа», который и сегодня является притяжением, с обязательным посещением в выходные.

«Нужно любить искусство в себе, а не себя в искусстве», — говорил великий теоретик театра Константин Станиславский. Эти слова применимы для жизни в искусстве и к Владимиру Ивановичу Барабашу. Он напрочь лишен пафосного позерства и напускного ореола избранничества, что часто, к сожалению, приходится наблюдать среди коллег. И обладает удивительным качеством — стойкостью. А это качество для человека, взявшего на свои плечи груз ответственности, необходимое и первостепенное. Если его не будет, можно очень далеко унести от искусства. Так далеко, что остатка жизни уже не хватит, чтобы вернуться...

Владимиру Ивановичу это не грозит, у него и «хлад ума» имеется, и стойкость, как в жизни, так и в творчестве. Мне особенно радостно почти в каждой работе Барабаша услышать вдруг лирическую мелодию или мощные аккорды философских инсказаний. Объяснению все это не

«Одиночество»

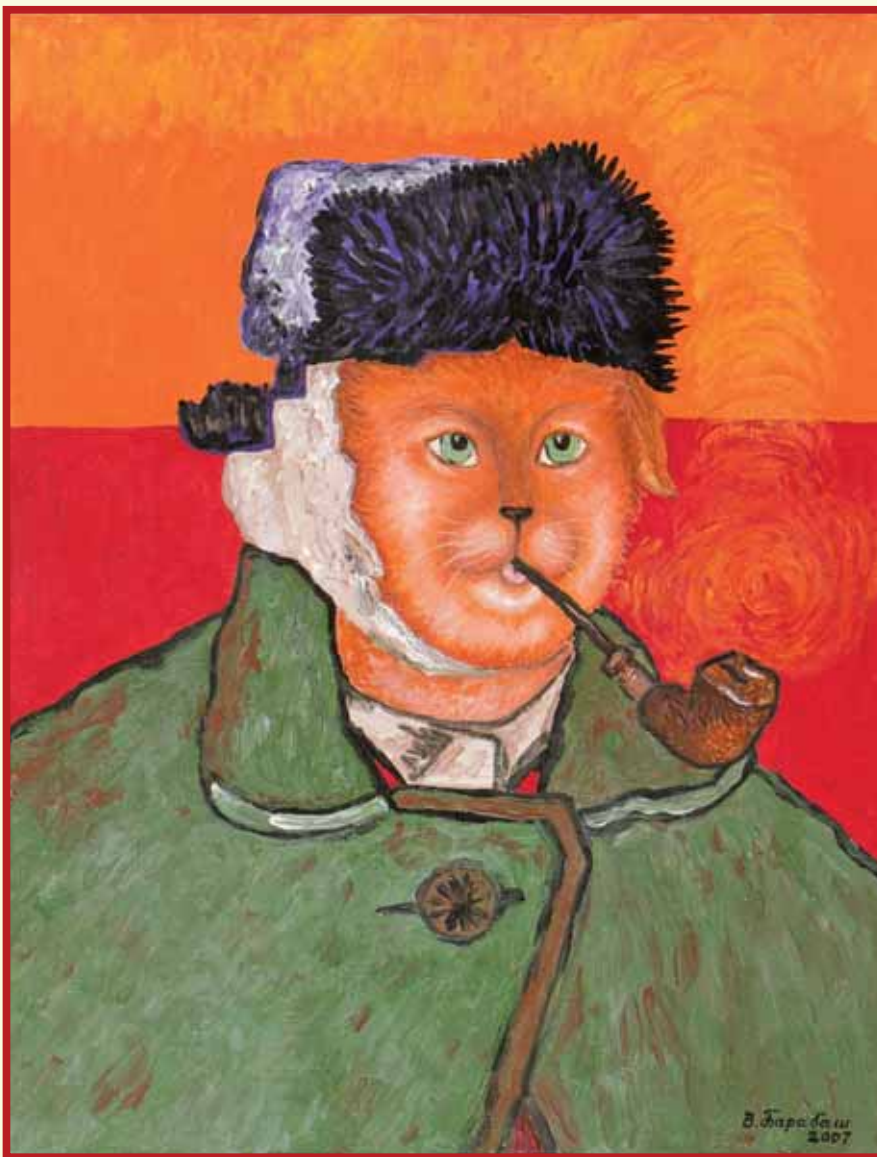

поддается. Есть только одно объяснение — талант!

Поразительная музыкальность его живописи, красочные сюиты о красоте мира напомнили мне слова поэта Николая Артюхова — «Облик самобытно-музыкальный». Это прямо относится к творчеству замечательного художника Владимира Ивановича Барабаша — у него действительно такой облик... И самобытный, и музыкальный. Как песня! А песня — это свобода!

Сам же он считает несколько по-другому. Расставляя небольшие хол-

стики с новыми работами, Владимир Иванович как-то стеснительно проговорил: «Я... это... я художник, так сказать... второго плана, вообще-то...» «В каком смысле?» — не понял я. «Ну, я часто вдохновляюсь понравившимися работами других, поэтому я как бы не оригинальный первоисточник... так что...» «Да какая разница, и кому это интересно, что стало импульсом для работы — важен только результат!» — не удержавшись, выкрикнул я и снова посмотрел на портрет Конюхова...

*Котик
по Ван Гогу*

Справа:
«Музыканты»

Пришлось замолчать, и надолго — слова не шли... Все было поразительно — и свежесть письма — прямо задор красок, и молодое дыхание цвета, и... радость. Радость бытия! Это та радость, ради которой художник берет в руки кисть, ради которой трудится всю жизнь, отдавая все душевные силы, чтобы отобразить ее на холсте, а потом отдать людям! Ведь художник не может творить для себя, он творит для людей, для утверждения жизни, для ее радостного шествия по нашей голубой пла-

нете, по бесконечной вселенной, вселяя оптимизм, жажду познания и любовь!

Владимир Иванович и в жизни влюбленный приверженец природы. Она дает ему силы и материал для творчества, вдохновляет и каждый день призывает к мольберту...

Писал Барабаш и красоты ландшафта Испании, Франции, Швейцарии и других стран, которых немало нагляделся за свою большую трудовую и творческую жизнь... Но! Но!!.. На первом месте у него всегда —

Россия! Это слово для Владимира Ивановича — как молитва! Он — русский художник, воспевает в красках пейзажи и бытие родной страны, пишет портреты своих современников. Его живопись — это его душа, переливчатая и страстная, верная и чистая, как совесть истинного славянина. Поэтому ему так близки слова Николая Рериха:

«Россия грандиозна. Неповторяема. Россия — единственная страна в мире, которая величайшим праздником своим славит праздник утверждения жизни, радуясь заре весеннего расцветенного дня, с огнями крестных ходов под

яхонтовым, парчовым, заревым небом...»

Ушел я от Владимира Ивановича совсем не тогда, когда планировал. Просто так расстаться, не обменявшись впечатлением от портрета великого путешественника, было невозможно. И мы еще долго говорили об этом удивительнейшем из людей, о его поражающей даровитости и мужестве, о понимании им жизненной задачи человека на Земле. Художник каким-то непостижимым образом все это прочувствовал и выразил в живописном празднике красок — и несказанной любви к Жизни! □

*Ян Вермеер.
Автопортрет*

Ирина Опимах

ВЕРМЕЕР

которого мы потеряли...

В 1842 году французский искусствовед и критик, адвокат, журналист, политик-социалист, друг Прудона Теофиль Торе оказался в Гааге. Отдохнув с дороги, он решил побывать в местной картинной галерее Маурицхейс. И вот там, среди ничем не выдававшихся натюрмортов и ландшафтов он увидел потрясающий пейзаж! Типичный голландский городок. Очаровательные чистенькие домики, словно умытые только прошедшим дождем, светящаяся гладь канала! Все удивительно свежо, радостно. Кто же этот художник, написавший столь прекрасное полотно? На табличке под картиной было написано: Вермеер Делфтский «Вид Делфта». Торе, с присущей ему страстью, принялся разыскивать другие полотна Вермеера — в коллекциях Дрездена, Брюсселя, Вены, Гааги, Брюнсвика и Берлина. Неутомимый энтузиаст, он убедил состоятельных друзей, таких как Казимир Перье, барон Кремер и Ротшильд, приобрести несколько картин Вермеера. Другие, например, восхитительную «Женщину с жемчужным ожерельем», купил сам. «Кажется, что свет Вермеера исходит от самих картин», — с восторгом писал Торе в одной из своих статей.

В конце 1850-х годов стали появляться первые статьи о забытом, но гениальном художнике. Слава Вермеера начала свое триумфальное шествие по всему миру. Сегодня удалось обнаружить и совершенно точно атрибутировать не более 35 его картин. До обидного мало! И среди них — замечательный «Географ», ныне украшающий собрание Штеделевского музея во Франкфурте-на-Майне.

Великий голландский художник Ян Вермеер родился в 1632 году в Делфте. Уютный, небольшой, типичный голландский городок... Здесь жили предприимчивые, решительные люди, зарабатывавшие деньги ради процветания своих семейств. Делфтское отделение Ост-Индской компании получало огромные прибыли,

еще поискать в других городах Голландии.

Итак, крестили Яна 31 октября в делфтской Новой церкви. Отец художника Рейнер Янсзон занимался производством дорогой ткани «каффы», это сложное ремесло он

«Вид Делфта»

большие деньги давало и производство ставшего уже тогда знаменитым делфтского голубого фаянса. Все эти средства местное купечество тратило на каждодневные нужды, обустривая свой быт с таким комфортом и вкусом, каких было

освоил в Амстердаме. Приходилось не только ткать, но и придумывать и выполнять на ткани сложные узоры (видно, он был неплохим рисовальщиком). В 1615 году Рейнер женился на милой девушке Дигне Балтенс (дочери фальшивомонетчика Гер-

*«Христос
в доме
Марфы
и Марии»*

ритса). Через пять лет у них родилась дочь Гертруда. Ткачество не приносило большого дохода, а потому Янсзон решил открыть постоянный двор (он назвал его почему-то «Летучая лиса»), а кроме того, занялся торговлей картинами — в те времена они пользовались большим спросом у всех делфтцев, независимо от уровня благосостояния. Зажиточные и не очень горожане с удовольствием покупали морские и городские пейзажи, кар-

тины, посвященные драматическим моментам истории Северных провинций, подробные карты республик, сельские ландшафты. Особым спросом пользовались сцены из повседневной жизни бюргеров в их домах или садиках.

Понимая выгодность торговли живописью, Рейнер с удовольствием покупал и перепродавал картины местных живописцев, а иногда в его лавку попадали и полотна итальянских мастеров. В 1631 году он, как

«Молочница»

человек причастный к искусству, был принят в Гильдию святого Луки, объединение местных художников, и стал называться Вермеером. Видно, дела его шли неплохо, и в мае 1641 года он купил небольшую гостиницу «Мехелен» уже в самом центре города, на Рыночной площади. В доме были таверна и лавка, где можно было выбрать небольшую картину по вкусу.

Тем временем маленький Ян вырослел, и ему все больше нрави-

лось проводить время в лавке отца, смотреть картины и разговаривать с художниками, приносящими свои полотна на продажу. И вот однажды кто-то из приятелей отца, а может, и сам старший Вермеер, дал Яну краски и холст. Мальчик попробовал рисовать, и занятие это ему чрезвычайно понравилось. А потом у него появился учитель — талантливый делфтский художник Карел Фабрициус. Ученик Рембрандта, он многому научился у своего гениального

Справа:
«Географ»

«Кружевница»

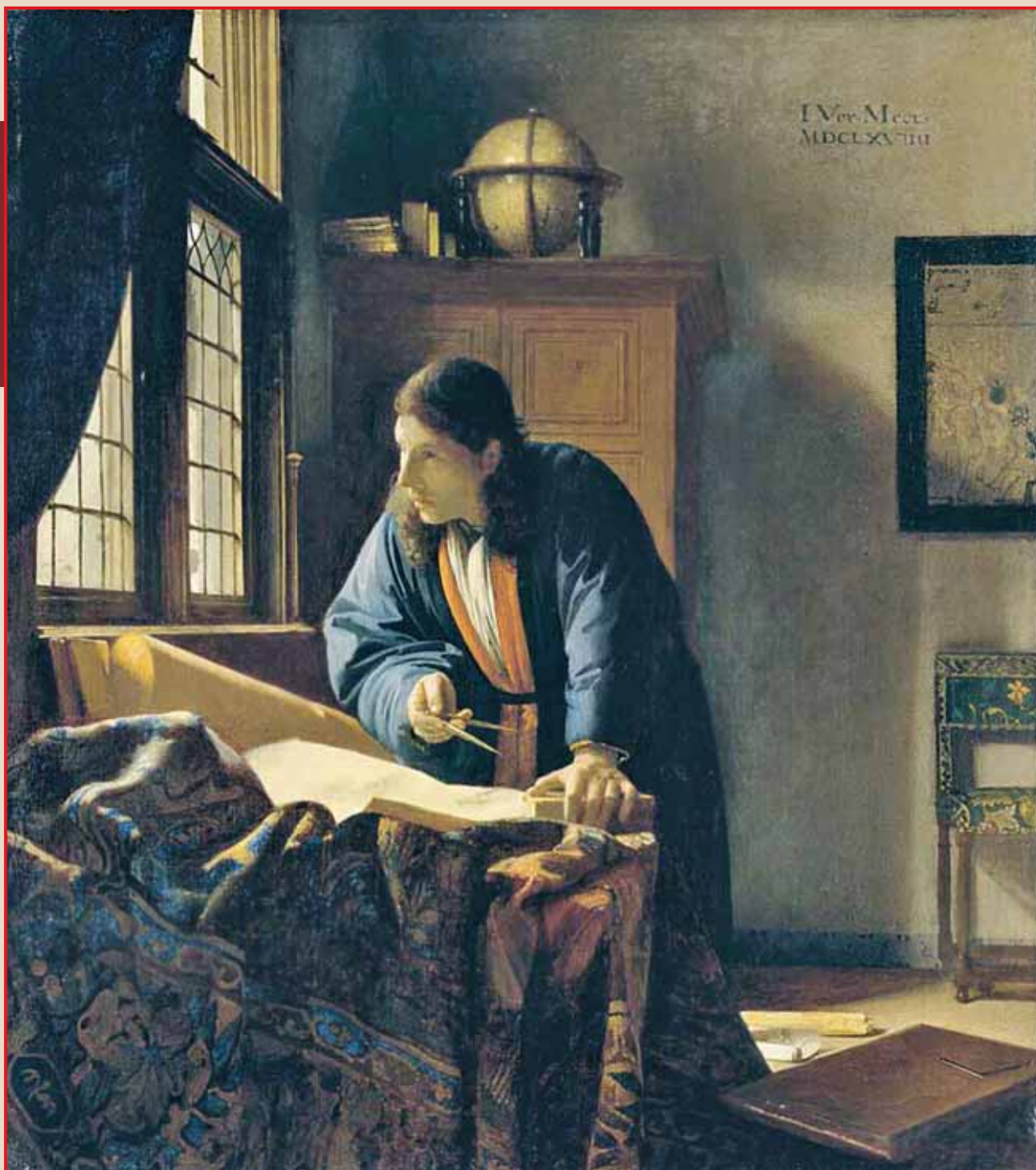
учителя и теперь с удовольствием передавал все, что умел, талантливому юноше.

В 1653 году в жизни Вермеера произошло весьма важное событие — он обвенчался с Катариной Болнес. Наверное, это была большая любовь, иначе как объяснить, что эти двое, юноша и девушка из столь далеких по социальному положению семейств, сочетались законным браком! Невеста происходила из зажиточного католического рода, а жених был из протестантов, причем весьма небогатых. (Ради любимой невесты Вермееру пришлось после помолвки срочно перейти в католичество.)

В 1653 году Яна, как и двадцать лет назад, его отца, приняла в свои ряды в качестве мастера-живописца делфтская Гильдия святого Луки. Вступительный взнос составлял 6 гульденов — это оказалось для художника существенной суммой: после смерти отца дела в семействе Вермееров пошли гораздо хуже. Он не смог сразу заплатить эти деньги и выплачивал их частями три года, и то, скорее всего, с помощью тещи.

В 1654 году покой жителей Делфта нарушил грохот набата — взорвались пороховые склады, а там хранились 45 тонн оружейного пороха! В страшном пожаре горели дома, вещи, люди. В безумном, все-

пожарающем огне погиб и Карел Фабрициус. А совсем недавно ему исполнилось всего 32 года! Смерть Карела потрясла Яна. Это был страшный удар. Похоронив учителя, ставшего ему настоящим другом, он долго не мог прийти в себя и вернуться к нормальной жизни.

Документы свидетельствуют, что в 1662–1663 и в 1670–1671 годах Вермеер состоял деканом Гильдии святого Луки — это говорит о том, что он был признан как мастер и заслужил высокий авторитет среди делфтских художников. Членами гильдии были не только художники,

*«Девушка
с жемчужной
серезжкой»*

но и стеклодувы, керамисты, делавшие в своих мастерских знаменитый делфтский фарфор, скульпторы, торговцы предметами искусства и книгами, а еще издатели, среди которых был поэт и владелец типографии Арнольд Бон, назвавший в 1667 году Вермеера наследником Фабрициуса. Среди его знакомых или даже друзей наверняка был и другой знаменитый делфтец — Антони ван Левенгук, ровесник Вермеера (они родились в один год). Освоив ремесло шлифовальщика, Левенгук блестяще изготавливал самые разные линзы, а потом со-

брал микроскоп и принялся разглядывать самые разные объекты — слюну, каплю дождевой воды, соскоб с зуба и даже собственную сперму. Так был открыт новый, еще не известный науке мир мельчайших существ, а Левенгук навсегда вошел в историю науки. Именно он первым увидел и описал эритроциты, бактерии (1683), дрожжи, простейших, зарисовал сперматозоиды, инфузории и еще много чего другого. В общем, Вермееру наверняка было интересно беседовать с этим удивительным человеком, видевшим в своих приборах то, что было невидимо други-

ми. Может, после разговоров с Левенгуком и возник интерес Вермеера к камере-обскуре, позволявший ему достигать особенного эффекта на своих полотнах.

Очевидно, Левенгука хорошо знали в семействе Вермеера, иначе он не был бы назначен после смерти художника его душеприказчиком и опекуном его детей и жены.

Но это было позднее, а пока Вермеер творил и наслаждался семейной жизнью.

Один за другим, в семье рождались дети — всего одиннадцать. Понятное дело, такая большая семья требовала много денег. Но Вермеер не умел работать быстро, он писал для души и очень медленно. А потому доходы от продажи его картин были совсем невелики. Половину полотен купил его основной заказчик, богатый коллекционер Питер Ван Руйвен. Сегодня известны имена еще трех человек, приобретавших картины Вермеера, — антверпенский банкир Диего Дуарте, его коллега из Амстердама Херман Ван Сволль, ну, и булочник Хендрик Ван Бюйтен. К сожалению, одним искусством всех детей не прокормить, и Вермееру пришлось возобновить торговлю картинами, которой занимался его отец. Но и это тоже больших доходов не приносило. Без помощи богатой тещи семье пришлось бы совсем трудно.

В 1672 году началась франко-голландская война, повлекшая тяжелый, затяжной экономический кризис. Живописью теперь, понят-

ное дело, никто не интересовался, тут бы выжить... Большой семье художника пришлось переселиться из «Михелена», который теперь целиком сдавался внаем, в дом тещи на Оуде Лангендейк. В июле 1675 года Вермеер, распродав за бесценок почти все закупленные им картины, в полном отчаянии отправился в Амстердам просить ссуду в 1000 гульденов у знакомого торговца Якоба Ромбаутса. Он так надеялся, что эти деньги помогут ему снова встать на ноги! Но судьба распорядилась иначе: 15 декабря художнику неожиданно стало плохо. Он прилег в постель, а через несколько часов — скончался! Сегодня трудно сказать, что стало причиной его смерти — скорее всего, это был инфаркт или инсульт...

Ему было всего сорок три года! Художника похоронили в фамильном склепе родственников жены в Старой церкви. В последние годы он мало писал, обремененный огромной семьей, изо всех сил старался хоть как-то прокормить своих детей. После его смерти у вдовы на руках осталось одиннадцать сирот — восемь из них еще несовершеннолетние, из них двое были тяжело больны, а один сын и вовсе был калеккой — он получил страшные травмы во время взрыва на судне, перевозившем порох. А еще Катарине досталась пачка векселей, которые требовалось оплатить как можно быстрее. Пришлось распродавать оставшиеся от мужа картины — его и других художников. В посмертной

описи имущества значатся 26 картин разных авторов, среди них — три полотна Карела Фабрициуса, «Распятие» и «Аллегория Нового завета» Иорданса, а также несколько картин самого Вермеера.

Надо сказать, современники художника высоко ценили его мастерство. В течение последующих после смерти мастера двадцати лет в стране существовали две крупные коллекции его картин: гарлемский антиквар и пейзажист Ян Куленбир имел 26 работ Вермеера, а большой поклонник вермееровского таланта делфтский книгопечатник Якоб Диссиус, муж дочери покровителя Вермеера Ван Руйвена, владел 19-ю произведениями художника. В 1696 году в Амстердаме на аукционе было заявлено 21 полотно мастера из собрания Диссиуса. Из всех проданных на аукционе картин вермееровские прошли по самым высоким ценам. Они разошлись по всей Голландии, позже попали и за ее пределы.

А потом о Вермеере забыли — почти на два века. Лишь благодаря счастливой случайности и Теофилю Торе человечество вновь обрело возможность наслаждаться искусством великого голландца. И сегодня, как и в далеком XVII веке, любители живописи разглядывают его картины, на которых — то задумчивые очаровательные дамы, читающие или музицирующие, то чудесные виды его родного города, то художник за работой... Они очень разные, его герои, но все освещены Вермееровским светом, струящимся из

окон. И на всех этих картинах царит какая-то особенная, вермееровская гармония бытия...

Среди его полотен есть одно, необычное по сюжету и композиции. Оно датировано 1669 годом, и, удивительное дело, — Вермеер редко ставил свое имя на картинах, а на этой он сделал это даже дважды — по-видимому, она ему была очень важна.

«Географ». Так принято сегодня называть эту картину, но раньше ее именовали и по-другому — «Математик», «Философ», «Архитектор», «Геометр». Так или иначе, понятно, что на картине изображен ученый.

Герой Вермеера, одетый в домашний халат, стоит у своего стола в кабинете. И вот мы видим, что ему пришла в голову какая-то мысль — он оторвался от своих бумаг и вычислений и задумчиво смотрит в окно. Все вокруг фигуры героя свидетельствует о его интеллектуальных занятиях. На полу валяются бумаги с расчетами, рядом со столом лежит угольник, стержень с насечками в верхней части окна — часть астрономического инструмента, который назывался «посох Иакова». А еще тут глобус в глубине комнаты, карта на стене. Вся сцена — удивительно живая. Искусствоведы определили, что глобус украшен гравюрами Йодокуса Хондиуса Старшего и изготовлен в Амстердаме в 1618 году, а карта выполнена Виллемом Янсом Блау. Внизу на ней написаны названия и изображены гербы крупнейших европейских го-

сударств — Испании, Франции, Германии, Польши, Швеции и России (в правой четверти поля есть «Rusland» под императорской короной).

Конечно же, Вермеер, работая над картиной, не только писал портрет конкретного человека, но и насыщал картину вполне понятными современникам символами. Так, к примеру, глобус — символ мира, универсума, а еще — и конечности жизни, он появлялся на картинах многих его современников.

Но вот кто же все-таки герой картины? Многие искусствоведы полагают, что это — Антони ван Левенгук. И им очень хочется верить, хотя некоторые историки говорят, что Левенгук на других портретах не очень похож на героя Вермеера. Правда, на этих портретах Левенгук изображен уже гораздо позже, в весьма солидном возрасте, так что вопрос до конца не решен, и тайна героя «Географа» не раскрыта.

А вот судьба самой картины известна, она отражена на ее обороте, где указаны все собственники начиная с 1713 года. С тех пор у нее сменилось множество владельцев.

Сегодня «Географ» — в Штеделевском музее, во Франкфурте-на-Майне.

Но самое обидное, что Вермееровский шедевр мог оказаться в России! На оборотной стороне холста стоит штампель GALERIEDESANDONATO, а также печать, на которой нетрудно разглядеть герб князей Сан-Донато.

В начале XIX века представитель известной русской семьи заводчи-

ков и богачей Николай Демидов путешествовал по Италии. Однажды ночью он, мучившийся постоянной бессонницей и тоской, заехал в тихий монастырь. Это было аббатство Сан-Донато. Настоятель любезно предоставил ему комнату для ночлега, и Демидов первый раз за долгое время выспался! А наутро он принялся упрашивать настоятеля продать ему часть монастырской земли. Сумма была столь велика, что настоятель не нашел в себе силы отказаться. А этот странный русский (кстати, в последние годы своей жизни Николай Демидов стал русским посланником во Флоренции) с увлечением принялся строить на монастырских землях. А потом монастырь постепенно разорился, монахи разбрелись по другим обителям, и Демидов стал полноправным владельцем всего аббатства. Место, живописное, тихое, спокойное, очень понравилось Демидову. Позже, в 1840 году, тосканский великий герцог Леопольд II за определенные услуги и щедрые пожертвования даровал сыну Демидова Анатолию титул князя Сан-Донато. Так Сан-Донато стало княжеством. Демидовы превратили Сан-Донато в райское место. Там был роскошный дворец, в 18 залах которого были размещены шедевры живописи и скульптуры, дорогие ювелирные изделия. Здесь были представлены Тициан, Тинторетто, Ван Дейк, Дюрер, Буше и Грез. Отдельный зал был у испанцев — там хранились творения Мурильо, Риберы, Веласкеса. Особый

зал был у Кановы. А еще во дворце был роскошный малахитовый зал, украшенный уральскими камнями.

После смерти Анатоля все это богатство досталось его племяннику Павлу Павловичу Демидову. В 1871 году он был выбран киевским головой, а потом, через несколько лет, переселился в Италию. Этот весьма достойный представитель славного рода, как и дядюшка, тоже интересовался искусством и с большим энтузиазмом приобретал картины для демидовского собрания; кстати, любил русских художников, поддерживал тех, кто в бедности жил в Италии. Не забывал и о европейских мастерах. Среди особенно ценных его приобретений был и Вермееровский «Географ». Его Демидов купил в 1877 году в Париже с помощью известного маршана Шарля Зедельмейера.

Казалось, все в жизни Павла Демидова складывалось удачно, но в 1880 году он вдруг решил продать виллу со всеми ее сокровищами. 15 марта 1880 года в Сан-Дonato начался аукцион, который продолжался несколько дней. Этот аукцион вошел в историю искусства. Сокровища мирового искусства, коллекция, собиравшаяся с большой любовью и знанием дела, распродалась с молотка, причем, как писали с болью русские собиратели, «в основном, в пользу французских и итальянских аферистов». В газетах писали о полнейшем «разгроме великолепного княжества»... Был тогда продан и вермееровский ше-

девр, навсегда уйдя из русских рук. Поразительно и то, что позже Демидов купил другую картину Вермеера — «Солдат и смеющаяся девушка», а потом продал и ее (теперь она в нью-йоркском Собрании Фрика). Избавившись от Сан-Дonato, Демидов переехал в другое свое итальянское имение — Пратолино, тоже в Тоскане, где неожиданно скончался, как писали в газетах, «от нарыва в печени», в 1885 году. Ему было всего 45 лет.

А между тем, коллекционеров Европы и Америки охватило страстное желание обладать вермееровскими шедеврами. Арт-дилеры не оставляли надежду найти новые, еще неизвестные картины «делфтского сфинкса», как его назвал Торе, что привело к появлению множества подделок. Одним из самых известных изготовителей фальшивых «Вермееров» стал голландец Хан Ван Мегерен, осужденный за свои преступления к тюремному заключению.

Сегодня картины великого голландского художника стоят баснословных денег. Кстати, два настоящих «Вермеера» — «Хозяйка и служанка» (Музей Фрика, Нью-Йорк) и «Аллегория веры» (Метрополитен, Нью-Йорк) — находились в свое время в коллекциях русских собирателей А.А. Половцева и Д.И. Щукина, но и они были проданы по тем или иным причинам за границу.

Сегодня в российских музеях нет ни одного Вермеера... □

Светлана
Бестужева-Лада

Поражение, которое русская армия потерпела в 1806 году под Аустерлицем, нарушила привычный ход жизни (и мыслей) российского общества. К сожалению, император взял на себя функции главнокомандующего, к чему был решительно не способен. Разочарование было всеобщим, к тому же многие офицеры, особенно из высшего звена, чувствовали себя оскорбленными и пришли к мысли, что нужно что-то менять. Желательно, государственный строй.

Но представить себе Россию без царя не мог никто, просто потому, что это казалось абсурдным. Зато наиболее смысленные представляли себе Россию с парламентом и премьер-министром — на английский манер.

А потом грянула гроза двенадцатого года, которая привела к совершенно неожиданным последствиям. В России стали образовываться различные «тайные общества» (которые, в общем-то, ни для кого не

Собрание Союза благоденствия

были тайной). Главной причиной их появления было то, что по возвращении из Европы в родное отечество офицеры, можно сказать, «прозрели» и увидели все бедствия, тяготевшие над русским народом, которые нашли отклик в сердцах людей, всецело охваченных патриотическим воодушевлением.

Следствием этого явилось образование в 1816 году тайного политического общества под названием Союз спасения. Основателями его были: А.Н. и Н.М. Муравьевы, князь С.П. Трубецкой, князь И.А. Долгоруков, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, майор Лунин, полковник Ф.Н. Глинка, капитан Якушкин, адъютант Витгенштейна (главнокомандующего 2-й армией) Па-

вел Пестель и другие. Через два года общество переименовалось в Союз благоденствия. Переработанный устав Союза, так называемая «Зеленая книга», стал известен самому императору Александру I. Сначала государь не признавал в этом обществе политического значения. Даже записка А.Х. Бенкендорфа, в которой сведения о тайных обществах были изложены со всей возможной полнотой и с именами главных деятелей, осталась без последствий (после кончины императора Александра она была найдена в его кабинете в Царском Селе).

Впрочем, 1 августа 1822 года все же последовало высочайшее повеление о закрытии масонских лож и вообще тайных обществ, под каки-

ми бы наименованиями они ни существовали, вместе с этим, от всех служащих, военных и гражданских, была затребована подписка о непринадлежности их к тайным обществам. Все эти меры не остановили, однако, дальнейшее развитие тайных обществ; напротив, среди их членов еще больше укрепилась мысль о необходимости насильственного изменения существующего порядка вещей.

В конечном итоге сформировались два лидирующих тайных общества — Северное и Южное, в которых вопросы общественные сменились вопросами политическими. Главными деятелями общества были: в Петербурге — Никита Муравьев, в Тульчине — Пестель и Юшневский.

В то время как Южное общество готовилось к решительным действиям, замыслы его открылись правительству. Еще до выезда Александра I в Таганрог Аракчеев получил сведения о заговоре, посланные унтер-офицером 3-го Бугского уланского полка Шервудом (которому впоследствии император Николай даровал фамилию Шервуд-Верный). Он был вызван в Грузино и лично доложил Александру I все подробности заговора.

Император не успел предпринять никаких мер, так как 19 ноября 1825 года внезапно скончался. Россия спокойно присягнула императору Константину Павловичу, но цесаревич почему-то признал императором великого князя Николая Павловича. Началось междоусобие, продол-

жавшееся до 14 декабря 1825 года, когда произошли известные события на Сенатской площади.

Восстание декабристов не привело к успеху. Сразу арестовали 118 человек, как наиболее активных, а позже к следствию и суду было привлечено 579 человек. Суд установил одиннадцать разрядов наказания, но император Николай своим указом смягчил приговор почти по всем разрядам, и только пять государственных преступников, выделенных особо, были приговорены к смертной казни: Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский.

Суд вместо мучительной смертной казни четвертованием приговорил их повесить. Приговор был приведен в исполнение 13 июля 1826 года в кронверке Петропавловской крепости. Казнь не обошлась без страшного эпизода: оборвались веревки и Бестужев, Муравьев, Рылеев были повешены вторично.

При всем при этом, не стоит забывать и о сотнях безвинно пострадавших солдат, вовлеченных господами офицерами в один из самых бессмысленных заговоров в истории России. Свыше 1000 солдат были прогнаны сквозь строй, некоторые сосланы в Сибирь на каторгу или поселение, свыше 2000 солдат переведены на Кавказ, где в то время велись военные действия. А ведь они, в принципе, были ни в чем не повинны — их умными речами вовлекли в совершенно не нужные им барские забавы. Большинство сол-

дат, принимавших участие в мятеже, искренне полагали, что «конституция» — это супруга законного императора Константина, которого «злые вельможи» заточили в крепость.

И все-таки бессмысленная стрельба на Сенатской площади изменила историю России. Это было первое открытое выступление с оружием в руках в целях свержения самодержавия и ликвидации крепостного права.

ской гвардии. Волконский принял участие в войне с Францией 1806-1807 гг. Его боевым крещением оказалось сражение под Пултуском, за участие в котором он получил свой первый орден — Св. Владимира 4-й степени с бантом. Некоторое время состоял адъютантом у М.И. Кутузова, главнокомандующего Молдавской армией, а позже был назначен флигель-адъютантом императора.

Известные события на Сенатской площади, та бессмысленная стрельба все-таки изменила, можно сказать, историю России. Это было первое открытое выступление с оружием в руках в целях свержения самодержавия и ликвидации крепостного права. А игровой характер всего движения и подлинные мотивы, двигавшие «революционерами», ярко проявляются на примере жизни одного из них — князя Сергея Григорьевича Волконского

Попробуем рассмотреть феномен декабристов на примере жизни одного из них — князя Сергея Григорьевича Волконского. Просто потому, что он наиболее ярко показывает подлинные мотивы, двигавшие «революционерами».

В 1796 году, в возрасте 8 лет, Сергей был записан сержантом в армию, однако считался в отпуске «до окончания курса наук» и реально начал служить с 1805 года. Его первый чин на действительной службе — поручик в Кавалергардском полку, самом привилегированном полку рус-

С начала Отечественной войны 1812 года он был одним из организаторов партизанского движения и входил в состав «летучего корпуса» генерал-лейтенанта Ф.Ф. Винценгероде — первого партизанского отряда в России.

Войну Волконский закончил генерал-майором и кавалером четырех русских и пяти иностранных орденов, владельцем наградного золотого оружия и двух медалей в память Отечественной войны 1812 года.

Современники вспоминали, что Сергей Григорьевич не снимал в пу-

*Сергей
Григорьевич
Волконский*

бличных местах плаща — грудь его горела орденами. При этом он скромно говорил: «Солнце прячет в облака лучи свои».

Петербургский свет восхищался им, родители гордились. Перед молодым генералом открывались головокружительные карьерные возможности. Но в повседневной жизни Волконский реализовывал совершенно определенный тип поведения, названный современниками «гусарским». Еще находясь в Париже, он сделал огромные долги — и уехал, не расплатившись с париж-

скими кредиторами и торговцами. Французы обращались с просьбой вернуть долг и в российское Министерство иностранных дел, и лично к императору Александру I. Волконского разыскивали и в России, и за границей, но он всячески уклонялся от уплаты. В результате долги сына вынуждена была заплатить его мать. А столь блестяще начатая военная карьера резко затормозилась. До самого своего ареста он не был произведен в следующий чин, его обходили и при раздаче должностей.

В конце 1819 года Сергей Волконский вступил в Союз благоденствия. Обидевшись на императора за собственные служебные неудачи, он не стал принимать должность «состоящего» при дивизионном начальнике и уехал в бессрочный отпуск, намереваясь еще раз побывать за границей.

Случайно оказавшись в Киеве на ежегодной зимней контрактной ярмарке, он встретил там своего старого приятеля Михаила Федоровича Орлова. Орлов, генерал-майор и начальник штаба 4-го пехотного корпуса, уже давно состоял в тайном обществе, и его киевская квартира была местом встреч людей либеральных убеждений и просто недовольных существующим положением вещей.

«Я понял, что преданность отечеству должна меня вывести из душного и бесцветного быта ревнителя шагистики и угоднического царедворничества, с этого времени началась для меня новая жизнь, я вступил в нее с гордым чувством убеждения и долга уже не верноподданного, а гражданина, и с твердым намерением исполнить во что бы то ни стало мой долг исключительно по любви к отечеству».

И все же, скорее всего, в заговор Волконского привело не это, а желание разнообразить свою, в общем-то, пустую жизнь.

Согласно мемуарам князя, в 1823 году, во время Высочайшего смотра 2-й армии, он получил от императора Александра I «предостерегатель-

ный намек» о том, что многое о тайном обществе уже известно. При этом монарх добавил, что князю будет гораздо выгоднее продолжать заниматься своей бригадой, чем управлением Российской империи.

Но... бригада, медленный карьерный рост в отдаленном гарнизоне — это скучно и неромантично. Он и без всякого заговора мог бы со временем стать военным министром, но это значит, что придется служить десять, двадцать лет... А государственный переворот дал бы ему этот пост в считанные дни.

Увы, за две недели до предполагаемого выступления Пестеля арестовали. К самостоятельным же действиям Волконский готов не был, поэтому отказался от возможности поднять на восстание собственную дивизию и силой освободить из-под ареста председателя южной Директории.

7 января 1826 года арестовали уже его самого. Это произошло почти накануне первой годовщины его свадьбы с княжной Марией Раевской, которая состоялась в Киеве 11 января 1825 года, причем, видимо, под нажимом сиятельной матушки, желавшей видеть сына более или менее остепенившимся.

На старшей дочери Раевского, Екатерине, был уже женат генерал Михаил Орлов, тоже член тайного общества, о чем никто не знал.

Мария тоже вышла замуж за Волконского по настоянию родных. Генерал Раевский хотел для дочери блестящей и безбедной жизни, его

прельстил титул жениха — князь Волконский был ветераном войны, генерал-майором, принадлежал к знатнейшей в России фамилии (корни идут от Рюриковичей), имел огромные связи при дворе: его мать, Александра Николаевна, — фрейлина императрицы Марии, статс-дама Двора! И было, наконец, просто желание слить два огромных состояния.

Хотя Сергей Григорьевич часто бывал у Раевских, он не слишком рассчитывал на взаимность: юная девица была лет на двадцать его моложе. Предложение Марии Николаевне князь осмелился сделать только через ее отца и в письменной форме. Кстати, в далеком для нас XIX столетии такая форма сватовства была более чем обычна и свидетельствовала лишь об уважении к избраннице и ее родителям, не более.

Генералу Раевскому все было известно о тайных обществах, тем не менее, он не отказал Волконскому

и благосклонно воспринял сватовство. Потом вызвал Марию к себе в кабинет, дал прочесть письмо от князя, а когда ошеломленная дочь подняла на него глаза: «Папа, я ведь его совсем не знаю!» — с улыбкой махнул рукой: «А кто ж тебя торопит? У вас будет время подружиться... Князь прекрасный человек. Ступай, Машенька!»

В тот же вечер генерал написал Волконскому, что дочь его согласна, и можно считать их помолвленными.

Официально помолвку отпраздновали большим балом, на котором собралось все семейство Раевских — Волконских. Во время танца с женихом на Марии загорелось платье. Танцуя сложную фигуру мазурки, она нечаянно задела краем одежды столик с канделябрами, и одна из свечей опрокинулась. Стараниями жениха, отца и братьев несчастье удалось предотвратить, но платье сильно пострадало, да и Мария

*Жена С.Г. Волконского —
Мария Николаевна Раевская*

порядком испугалась! Ей и другим гостям все это показалось очень дурным предзнаменованием. Сергей Григорьевич, как мог, пытался успокоить невесту, не отходил от нее весь вечер, отвлекал рассказами о заграничном походе 1815 года, взятии Парижа, и постепенно тяжелое впечатление как-то сгладилось, а наутро и вовсе забылось: отвлекли предсвадебные хлопоты...

11 января 1825 года Мария вышла замуж, обустроивала свой новый дом, хлопотала, выписывая занавеси из Парижа, ковры и хрусталь из Италии, беспокоясь о ка-

ретах и конюшне, прислуге и новой мебели.

Мужа она видела редко, он был поглощен какими-то своими делами, приходил домой поздно, усталый, молчаливый. Через три месяца после свадьбы молодая княгиня вдруг серьезно заболела. Слетевшиеся к ее постели доктора определили начало беременности и тотчас отправили хрупкую будущую мать в Одессу, на морские купания. Ее сопровождали сестра и мать.

Князь Волконский остался при своей дивизии в Умани, а если иногда приезжал, то больше расспрашивал жену, чем говорил сам. Мария Николаевна писала позднее:

«Я пробыла в Одессе все лето и, таким образом, провела с ним только три месяца в первый год нашего супружества, я не имела понятия о существовании тайного общества, которого он был членом. Он был старше меня лет на двадцать, и потому не мог иметь ко мне доверия в столь важном деле.

Он приехал за мной к концу осени, отвез меня в Умань, где стояла его дивизия, и уехал в Тульчин — главную квартиру второй армии. Через неделю вернулся среди ночи, будит меня:

— Вставай скорей!

Я встаю, дрожа от страха. Моя беременность приближалась к концу, и это возвращение, этот шум меня испугали. Он стал растапливать камин и сжигать какие-то бумаги. Я ему помогала, как умела, спрашивая, в чем дело?

— Пестель арестован.

— За что?

Он не ответил. Вся эта таинственность меня тревожила. Я видела, что он грустен, озабочен. Наконец он мне объявил, что обещал моему отцу отвезти меня к нему в деревню на время родов, — и вот мы отправились. Он меня сдал на попечение моей матери и немедленно уехал, а по возвращении тотчас был арестован и отправлен в Петербург. Так прошел первый год нашего супружества, он был еще на исходе, когда Сергей сидел под затворами крепости в Алексеевском равелине».

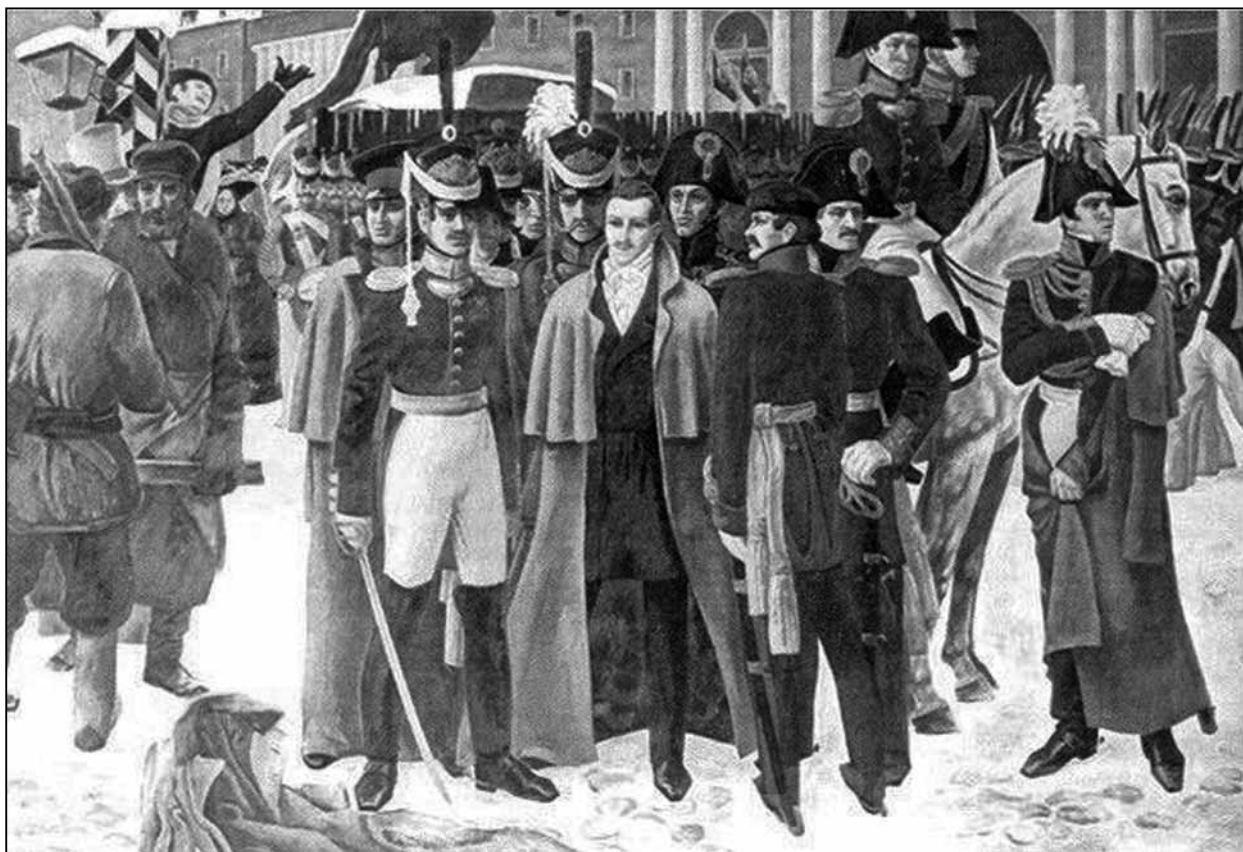
Роды оказались очень тяжелыми, без повивальной бабки (она приеха-

ла только на следующий день!), и 2 января 1825 года у Волконских родился сын, Николай. Николенька, Николино.

Сама Мария тогда едва не умерла, родильная горячка продержала ее в жару и бреде несколько суток, и она почти не помнила свидания с мужем, который приехал 5 января, чтобы увидеть ее и сына, подержать за руку, сказать несколько теплых слов. Они не удержались в ее памяти: что-то очень нежное, ласковое и немного виноватое.

Он уехал в ту же ночь, а через несколько дней был арестован и препровожден в Петербург для первых допросов. Следствие по делу бун-

Союз благоденствия — общество истинных и верных сынов Отечества

товщиков шло полным ходом. Были арестованы Орлов, сыновья Раевского. Сам Николай Николаевич поехал хлопотать за родственников в Петербург, но к его приезду сыновей уже отпустили, за ними ничего не было. За Михаила Орлова ежедневно хлопотал его брат Алексей, второй человек в новом правительстве Николая I.

А положение Волконского было сложным, и осложнялось еще тем, что он не хотел давать показания на своих товарищей. Весь свой гнев император обрушил на голову старого генерала, попробовавшего похлопотать за зятя.

Лишь возвратившись в апреле в Болтышку, Раевский обо всем известил дочь, добавив, что не осудит ее, если она решит расторгнуть брак с Волконским.

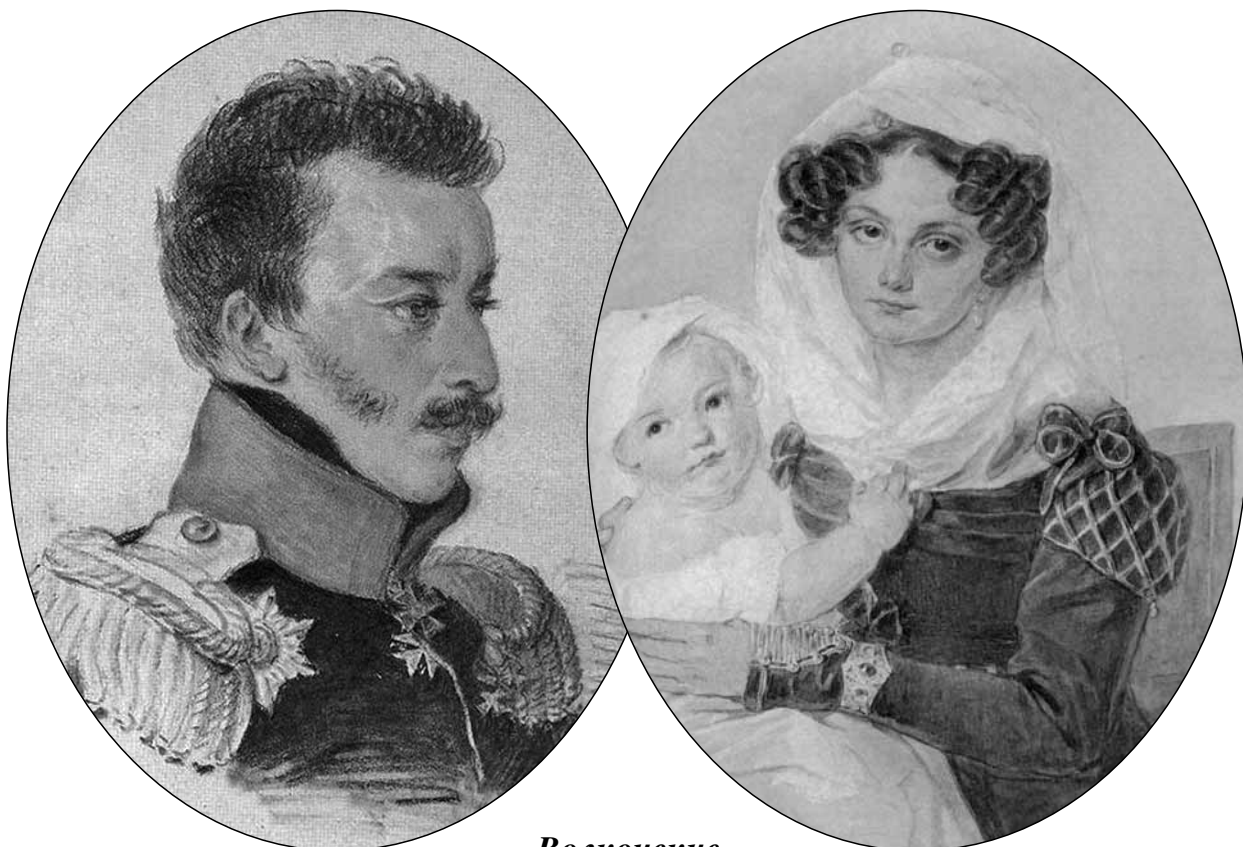
Можно лишь представить себе, каково было все это услышать молодой женщине, измученной долгой болезнью. Раевский рассчитывал на то, что она покорится воле родителей, но произошло наоборот. Дочь взбунтовалась. Как ее ни отговаривали, она отправилась в Петербург, добивалась свидания с мужем и нанесла визиты его родственникам, утешая их и мужественно ожидая приговора. Но тут горячо любимый брат и кумир юности Александр Раевский насильно увез ее из Петербурга, оборвав общение Марии Николаевны с семьей мужа. Он повез ее к тетке, графине Браницкой, где она оставила своего сына.

В имени Браницкой она пробыла несколько месяцев — с апреля по август. И все это время была лишена известий о муже. Но эти месяцы не прошли даром. Мария Николаевна окончательно решила: что бы ни ожидало ее супруга, она будет рядом с ним.

Это решение тем более ценно, что она выстрадала его. Если А.Г. Муравьева, Е.И. Трубецкая и другие жены декабристов не были скованы столь жесткими домашними оковами, свободно общались друг с другом, находили поддержку у друзей, родственников, у всех тех, кто сочувствовал бунту, то Волконская была вынуждена в одиночку бороться за свой смелый выбор, отстаивать его и даже пойти на конфликт с самыми близкими, любимыми ею людьми.

Несмотря ни на что, Раевские были уверены в том, что Машенька выполнит их волю, расстанется с опальным мужем. Но она забрала сына и отправилась в столицу, где остановилась в доме свекрови, княгини Александры Николаевны Волконской, на Мойке (в квартире, где через одиннадцать лет умирал Пушкин).

Мария Николаевна написала прошение Государю отпустить ее к мужу и ждала ответа почти месяц. А когда, наконец, благожелательный ответ Николая I был получен, она оставила ребенка свекрови и выехала в Москву, где на несколько дней остановилась у княгини Зинаиды Волконской, давшей в честь ее знаменитый вечер, на котором были

*Волконские
с сыном
Николаем*

А.С. Пушкин, Д.В. Веневитинов и другие известные люди России.

А в канун нового, 1827 года, когда в московских домах шли балы, звенели бокалы, княгиня Волконская покинула Москву. Как ей казалось — навсегда. Отцу же она сказала, что на год, ибо он обещал проклясть ее, если она не вернется...

Как впоследствии отмечал ее внук, С.М. Волконский, «куда, собственно, ехала княгиня, на что себя обрекала, этого не знал никто, меньше всего она сама. И, тем не менее, ехала с каким-то восторгом... И только в Нерчинске, за восемь тысяч верст от родного дома, она увидела,

куда приехала и на что себя обрекла. И окружавшая пустыня понемногу овладела ее душой».

В Нерчинске от Волконской потребовали подписку, отдававшую ее в распоряжение коменданта Нерчинских заводов. Он не только определял ее встречи с мужем, но наблюдал за ее личной жизнью, прочитывал всю ее переписку, имел реестр ее имущества и денег, которые выдавал ей по мере надобности, но не свыше сначала 10 000 рублей ассигнациями в год, потом эту сумму сбавили до 2000.

Деньги по тем временам — очень большие. На них и в Сибири можно было безбедно прожить всей се-

*С.Г. Волконский с женой в камере в Петропавловской тюрьме.
Рис. Н.А. Бестужева*

мьей, ни в чем себе не отказывая. Да и сибирский климат был много здоровее петербургского, так что угнетала только оторванность от привычного круга, от великосветских балов и раутов. Но княгиня скорее умерла бы, чем призналась в этом даже самой себе.

В июле 1826 года Сергей Волконский, лишенный чинов, орденов и дворянства, был осужден на 20 лет каторжных работ (в августе того же года каторжный срок был сокращен до 15, затем — до 10 лет), с последующим поселением в Сибири. Ни

мать, придворная дама, ни многочисленные влиятельные родственники ничего не смогли сделать для облегчения его участи. Практически до самого конца следствия они не знали, сохранит ли император жизнь генералу-преступнику. Хотя он, собственно, только присутствовал — и то мысленно — при совершении самого преступления. И был сурово наказан за слишком сильное пристрастие к «самобытности».

Конечно, родные были потрясены жестоким приговором, но все они ис-

полнили Высочайшее повеление — и быстро утешились. Тем более что по случаю коронации Александра Николаевна Волконская получила бриллиантовые знаки ордена Святой Екатерины. Получили награды и ее сыновья: князь Репнин стал ка-

его будущего товарища по сибирскому изгнанию А.Е. Розена, в момент совершения обряда гражданской казни князь был особенно бодр и разговорчив. Видимо, бывший генерал тогда плохо себе представлял, что его ждет. Через 10 дней по-

Сергей Волконский, лишенный чинов, орденов и дворянства, был осужден на 20 лет каторжных работ, с последующим поселением в Сибири. Ни мать, ни многочисленные родственники ничего не смогли сделать для облегчения его участи. До самого конца следствия они не знали, сохранит ли вообще император жизнь генералу-преступнику. Хотя он, собственно, только присутствовал — и то мысленно — при совершении самого преступления. И был сурово наказан за слишком сильное пристрастие к «самобытности»

валером ордена Святого Александра Невского с алмазами, а находящийся в «бессрочном отпуске» Никита Волконский — кавалером ордена Святой Анны 1-й степени. (Видимо, за то, что не примкнули к заговору.)

Единственной из всей большой семьи Волконских, кто позволил себе публично не согласиться с приговором, оказалась княгиня Зинаида. Прямо из ее салона отправилась в Сибирь Мария Волконская — и ее проводы носили характер демонстративного выражения нелояльности к власти.

Сам Сергей Волконский воспринял приговор спокойно. По словам

сле оглашения приговора он уже был отправлен к месту отбытия наказания. И только прибыв на каторгу: сначала в Николаевский солеваренный завод, а потом — в Благодатский рудник, входивший в состав Нерчинского горного завода, осознал все произошедшее.

Условия, в которых оказался Волконский на каторге, стали для него полной неожиданностью. Причем для декабристов — молодых, здоровых мужчин, бывших офицеров — тяжелы были не сами работы в руднике, а быт осужденных, который полностью уничтожал их человеческое достоинство. Попавшие в

С.Г. Волконский в преклонные годы

Благодатский рудник государственные преступники находились под постоянным надзором, им запрещалось общаться не только друг с другом, но и вообще с кем бы то ни было, кроме тюремных надзирателей. У них отобрали почти все вещи, деньги и книги, привезенные из Петербурга, — не разрешали иметь при себе даже Библию. Осужденных «употребляли в работы» наравне с другими каторжниками, и при этом строго смотрели, чтобы они вели себя скромно, были послушны поставленным над ним надзирателям и не отклонялись от работ под предлогом болезни.

«Со времени моего прибытия в сие место я без изъятия подвержен

работам, определенным в рудниках, провожу дни в тягостных упражнениях, а часы отдохновения проходят в тесном жилище, и всегда нахожусь под крепчайшим надзором, меры которого строже, нежели во время моего заточения в крепости, и по сему ты можешь представить себе, какие сношу нужды и в каком стесненном во всех отношениях нахожусь положении; физические труды не могут привести меня в уныние, но сердечные скорби, конечно, скоро разрушат брэнное мое тело», — писал Волконский жене из Благодатского рудника.

Каторжная жизнь сразу же подорвала его здоровье и психику: у Волконского началась глубокая депрессия, сопровождавшаяся острым нервным расстройством. И только надежда на скорый приезд жены в Сибирь дала ему возможность выжить в первые страшные месяцы каторги.

К сентябрю 1827 года болезнь Волконского обострилась, на нее обратило внимание тюремное начальство. Он был переведен на новое место каторги, в Читинский острог. Режим содержания заключенных здесь был гораздо более гуманным. Здоровье стало быстро восстанавливаться, к тому же узникам были дозволены ежедневные встречи с женами. Во дворе острога был небольшой огород — и Волконский впервые увлекся огородничеством.

В Петровском заводе, новой тюрьме, куда декабристов переве-

ли из Читы в сентябре 1830 года, каторги как таковой вообще не было: преступников не заставляли ходить на работы.

Специально был выстроен большой острог; там разрешили поселить и жен их. Камеры были тесные и темные, окна прорубили лишь по особому Высочайшему разрешению. Но Волконская была рада, что может жить там с мужем, в их камере, которую она украсила, чем могла; по вечерам собирались, читали, спорили, слушали музыку.

У Волконских в Петровском заводе родилось двое детей — сын Михаил и дочь Елена.

Здесь Сергей Григорьевич по-прежнему занимался «сельским хозяйством». И еще до того, как истек его каторжный срок, по Сибири стала распространяться слава о необыкновенных овощах и фруктах, которые он выращивал в своих парниках.

В 1834 году умерла мать Волконского. После смерти в ее бумагах нашли письмо с предсмертной просьбой к императору — простить сына. Вскоре последовал царский указ об освобождении Волконского от каторжных работ, но он еще два года жил в Петровском заводе на положении ссыльного поселенца. А весной 1837 года семья Волконских переехала в село Урик Иркутской губернии. Мария Николаевна добилась для себя разрешения жить в Иркутске, чтобы иметь возможность обучать сына Михаила в Иркутской гимназии. Через не-

сколько лет получил позволение жить в Иркутске и сам Волконский, однако он предпочел жить в Урике, лишь изредка навещая семью. У него теперь была совсем иная жизнь — хлебопашца и купца. Поэтому к концу своего пребывания в Сибири Волконский собственным трудом собрал приличное состояние.

В августе 1855 года, когда в Сибирь дошло известие о смерти Николая I, Мария Волконская уехала из Иркутска. Новый император Александр II, вступив на престол, издал манифест, в котором объявил помилование оставшимся в живых декабристам, и Сергей Волконский тоже навсегда покинул Сибирь.

После возвращения он жил по преимуществу в Москве, у замужней дочери, несколько раз с «высочайшего разрешения» выезжал для лечения за границу. Со многими положениями крестьянской реформы Волконский не был согласен — в частности, его категорически не устраивало освобождение крестьян без земли. Однако сам факт отмены крепостного права в 1861 году он принял с восторгом и слезами.

Умер Сергей Григорьевич Волконский 28 ноября 1865 года, на два года пережив свою жену. До последних дней жизни он, по словам его сына Михаила, сохранил *«необыкновенную память, остроумную речь, горячее отношение к вопросам внутренней и внешней политики и участие во всем, близком ему»*. □

Известный модельер З.З. опаздывал на телестудию, где вел передачу «Модный разговор». Он угодил в безнадежную пробку, припарковал машину и дальше поехал в метро, куда последние года два не спускался.

Вагон не был переполнен. З.З. уселся удобно у двери, и все бы ничего, если бы не эта женщина напротив. Моложавая, с ладной фигуркой, в коротком черном пальто. На ее шее замысловатым хомутом был повязан широкий пестрый шарф, так, что у пальто образовался высокий синий воротник-стойка, а нижняя часть шарфа была расправлена на груди как аппликация. З.З. мысленно одобрил правильный подход к оживлению простого черного пальто.

В вагоне ехали мужчины и женщины, все как один предпочитающие носить черные и серые куртки и брюки — практично. Как-либо оценивать их одеяние З.З. и в голову не приходило. О чем тут говорить.

Женщина дремала, слегка откинув назад голову с аккуратно собранными в пучок блестящими черными волосами. Глаза ее были закрыты, и З.З. мог беззастенчиво разглядывать бледное точеное, с угловатыми скулами, лицо. Безупречный макияж, аккуратно оформленные черные брови.

З.З. оглядел с одобрением и ее кожаные сапоги. На высоком каблуке-шпильке, узкое голенище почти до колена. Синие. Такой выбор свидетельствовал о том, что у этой особы дизайнерский подход к оформлению своей внешности. Опять же — синяя сумка. Несколько иного оттенка, чем сапоги, но З.З. посчитал это допустимым. Далее его взгляд остановился на синих кожаных перчатках женщины. Вот это уже... перебор!

Будь они черные, размышлял кутюрье, они визуально продолжали бы черный рукав, что было бы неплохо. А теперь черное пальто оказалось в окружении целых пяти островков синего: сапог, шарфа, сумки и перчаток.

Судя по безмятежности женщины, она собиралась ехать долго, как и сам З.З. Чем дольше они ехали, тем больше эти синие перчатки его раздражали. Поменять на черные! Или хотя бы снять!

Поезд то тормозил, то снова ускорялся, проезжая все новые и новые станции, цвет перчаток раздражал его все больше и больше. Как ни уговаривал себя З.З., что это не его дело, что ничего идеального не существует и что каждый имеет право на ошибку, ему безумно хотелось стащить перчатки с рук женщины и выбросить за дверь. Да сними же ты их, мысленно повторял он.

Это испытание длилось долго. В конце концов, женщина открыла глаза, поднялась и прошла к двери вагона, рядом с которой сидел раздраженный кутюрье. Она встала рядом с ним и взялась рукой в синей перчатке за поручень. Поезд остановился. Перед тем как выйти, женщина на мгновение наклонилась к З.З. поближе и тихо произнесла:

— И не подумаю.

Ошеломленный модельер забыл, что ему тоже следовало выйти, и проехал свою станцию.

...Анжелика вышла из метро и направилась в сторону телестудии, на съемки шоу «Читаем ваши мысли».

Кот Баскервилей

По ночам я хочу спать. Не желаю, чтобы что-то светилось в углу спальни. Или, светясь, ловило мышей.

— Зачем тебе светящийся кот? — спросил я. — Это же безумно дорого.

Странная прихоть Миранды меня удивила. При ее-то бережливости!

Уже лет двадцать назад геновая инженерия достигла такого уровня, что, комбинируя гены разных особей, можно было создавать модифицированных животных. Точно не знаю, но взять, например, ген кота и ген светлячка, и вот вам, пожалуйста, — светящийся кот.

— Они только что подешевели, — сказала Миранда. — Я видела рекламу.

Если она упрется, не уступит ни за что. Хотя она всего лишь робот. Будет нить, пока не получит желаемое.

— Ладно, получишь ты своего кота. А теперь приготовь мне, пожалуйста, ужин!

Миранда заулыбалась, чмокнула меня в щеку и поспешила на кухню.

Две предыдущие жены у меня были самые, что ни на есть, настоящие. Но они так надоели мне своими капризами, а главное — расточительностью, что, разведясь со второй, я решил больше не экспериментировать и приобрел жену-робота. Робототехника за последние годы шагнула существенно вперед, и внешне эти жены ничем не отличаются от настоящих. Я был уверен, что уж с роботом-то все будет под контролем.

Как я ошибся!

Я не раз звонил на фирму, продавшую мне Миранду, и просил сделать ее более уступчивой. Увы, переделки невозможны. А вернуть? Мне терпеливо объяснили, что я приобрел не робота-домработницу, а жену. Робот не сломался? Он соответствует общепринятым представлениям о жене? Миранду можно вернуть, но о возврате денег не может быть и речи.

Миранда функционировала очень даже по-женски. А встроенная программа экономии (я заказал специально такую модель) мне очень нравилась. Проблемой становилось упрямство Миранды.

Развод с настоящими женами не стоил мне ни гроша — у нас был брачный договор. Просто вернулись к тому, что было до брака.

Но как развестись с роботом?

— Да выкинь ты ее! — посоветовал один мой старинный друг. — Отнеси на свалку!

Конечно, друг. Пятьдесят тысяч евродолларов — на свалку!

...Котяра прибыл. С Мирандой у них сразу возникли огромная симпатия и взаимопонимание.

— Какая лапушка! — воскликнула она. — Как мы его назовем?

— Котом Баскервилей, как же еще. Сокращенно — Баскер.

— Какое странное имя!

Я посоветовал ей прочитать «Собаку Баскервилей» Артура Конан Дойля. Потратить на это долю секунды. Конечно-конечно! Она непременно прочитает! Но потом. В нее вмонтировано чудесное женское умение соглашаться и не выполнять.

Передавая нам Баскера, заводчица сказала, что он отличный производитель. А котята от него будут тоже светиться, даже если кошка обычная, так как ген свечения — доминантный.

— Вы мои первые покупатели! — сказала она уходя.

— Понятно. Других идиотов не нашлось пока что.

Я еле сдерживался, поддакивая заводчице, но когда она удалилась, велел Миранде немедленно отнести кота в ветлечебницу и кастрировать.

— Какой ты жестокий! — вздохнула Миранда. — Бедный котик! Не хочу!

Пришлось пригрозить, что продам ее кому-нибудь за полцены. Только тогда она затолкала сопротивляющееся животное в мешок и ушла.

От кота, как я и предвидел, были одни неприятности. По ночам он любил побузить. Однажды так разошелся, что умудрился столкнуть со стола тяжелую дорогую вазу. Ваза разбилась вдребезги, Миранда бросилась убирать осколки, а я запустил в хулигана тапком. Судя по пронзительному «мяу», попал.

На следующий день, придя с работы, я обнаружил, что один мой тапок мокрый. Мстительная тварь! Миранда отмыла его, запах исчез, но все равно продолжал светиться в темноте.

— У тебя теперь тапок Баскервилей, — сказала она. — Удобно! Ночью в темной комнате искать не надо!

Миранде кот-хулиган не мешал. На ночь она отключает себя. Чтобы не отключалась, ее приходится просить! Твердит: «Ты приобрел себе не рабыню, а жену».

В конце концов меня замучила бессонница. По ночам (кот светился в кресле, Миранда пребывала в отключке) я предавался мрачным размышлениям. Проклятые женщины...

Подвернувшееся предложение уехать на целый год в командировку принял с радостью.

Миранда расстроилась. Я, конечно, понимаю, что это всего лишь работает программа-имитатор чувств, но кто сказал, что в нас самих не работают некие программы? Возможно, заложенные еще в детстве раз и навсегда. Чем старше я становлюсь, тем четче отлавливаю эти «программы» в окружающих людях. Поэтому на «чувства» Миранды реагирую точно так же, как реагировал бы на чувства «настоящей» жены.

— Ничего, — сказал я ехидно. — Переживешь. У тебя же есть кот!

Год, проведенный в командировке, пролетел быстро. Веселых приключений у меня было немало. Но неожиданно я обнаружил, что скучаю по Миранде. Да, она делает всегда только то, что сама считает нужным. Женщина с характером. Это вызывает уважение. И... любовь.

В радостном нетерпении, как на первое свидание, мчался я на машине из аэропорта домой. Скоро увижу Миранду, увижу родную деревню! Мегаполисы всем надоели и все, кто мог себе это позволить, перебрались жить «поближе к природе».

Когда шоссе поднялось на вершину пригорка, я, наконец, увидел вдали мою деревню. Но... что за чертовщина? Деревня мерцала, словно какой-то неземной объект. Так могла бы светиться, например, гигантская летающая тарелка.

На пороге нашего дома стояла Миранда. Она счастливо улыбалась. Кот сидел рядом с ней и вылизывал лапу.

— Здравствуй, любимый! — воскликнула она.

— Что здесь происходит?! Почему ночью так светло, почти как днем?

— Дорогой... — ответила Миранда воркующим голосом, который, по видимому, был предусмотрен конструкторами именно для таких случаев. — Это все Баська. Прости! Я не отнесла его в ветлечебницу. Понимаешь, роботам запрещено причинять вред живым существам. А теперь... по деревне везде бегают светящиеся коты, кошки и котята. Писают на траву, и трава тоже начинает светиться.

— Соседи уже подали на нас в суд? — спросил я, когда ко мне вернулся дар речи.

— Что ты! Подумай, какая экономия! Счета за электроэнергию у всех теперь мизерные!

— Так вот почему ты настаивала, чтобы я купил такого кота!

— Ну, да, — ничуть не смутившись, кивнула Миранда.

Она взяла Баську на руки и принялась его нежно гладить.

Кот мурлыкал, внимательно наблюдая за мной. Казалось, на его довольной физиономии светилось: «Ну, что? Получил?»

— Ты тоже видишь это? — озабоченно спросил один космонавт у другого. — Подойди к иллюминатору.

— Боже мой! — испуганно воскликнул второй. — Что это?

— Я думал, у меня крыша едет. Все-таки мы уже два года на орбите... Ты в дисплей уткнулся, не оторвать. Иногда стоит и в иллюминатор посмотреть. Когда нас запустили на орбиту, наблюдалось какое-то странное слабое свечение там, где нет больших городов. А теперь светится весь земной шар!

Бессмертие невозможно

Я не поверил своим ушам. Переключился на другую программу, но и там диктор зачитывал сообщение, заставившее прервать трансляцию других телепередач. «Исторический момент», «революционный момент в эволюции человечества» и тому подобное...

Что они несут? Уму непостижимо. Но и на блеф не похоже. Не первое апреля. И так широкомасштабно.

Когда диктор закончил, начались звонки. Звонили друзья, взволнованные родственники. Ты слышал? Ты поверил? И главный вопрос — что же теперь будет?

Наконец хлопнула входная дверь — пришла с работы жена.

— Ты не поверишь, — сказал я, выходя ей навстречу. — По телевизору только что такое сообщили!

— Дай переодеться, есть хочу — умираю! — отмахнулась она.

— Нет, ты только послушай! Это же просто невероятно! Ученые уже давно бились над этим... И вот, наконец, свершилось!

— А нам-то что, — сказала она, направляясь в ванную комнату мыть руки. — Ученые, на то они и есть — ученые...

Пока она не поужинает, разговаривать с ней бесполезно. В голодном состоянии она и менее сложную информацию не воспринимает.

— Да, но это перевернет всю нашу жизнь! Наконец решена проблема бессмертия!

— И что? — спросила она, наливая себе суп и садясь за стол.

— Пойми — люди не будут больше умирать.

— Как это? — удивленно спросила она и перестала наконец жевать.

— Сказали, что изобрели какие-то лучи... После облучения ими всего земного шара человечество станет бессмертным. Только сначала будет референдум. Все жители Земли должны проголосовать за облучение.

Она нахмурилась.

— Ты что же — не рада? — спросил я.

— Мне осталось два года до пенсии, — сказала она сердито.

— Ну да, и что?

— И если все будут жить вечно... Скажи, а что я буду делать, когда выйду на пенсию?

— Насколько я понимаю, никакой пенсии не будет. Ты всего-то тридцать лет работала, а потом будешь веки вечные на пенсии сидеть?

— Вот как... — нахмурилась она. — А не надоест?

— Что?

— Все жить и жить...

— Тебе что — жить надоело?!

— Нет, но... Мне с таким трудом удалось получить хорошее место на кладбище. По знакомству. Нет, я проголосую «против»! Ты голосуй, как хочешь, а я категорически против! □

Дмитрий Зелов

КАРГОПОЛЬ

ТИХОЕ ОЧАРОВАНИЕ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

«Я иду по деревянным городам,
Где мостовые скрипят, как половицы»

Александр Городницкий

Этот крохотный, по столичным меркам, городок с населением чуть более 10 тысяч человек, затерялся на просторах Архангельской области. Добраться до него и в наши дни без машины не просто: железной дороги в

Каргополе отродясь не бывало, а до ближайшей станции Няндомы порядка 80 километров. Зато, благодаря расположению в «медвежьем углу», Каргополь пронес сквозь века тихое очарование Русского Севера.

Ну, скажите, много ли вы можете с ходу назвать древних городов России, застройка которых практически вся представлена частным сектором, высотой в один-два, максимум, три этажа, да к тому же и почти полностью деревянным? Где древние стены и купола храмов XVI-XVII веков гармонично вписаны в окружающий пейзаж, который остался практически точно таким же, каким был и столетия назад? Где до сих пор в проруби стирают белье, в избах топят печи, а пробки если и есть, то лишь бутылочные? Здесь, на берегу широкой и величавой северной реки Онеги, сидя на лавочке под белоствольной березкой можно понять и ощутить ту самую благотворную звенящую тишину, которую так часто упоминали русские классики и которая, увы, уже давно стала неведомой и невозможной в гаме современных российских каменных джунглей.

А еще Каргополь с округой — это родина одного из замечательных народных промыслов — глиняной игрушки и пользующихся большим почетом у гурманов отборных рыжиков, неповторимо-непередаваемый хрустящий аромат которых возможен только тут, где они растут и собраны — на знаменитой Каргопольской Суше с ее хвойными малегами (сосновыми борами).

Седая старина

Каргополь ведет свою историю с 1146 года, будучи, таким образом, на год старше российской столицы.

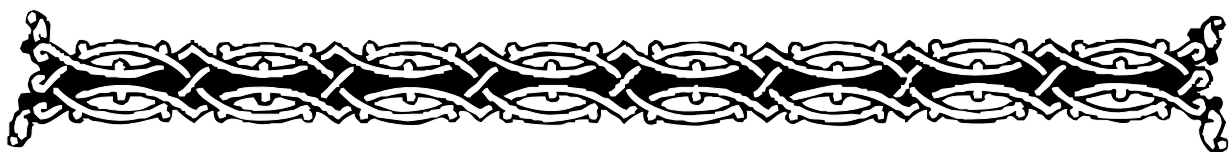
В том далеком году белозерский князь Вячеслав, разбив «чудь белоглазую», нашел место для отдохновения своего войска — назвав его «каргиным» (то бишь, вороньим) полем — и поставил здесь острог. Но все-таки вопрос о времени основания Каргополя дискусионен. Дело в том, что богатейший местный архив, содержащий тысячи бесценных манускриптов прошлого, полностью сгорел во время пожара 1765 года, а историю об основании Каргополя в середине XII века обществу поведал двадцать лет спустя прославленный поэт екатерининской эпохи Гаврила Романович Державин. В 1785 году он посетил древний город с официальным визитом в качестве правителя учрежденного годом ранее Олонецкого наместничества и обнаружил в одном из местных монастырей древнюю рукопись с приведенным в ней рассказом об основании города. Так это было на самом деле, или пиит осьмнадцатого столетия выдумал эту историю для красного словца, определенно сказать невозможно, потому что в Средневековье деревянный город многократно сгорал дотла, каждый раз возрождаясь, словно сказочная птица Феникс. А вот что, скорее всего, действительно соответствует истине, так это приведенная поэтом версия происхождения названия города: во многих северных русских говорах и диалектах «карго» обозначает именно «ворону».

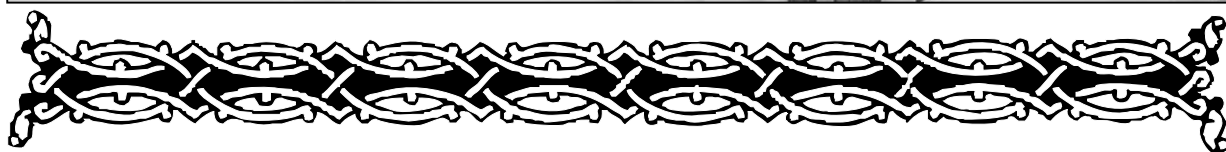
Затем сведения о Каргополе пропадают до конца XIV столетия: в Ни-

коновской летописи упоминается каргопольский князь Глеб, приведший свои полки в помощь Дмитрию Донскому на Куликово поле. Однако здесь потомкам от их далеких предков был преподнесен новый ребус: никакого князя Глеба Каргопольского на самом деле в указанное время не существовало! Дело в том, что в летопись, составленную в XVI веке и дошедшую в более поздних списках, закралась досадная ошибка: на помощь в битве московского князя с ордынским темником Мамаем свои полки привел князь... Глеб Карголомский (получивший прозвище по имени и поныне существующего села Карголома в 12 км от Белозерска, бывшего в то время центром маленько-

го удельного княжества), ведший свою генеалогию от тех самых белоозерских князей, которые как раз и владели в XIV веке Каргополем.

Расцвет города пришелся на XVI–XVII века и был связан с расположением Каргополя на проторенном пути торговли русской столицы с Поморьем солью и рыбой. Примечательно, что царские грамоты давали городу важные привилегии в торговле солью: так, жители Вологды и Белоозера не имели права самостоятельно ездить к Белому морю, а должны были закупать соль в Каргополе. Но поскольку соль в те далекие времена была на Руси товаром весьма дефицитным и дорогим, то некоторые недобросовестные купцы не упускали

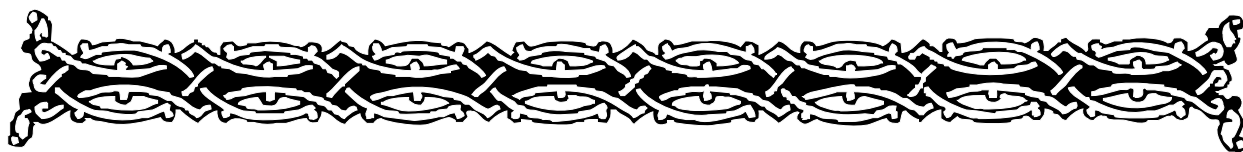
случая нажиться путем фальсификата: в соль добавляли внешне неотличимую, но непригодную в пищу кардеху (кардеха — соляной остаток, образовавшийся в процессе выварки соли на дне гигантских сковородок-чренов). О богатстве торгового города свидетельствует и тот факт, что к революции 1917 года в Каргополе на 3000 жителей насчитывалось 22 церкви и 2 монастыря (в наши дни от этого бывшего великолепия осталось менее половины).

Место ссылки

Впрочем, тогда же, в годы расцвета, в этот отдаленный северный го-

род великие князья, а позднее и цари Московии начали ссылать неугодных лиц, избавляясь от разнообразных политических конкурентов. Так, весной 1538 года в ходе дворцового переворота в Каргополь из столицы была сослана и пострижена здесь в монахини Агриппина Федоровна Челяд(н)ина, мамка (воспитательница) великого князя и государя всея Руси Ивана (номинально провозглашен правителем после смерти своего отца, великого князя Василия III). Будущий правитель Московии, вошедший в историю с прозвищем Грозный, которому в то время было всего 7 лет, был к ней очень привязан. Как красноречиво

пишет Карамзин в «Истории государства Российского», малолетний великий князь Иван горько убивался о разлучении со своей любимой мамкой и его буквально вырвали из рук Агрипинны Челяд(н)иной. Несмотря на то, что к юному наследнику престола нянька была приставлена лично его отцом, великим государем и князем Василием III, она, по сути, поплатилась исключительно за свое родство. Дело в том, что ее брат, Иван Федорович Телепнев-Оболенский, в годы регентства матери Ивана Грозного фактически возглавлял русское правительство, но со смертью Елены Глинской в начале апреля 1538 года тут же пал жерт-

вой придворных интриг, организованных братьями Шуйскими и был вскоре уморен в тюрьме голодом.

В 1589 году в Каргополе был удушен сосланный сюда двумя годами ранее герой Ливонской войны князь Андрей Иванович Шуйский. Он пал одной из жертв подковерной борьбы за власть: шурина царя Федора Иоанновича (1584–1598) Борис Годунов, с 1585 года бывший фактическим правителем Русского государства, расправился таким образом с одним из неугодных ему политических деятелей той эпохи.

Но, пожалуй, самым известным каргопольским ссыльным стал герой крестьянской войны эпохи Смуты

Иван Болотников, войско которого в 1606 году едва не взяло штурмом Москву. После сдачи правительственным войскам 10 октября 1607 года в осажденной лично царем Василием Шуйским Туле остатков армии Болотникова, предводитель крестьянской войны был сослан в далекий Каргополь. По легенде, коварный царь «сдержал» свое обещание, данное им Болотникову во время осады Тулы о непролитии крови: всего через неделю после жестоких пыток тот был утоплен в проруби. В советское время в честь героя народной крестьянской войны были названы улицы многих городов России, включая Москву. Как напоминание о давно минувших, но грозных временах есть улица Болотникова и в тихом, провинциальном Каргополе.

Каргопольская игрушка

Если бы не талант, помноженный на «золотые руки» Ульяны Ивановны Бабкиной (1889–1977), простой русской женщины из деревни Гринево, что в 17 километрах от Каргополя, жизнь и судьба которой достойны отдельной книги, то в XX веке каргопольская игрушка как народный промысел могла бы запросто исчезнуть, став одним из музейных артефактов. Именно благодаря ей сохранился и существует ныне удивительный образ Коня-Полкана, или Полихана — бородатого кентавра, одного из самых популярных персо-

нажей в народной каргопольской игрушке. С начала XX века этот давний самобытный промысел медленно, но верно угасал и, казалось, вот-вот исчезнет, как исчезла некогда приносившая Каргополю огромный

*Ульяна
Ивановна
Бабкина
за работой*

доход и большую известность выделка беличьих шкурок (в 70-е годы XIX века в городе выделывали два миллиона штук в год!). Но послевоенное «открытие» для общественности Ульяны Бабиной как мастерицы-

самородка сделало, казалось бы, невозможное: в Каргополь хоть и тонким ручейком, потянулись туристы, и небольшой, но стабильный спрос на каргопольскую игрушку вновь оживился. О том, как народная

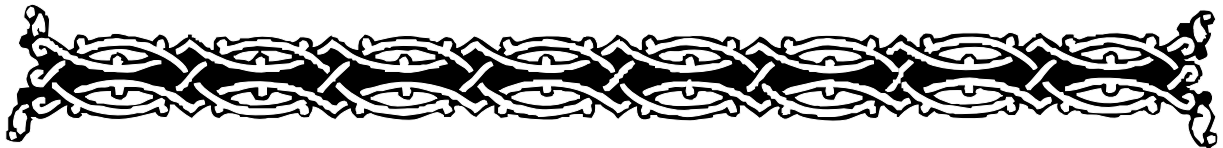

мастерица лепила свои полные яркой образности и в то же время глубокого символизма «бобки» (так она называла глиняные игрушки), было много написано еще при ее жизни, в 60–70-е годы прошлого века, когда к

ней, в ее родную деревню, в которой она прожила почти всю свою долгую жизнь, из больших городов зачастили журналисты и любители народного творчества и старины. Баба Уля, будучи на редкость радушным

и бесхитростным человеком, открытым людям, охотно всех привечала, делясь как секретами мастерства, так и своими восхитительными, не похожими одна на другую игрушками, многие из которых украшают ныне музейные коллекции и частные собрания в России и за ее пределами.

Гораздо меньше известно о весьма непростой, если не сказать трудной и тяжелой, бытовой стороне ее жизни. Своей семьи у народной мастерицы никогда не было: строгий отец в пору ее юности крепко-накрепко запретил связывать свою судьбу с приглянувшимся ей парнем Михаилом, пришедшим увечным с Первой мировой. Воспитан-

ная в строгих патриархальных устоях, дочь не посмела ослушаться отца и в итоге всю жизнь прожила в отцовской избе бобылкой, оставшись верной своей первой и единственной любви. Ульяна пережила всех своих сестер, а после ранней гибели любимого племянника Николая, которого она, по сути вырастила, взяв в дом после умершей в молодом возрасте сестры Ольги, семью ей порой заменяли дети соседей, с которыми она любила нянчиться. В 30-е годы, чтобы банально выживать, она сдавала в кооперацию по 1000 игрушек в месяц! А ведь еще была работа по огороду, ведение домашнего хозяйства. Тогда же, в 30-е, она спасла от уничтожения

множество икон, принося их из закрываемых и разрушаемых церковей в свой дом. Когда уже в 60–70-е многие ценители и собиратели старины бывали в гостях у бабы Ули и предлагали ей продать за большие деньги некоторые из ее икон (а среди них было много редких, представлявших как большую художественную, так и значительную материальную ценность), она неизменно отвечала: «Боженькой не торгую!»

В первое послевоенное десятилетие, которое на селе было не менее тяжелыми и трудным, Ульяна Бабкина, чтобы не умереть с голоду, нередко обменивала в соседних деревнях свои игрушки на хлеб и картошку, а в редкие выходные дни торговала «бобками» на каргопольском базаре, до которого добиралась с тяжелым грузом пешком. Многие годы она вообще не получала никакой пенсии (которая ей была отменена после смерти племянника), живя натуральным хозяйством и игрушками, которые продавала, а чаще обменивала на еду и вещи первой необходимости. Затем Ульяне Бабкиной все-таки было назначено от государства пособие в ... 8 рублей, на которое едва-едва можно было свести конца с концами. И лишь многочисленными стараниями равнодушных к ее судьбе людей пенсия бабе Уле с трудом была повышена до 30 рублей. Но она никогда не жаловалась на свою судьбу, сумев сохранить трогательное, по-детски простодушно-наивное отношение к жизни. Между тем, боль-

шая и богатая когда-то деревня Гринево, которая, по словам самой Ульяны Бабкиной, в пору ее молодости не была видна «от края до края», с каждым годом все более пустела: жители перебирались в город или в более крупные соседние деревни и села. Последние несколько лет Ульяна Бабкина жила в деревне одна вместе со своими четырьмя котами в сильно обветшавшей, состарившейся вместе с ней избе, наотрез отказываясь покидать свою малую родину, но все же вынуждена была перебраться к дальней родственнице в Каргополь. Здесь она просто тихо доживала свой век: творить игрушки уже не было ни физических, ни душевных сил. Казалось, что с переходом народной мастерицы в мир иной ее Гринево навсегда исчезнет подобно тысячам «неперспективных» деревень с карты России. Но случилось... чудо.

В Гринево на месте дома Ульяны Бабкиной был поставлен памятный знак, а осенью 2017 года на месте бывшей деревни началось возведе-

*В Каргополе
до сих пор
можно
встретить
деревянные
тропушки*

ние «Бабкиной поляны» — мини-музея под открытым небом, в рамках которого лучшие российские резчики создали деревянные скульптуры по мотивам глиняных игрушек бабушки Ульяны: Полкана, гармониста, медведя и других. С весны 2018 года «Бабкина поляна» станет новым, полноправным туристическим объектом Каргополья: здесь будут проводиться мастер-классы по лепке глиняной игрушки, появится «Улья-

нина избушка», ставни которой уже расписаны местными мастерами по мотивам сказок народной мастерицы. Так что каргопольской игрушке суждена долгая жизнь!

Каргополь в геральдике и на карте

Очень интересен и необычен герб Каргополя — на лазоревом поле щита белый (серебряный) баран, лежащий в огне на дровах. Герб города был утвержден указом императрицы Екатерины Великой в 1781 году, однако на полковых знаменах Каргопольского полка встречался еще с начала 1730-х. В рамках расшифровки цветовой символики, которой был насквозь пропитан XVIII век, серебро является символом мудрости, чистоты и веры, лазурь — символом истины, чести и добродетели, а баран (агнец) — символом жертвенной преданности Отчизне и христианским идеалам.

На севере Москвы, в районе Отрадное, есть Каргопольская улица, на которой установлены малые архитектурные формы: яркие скульптуры, воспроизводящие, на радость детворе, да и взрослых, каргопольские игрушки. Правда, малыми эти художественные арт-объекты можно назвать весьма условно — они соразмерны человеческому росту, но зато являются прекрасным цвето-световым украшением спального района, сплошь состоящего из разнокалиберных многоэтажек.

Стоит добавить, что среди нумизматов определенной популярностью пользуется выпущенная Банком России в 2006 году памятная монета номиналом в 10 рублей из серии «Древние города России» с изображением Каргополя.

... Словно замерев в своем развитии, Каргополь сохранился до наших

дней практически таким, каким, вероятно, и был в средневековье: почти сплошь деревянным, со скрипящим снегом под ногами, который здесь не посыпают реагентами, звенящей тишиной чистого морозного воздуха из-за фактически полного отсутствия автомобилей, сугробами под самые окошки разномастных домишек с резными наличниками, непередаваемо вкусным дымом из печных труб и аккуратно притуленными к боковым стенам поленницами дров, огромными, свисающими чуть ли не до окон первых этажей сосульками на крышах и женщинами, стирающими белье, как и много веков назад, в полноводной Онеге. За этими сюрреалистично-невообразимыми для жителей больших городов, фантастическими в своей красоте видами и едут в Каргополь многочисленные туристы. □

Федосья Меншагина

Большой Брат

Волею судьбы и моей знакомой я оказалась у одной гадалки-молдаванки, которая «точно правду говорит, даже в глаза не смотря». Гадалка принимала на своем основном рабочем месте — вещевом рынке. Меня предупредили, что берет она недешево, но я точно не пожалею потраченных денег. Долго мы шли мимо торговых палаток и, наконец, нырнули куда-то за развешенную на продажу тюль со шторами, в темную каморку, где я оказалась наедине с полной женщиной лет за 50, с пронзительными карими глазами. Без лишних вопросов она предложила стул и раскинула колоду — вид игральных карт меня резко смутил и захотелось тут же уйти, но тетка, угадав мой порыв, уточнила, что карты эти гадальные, они лишь помогают сконцентрироваться, не нужно обращать на них внимание. Дальше она заговорила потоком, и я запомнила пару вещей, над которыми крепко потом задумалась.

«У тебя нет детей, и ты не родишь — голова вся в черноте. Мужчина есть, но ты не родишь с такой темнотой в себе. Я могу снять все это за 10 тысяч... Приходи через неделю сюда и возьми с собой черный мак...»

Я не хотела ее слушать, отдала ей заранее оговоренную сумму и стала пробираться к выходу, но женщина настойчиво шептала мне вслед: «Ты так и будешь одинокой, если не убрать мрак в тебе. Ты сама этого не сделаешь, если только не пройдешь через пустоту, но это не каждый выдержит. Приходи, и я сделаю так, что у тебя с человеком твоей судьбы, который с тобой сейчас, будут дети, очень хорошие дети...»

Я уже выбежала из каморки куда-нибудь подальше от этой будоражащей мистики. На тот момент мне было 32 года, я была бесплодна и уже приняла это, решив баловать всю жизнь своих прелестных племянников.

Для поездки в Африку требовалось сделать прививку и потом еще глотать две недели специальный антибиотик, побочным эффектом которого была диарея, понос простым языком. Поездка в такую экзотическую страну манила и страшила одновременно. Но мой бойфренд (тот самый «человек моей судьбы» — как предвещала гадалка) наобещал мне райское удо-

вольствие и ежеминутное наслаждение, бесподобные ощущения и просто незабываемое путешествие вдвоем. Поездка включала в себя восхождение на небезызвестный потухший вулкан Килиманджаро в Уганде, а потом милую прогулку по берегам Нила. Легкий африканский экстрим.

Вершина Кили покорялась мне с трудом, вызывая во мне приступы тошноты, диареи и скачки давления, от которых сильно кружилась голова. Безусловно, стоять на вершине 5895 метров на восходе солнца и чувствовать себя на пике мира в ледяном царстве высокогорной Африки — это круто, несмотря на вращающуюся голову, в которой от нехватки кислорода роились сплошные глупости вроде той, что я — большой горный суслик, с замерзшим фотоаппаратом в руках, пытающийся запечатлеть встающее, будто из-под ног, африканское солнце.

После недельного трудного восхождения на сказочную гору я предвкушала уютный отдых с палаткой где-то на берегах исторического Нила. В Танзании, в заросшем побережье спокойного Нила палатки, конечно, не поставят — там буквально кишели крокодилы и бегемоты, которыми нам дали налюбоваться с двухэтажного пароходика. Нас повезли дальше, где на бурных водах того же Нила крокодилы не водятся из-за сильного течения и сплошных порогов.

Первый день был тренировочный — нас учили выныривать из-под перевернувшейся лодки на спокойной воде и забираться в нее обратно. Нашим инструктором оказался профессиональный яхтсмен из Австралии, с сумасшедшими глазами и таким же английским — я понимала скорее интонацию и жесты, чем слова, хотя неплохо общаюсь на английском. С нами в лодке укомплектованы были четверо студентов из Швейцарии. Мы проплыли несколько метров, отрабатывая команды инструктора и пытаясь слаженно грести маленькими веслами. Дикие заросли по берегам притягивали взгляд своей зеленой сочностью, я засмотрелась и, не поняв команды перевернуть лодку — потянуть за веревки на противоположном борту, — вдруг резко оказалась в воде под чем-то темным. Надо было срочно выбираться, но я не знала, в какую сторону плыть — везде было это черное пятно, наша огромная резиновая лодка. Я запаниковала, но потом вспомнила из инструктажа — надо нырнуть чуть глубже и просто плыть. Когда выплыла на свет божий, то все наши уже сидели в лодке.

В этот день нас более не мучили тренировками. Ужин был изумительный — жареная теляпия, а на десерт — романтический фруктовый напиток в чаше из ароматного манго, в которой мы намешали ром, ананас и мякоть манго.

Утром было фонтанное настроение. Я выпила потрясающий растворимый кофе (только в Африке растворимый кофе не горчит) и съела тарелку

вкуснейших, тающих во рту ананасов (таких ананасов не продают в Москве). Я считала тогда, что дождалась самой тихой и романтической части нашего путешествия. Но у судьбы были другие планы.

Надев жилеты и шлемы, мы забрались в лодку, и я, не заметив в ней никаких палаток и другого снаряжения для остановки на берегу, спросила, когда и где мы остановимся, костерок разводить и все такое. Изумленный инструктор сообщил, что по плану лишь сплав по реке с порогами, и что вскоре нас ждет самый интересный порог — Большой Брат, после которого мы запоем это невероятное приключение в Африке навсегда!

Мне его веселый тон показался подозрительным. Я расстроилась, что не будет тихого отдыха, попросилась на берег, но Грег (так звали инструктора) лишь отмахнулся от моей просьбы. Берега все также радовали своей сочной густой зеленью, но мы плыли мимо них, минуя два небольших «тренировочных» порога. Через какое-то время Грег объявил, что впереди нас ждет Большой Брат, один из знаменитостей Нила, и лодка сама перевернется на водовороте. Затем обратил наше внимание на двух каякеров — чернокожих спасателей, гребущих чуть позади нашей лодки. Он нырнул с лодки, затем подплыл к одному из спасателей и показал, как нужно обхватить ногами нос каяка при случае, если невозможно будет забраться в лодку. Моя тревога усилилась, я гневным взглядом вперилась в своего бойфренда, сидящего на носу лодки, но он лишь ободряюще улыбнулся в ответ. Я крепко обхватила весло. Внутри меня нарастали злость и бешенство и еще гора претензий — что за сомнительный кайф прыгать в водоворотах?..

Вскоре я увидела нечто судьбоносное — стоячую волну, то есть стену из воды, перед которой все бурлило и текло в разных направлениях. У меня все похолодело внутри, неизбежность надвигалась с шумом падающей воды, сквозь который еле слышна была команда: «Весла вперед!» Лодку поерзало по водяным вихрям, а затем резко подняло носом вверх, меня подбросило, и я в считанные секунды оказалась в волнах далеко от лодки. Огромная волна тут же накрыла мою показавшуюся из воды голову. Воздуха нет, я ничего не вижу, паника сковывает, но рефлекторно машу руками, дрыгаю ногами, хриплю, опять выныриваю — следующая волна меня накрывает, лишая доступа к воздуху. Ком в горле увеличился до гигантских размеров, задерживать дыхание больше нет сил, вода повсюду — в глазах, во рту, в носу, вокруг меня. «Вот и все, наверное...» — мелькнула мысль. Хоть бы глоточек воздуха в этой бурлящей стихии! Руки все еще бесцельно бьют по воде, сознание сопротивляется, пытаюсь вынырнуть опять и чувствую в руке что-то спасительное — протянутую мне палку, это весло каякера. Я хватаюсь за него обеими руками.

Он знаком показывает, чтобы я хваталась за нос лодки и обхватила его ногами. У меня не сразу получается — ноги не слушаются, словно не мои. В голове сильный гул и боль, тело дрожит, но не от холода. Чернокожий спасатель говорит успокаивающим голосом через белоснежную улыбку, что «все о'кей», и не сводит с меня глаз, убеждаясь, что я не теряю сознание.

Когда меня дотащили таким образом до лодки, я залилась слезами, не могла ничего говорить, только махала головой на вопрос, все ли в порядке. Голова в затылке болела невыносимо, но было все равно — пусть болит, главное — я живая!

После Нила были еще сафари, удивительный зоопарк, прогулки по деревне местных жителей — рослых масаев, которые живут в мазанках: солома и глина, внутри нет ни ковров, ни привычной мебели, настоящий первобытно-общинный строй наяву. Мои ощущения от всего увиденного очень обострились, я тихо радовалась красочному миру вокруг.

На десятый месяц после незабываемого африканского путешествия у нас родилась дочка, через два года — вторая. Мы счастливы вчетвером уже восемь лет, и иногда с мужем вспоминаем самое романтическое путешествие, в котором я на всю жизнь (надеюсь!) отмылась от «черноты».

Тамара Клейман

Комната смеха

Они шли, обнявшись, по аллеям старинного парка, и солнце, мягкое заходящее солнце нежным предвечерним светом освещало им дорогу. Осенние листья, словно шелуха от семечек, шуршали под их ногами, и добрый ветер чуть лохматил их длинные, осеннего цвета волосы.

Камодин крепко сжимал правой рукой Лидочкину талию и ощущал при этом прилив неведомо откуда взявшихся радостно-нежных чувств.

Они были знакомы уже три недели, и от ежедневных встреч становились все ближе и роднее друг другу. Все нравилось Камодину в Людочке: и мягкие пальчики с гладенькой, как у ребенка, кожей, и зеленовато-серые глаза, и фигурка, чуть полноватая, но ровненькая, в пределах 46-48 размера. И голосок у Людочки, хоть и с легким, как у плохо смазанной двери, скрипом, но всегда ласковый и умиротворяющий, благотворно действовал на Камодина. Да и характер, похоже, был недурен.

«Нет, надо жениться, — в который уже раз думал Камодин, слушая и не слушая Людочкин рассказ про одну ее знакомую. — Надо делать предложение — и баста! И она, похоже, меня любит»...

А с площадки аттракционов неслась какая-то веселая песенка, и Людочка уже тянула Камодина за рукав именно туда.

«Нет, все-таки она — прелесть!» — мысленно восторгался Камодин, глядя на изящно изгибающуюся Людочкину фигурку и одновременно все выше и выше взлетая на качелях под названием «Березка».

«И не из трусих!» — переходя к «Колесу обозрения», горделиво отмечал он про себя. А уже летя в бездну на «Крутых виражах», окончательно решил: «И вообще — пора!»

Когда Людочка, счастливая и раскрасневшаяся, повернула к нему свое прекрасное, смеющееся личико, Камодин прошептал ей в маленькое ушко:

— Людочка! Давай с тобой...

Но она возбужденно перебила его, чмокнув в щеку:

— Давай! Конечно, давай! Сейчас мы с тобой идем в комнату смеха! Мне так хорошо с тобой!... — и в страстном порыве прижалась к Камодину.

— Ой, не могу!.. Ой, ты только посмотри! — веселилась Людочка, рассматривая себя в двояковыпуклое зеркало. — Ой, какая каракатица!..

«Действительно, — отметил про себя Камодин. — Очень похожа. Это ж надо, как простое стекло может изуродовать человека. А она-то чего так радуется? — и, недоуменно пожав плечами, стал сравнивать Людочку настоящую с Людочкой в зеркале. — А ведь если она поправится, что вполне может случиться, так ведь часто бывает после родов...» — хотя, конечно, с большим трудом представлял себе, как это может случиться на самом деле. Даже попробовал вообразить себе Людочку с огромным, как воздушный шар, животом, а себя — везущим коляску с неким младенцем в обязательных белоснежных кружевах, но картинка получилась безликой и недоказательной.

Зато сейчас прямо перед собой Камодин видел до безобразия толстую и отвратительную Людочку с расплющенной физиономией, которая еще

умудрялась строить ужасающие рожи, и все это лезло на него из дурацкого кривого зеркала.

— Да прекрати ты! — собрав остатки любви к Людочке, сердито дернул ее за рукав Камодина и с силой оттащил от проклятого кривого зеркала, буркнув при этом: — Нашла, над чем смеяться.

— Ты что? — уставилась на него своими удивленными зелеными глазами Людочка. — Ты почему так?! — Никогда еще не видела она Камодина таким сердитым. — Что-нибудь случилось?

— Да нет, все нормально, — мужественно отмахнулся он, — смотри дальше в свои зеркала...

Следующее зеркало почти не изменило Людочкиной внешности, и это даже слегка успокоило Камодина. Потом он увидел ее тощей, как палка от швабры, и опять переполошился.

Мысль о том, что Людочка вдруг заболеет и высохнет прямо на глазах (а о таких случаях Камодин не раз читал и слышал), повергла его в неопи-суемый ужас: «И это вот с такой жердиной мне придется коротать всю свою жизнь?! Это ж даже на людях стыдно будет показаться!»

А ничего не подозревающая Людочка уже звала его к следующему зеркалу. На ватных ногах Камодин подошел к ней и поднял глаза. Из зеркала на него смотрела мясистая расплывшаяся физиономия незнакомой женщины, глаза ее были где-то далеко в глубине, зато нос, огромный, как футбольное поле, занимал почти все лицо, все зеркало, весь мир...

— Ведьма! — диким голосом вдруг заорал Камодин. — Нет! Н-е-е-т! Не хочу-у-у-у!... — и выскочил на улицу.

С тех пор ни Людочка, ни Камодин в комнату смеха — ни ногой. Хотя и вместе их больше никто никогда не видел. □

Наталия Солдатова

«БОЖЬЯ КОРОВКА»

Глава 1

Ада

Ада поправила алмазную шпильку в своих роскошных, густых каштановых волосах и шагнула на самую середину зала, туда, куда были устремлены взоры всех присутствовавших на балу. Тот же путь, но навстречу ей проделал и молодой, можно даже сказать, еще юный Андрей Салникс, дворянин русско-литовских кровей, отличающийся изящной фигурой и столь же тонкими манерами. Она протянула ему правую руку, он бережно взял ее за пальцы, и они начали редкое по красоте и размаху танцевальное действие, увлекаая всех в сказочный полет. Это был танец-загадка — играли Шопена, его фантазию-экспромт, под которую, как правило, не танцуют, но они, презрев эти каноны, специально попросили оркестрантов играть именно ее, чтобы показать танец-раздумье, танец-философию, танец-метание, томление души... Ада и Андрей не думали, что к ним присоединятся. Они играли эту сцену, потому что того давно просила и требовала душа, которой надоело томиться в раз и навсегда определенных, привычных рамках. Душа вырывалась на свободу. И, как ни странно, на паркет вышло еще несколько пар. Они тоже отвергли всяческие танцевальные традиции и двигались в такт своему сердцу... Это было прекрасное зрелище. Зал замер, все смотрели на танцующую пару. Ада покраснела, ей стало жарко. Особенно ногам, которые горели так, что ей казалось — их лижет пламя...

— Эй ты, дворняжка, двигайся, а то сгоришь! Убирай копыта!

Ада дернулась всем телом и открыла глаза. Большая коробка, которую она приспособила для ночлега, отсырела, одежда тоже стала влажной, зато ногам было горячо — это друзья по несчастью развели костер, чтобы не сдохнуть от холода. И кто же это посмел с ней так грубо разговаривать? А... Тот, новенький, которого они подобрали, избитого, возле станции. Избитого, но трезвого. Потому и подобрали. Он еще не понял, как они живут и кем являются друг для друга... А теперь подтрунивает над тем, что она не может так вот, с ходу, отдернуть свои ноги от надвигающегося огня — сначала ей нужно собрать себя, раскачаться, выбрать такое положение, найти такие точки, чтобы не ныло тело, и — повернуться, сесть, а то и встать, чтобы уйти подальше от этих бомжей, с которыми она делила, как выразился в своей басне мудрый Крылов, и стол, и дом, но которых ей иногда просто не хотелось видеть. Она называла их «божиками» — так научил ее Илья, старый бомж, которого совсем недавно убили за сто долларов. Он нашел их в водосточной трубе и отдал другому такому же бедолаге, Гаркуше, который был Георгием, имел паспорт и без проблем мог обратиться в обменный пункт. Но по пути в это заведение деньги у Гаркуши отняли, и когда Илья дознался, кто, и пошел восстанавливать справедливость, то назад уже не вернулся. Они похоронили его сообща, и Ада первая бросила землю в его могилу. И сейчас она часто слышит его голос: «Мы — божьи люди, Аденька... Божики... А то придумали — бомж! Как гирей по голове!»

Ада, наконец, сумела сесть и отодвинуться от костра. Она не обиделась на «дворняжку» — это прозвище, которое время от времени употребляли все «божики», намекало на ее дворянское звание, о котором она обмолвилась всего как-то раз, случайно. Она вообще ни на что не обижалась — здесь не было места этому чувству. Потому что все силы и мысли занимало одно — как выжить. Как не сгнить в подвале, не быть съеденной крысами либо другими «божиками», не замерзнуть, не заболеть, не умереть от голода... И еще — как сохранить человеческое достоинство. Их «коммуна», так они, с десятков человек, себя называли, это более или менее удавалось. Они устроились недалеко от деревни, где к ним относились довольно терпимо, и весной даже помогали селянам вскапывать огороды, сажать картошку, а осенью — убирать урожай. Деревенским нравилось, что они не воровали, но охотно принимали подаяние и плату за труд в виде овощей и фруктов — яблок, груш. Жили в землянке, которую строили под руководством Ильи — он в свое время воевал, партизанил и знал толк в таких сооружениях. Доски брали с фермы, которая разрушалась ввиду отсутствия скота. Сегодня решили провести в землянке дезинфекцию,

чтобы не завелись вши, и потому спали на улице. Голодными не были, все они просили подавание — кто в электричках, кто на станциях, а кто и в самой Москве, которую Ада любила и ненавидела одновременно. Любила за красоту и статью, за дух предков и неколебимость, а ненавидела за равнодушие к простому человеку. За то, что в столице расплодилось слишком много наглых рож.

Ада прислонилась спиной к дереву и, повернув голову, посмотрела на него — сосна... Ей по гороскопу полагалось прикладываться к липе, но сосну она тоже считала своим деревом, которое и согреет, и подлечит. Да... Надвигается осень, потом — зима... Она уже выдержала здесь одну зиму. Второй может и не пережить. Надо, надо что-то делать. Коренным образом менять свою жизнь. Она была единственной в коммуне, а, может, и вообще среди всех бомжей этой местности, кто пришел к сей вольной и страшной жизни не из кабака, не из притона или тюрьмы и не от безвыходности, а... из гордости. Да, да, из гордости. Начать с того, что она никогда не пила. И не курила. Ее история была проста до неприличия — мама вышла замуж. Ада им откровенно мешала, и они этого не скрывали. Тогда она заявила, что едет в Москву учиться. Мать с отчимом вздохнули с облегчением. Забрав из дома лишь самое необходимое, что уместилось в одной небольшой сумке, она ушла, даже не сказав «до свидания». Она и правда приехала в Москву, чтобы поступить в университет, на исторический факультет, но не прошла по конкурсу — недобрала даже не балл, а какие-то его десятые доли. Однако преподаватели ее заметили и предложили пока учиться платно, а потом, когда освободится место на бесплатном факультете, перейти туда. Но у Ады не оказалось нужной суммы, а обращаться к матери она не захотела... Попыталась остаться в Москве, но найти работу без прописки оказалось нереально. А за прописку, даже и подмосковную, надо заплатить... Мотаясь по столице в поисках хоть какого-то заработка, она познакомилась с такой же бедолагой Лизой, которая предложила ей обосноваться в одной из деревень, где давно пустовал вполне еще годный для жилья дом. Ада согласилась, и они поехали в область, граничащую с московской. Дом действительно был еще неплох, но последние хозяева в нем совсем не нуждались, они получили его в наследство и использовали странным образом — целую зиму держали в нем корову. Как они завели ее в комнату, для девушек оставалось загадкой. И хотя ни коровы, ни хозяев давно уже в этой деревне не было, следы пребывания буренки девушки ликвидировали целую неделю с помощью обычных ведер. После месяца напряженного труда в доме стало чисто и даже уютно. Ада с Лизой вскопали и огород — под зиму, так как думали обосноваться здесь надолго. Деревенские, а жило тут всего пять семей, смотрели

на их затеи с той степенью равнодушия, которая стала присуща нам всем в последнее время — делают что-то девки, ну, и пусть делают, лишь бы никому не мешали и не вредничали. А они еще и помогали на ферме, за что доярки давали им молоко, а иногда и сметану. Хлеб и кое-какие овощи покупали, тратя на это еще московские деньги. Но они таяли, и надо было думать, как жить дальше. Ада предлагала переодеваться до неузнаваемости и ездить в город просить милостыню, Лиза молчала, и непонятно было, собирается она на этот подвиг или нет. Тогда Ада рискнула, оделась старушкой, бросила в сумку и нормальную юбку с кофтой, чтобы вернуться переодетой, не забыла и документы — скитания научили ее никогда с ними не расставаться, и отправилась в Москву, дабы заpastись деньгами наверняка. Ей повезло, назад она возвращалась сияющая — купюр удалось сорвать с прохожих немало.

Сойдя с электрички на своей станции, Ада не пошла пешком в деревню, а села в автобус, чтобы, проехав всего две остановки, выйти у фермы, а от нее до дома — две минуты ходьбы. Это ее и спасло. Подъезжая к ферме, она увидела их с Лизой дом, возле которого стоял милицейский «уазик», и двоих милиционеров, выводящих ее подругу... Уже приготовившись выйти, она снова уселась на свое место и проехала мимо... Что ж, она подозревала, что Лиза числилась в розыске... Все. Путь в дом был ей закрыт. Автобус, сделав крюк, вернулся на станцию, Ада села в первую же попавшуюся электричку и поехала куда глаза глядят... Там-то ее и углядел Илья — божий старец, который считал своим долгом всем и во всем помогать. Прежде всего, он стал уговаривать Аду вернуться домой к матери, а когда понял, что она этого не сделает, позвал с собой — в те дни работы по сооружению землянки шли полным ходом. Пока же все жили в полуразрушенной школе, которая находилась между деревнями, на отшибе. Время от времени там появлялся местный участковый лет пятидесяти и возглашал:

— Граждане бомжующие! Смотрите у меня! Чтоб — ни-ни! На добро — добром! Иначе — все у меня мигом отсюда! Просекли?

— Мы тебя, мил человек, не подведем, — отвечал за всех Илья. — У нас тут коммуна непьющая. Вот, дворянка даже есть самая настоящая... — И указывал рукой на Аду.

— Знаем, знаем... Вам бы — в Дворянское собрание... — смеялся участковый.

— Да я... как-то так... — скромно мямлила она, не зная, что же конкретно сказать.

Милиционер уходил, довольный шуткой, а она и правда не знала, почему ей нельзя обратиться в Дворянское собрание или в какую-то другую

организацию, занимающуюся родословными. А все ее мать, не понимающая, к какому роду принадлежит, не умеющая ценить своих корней. А вот она, Ада, смогла бы. Недаром ей постоянно снится один и тот же сон... Она и Андрей на балу... Андреем, кстати, звали ее деда... Так что она дворянка и по линии бабушки Аделаиды, и по линии деда. Только вот мать родила ее, Аду, неизвестно от кого. Родила уже в сорок лет. Это, видимо, было у них наследственное — ее саму бабушка родила в таком же возрасте... Ада долгое время пыталась выяснить, кто же ее отец, но Софья Андреевна ни разу не обмолвилась об этом даже намеком. И вот теперь, когда ей уже давно за шестьдесят, привела в дом мужчину моложе себя и заявила, что полюбила впервые в жизни... Бред какой-то... А ее отца она, выходит, не любила? Станислава? Ада, наверное, и не знала бы даже его имени, но в документах ее значилось отчество — Станиславовна. И где сейчас, интересно, этот Станислав, который двадцать шесть лет назад родил ее и скрылся в неизвестном направлении? А, может, не скрылся? Может, мать сама не захотела поддерживать с ним никаких отношений? Ни с кем из «божиков» Ада не была откровенна, кроме Ильи. Он знал обо всех ее сомнениях, переживаниях и удивлялся, почему она не узнала об отце через родственников, соседей, через тех, кто хорошо знаком с ее матерью. И она ругала себя за то, что, когда жила дома и могла добыть нужную информацию, то не делала этого, потому что относилась к своему происхождению довольно равнодушно. Ее не научили гордиться предками, потому и об отце не рассказали. Она стала учиться этому сама. В душе. Правда, иногда к ней закрадывалась одна мысль. Нехорошая, маленькая такая мыслишка, что вся ее высокая родословная — это блеф, пустой звук, придуманный матерью, чтобы хоть как-то выделяться в обществе, среди соседей и сослуживцев. Советская власть, мол, уничтожила все документы и прочее. А на самом деле ничего такого и не было. А что, с ее мамашей такое возможно. Но как же тогда быть со снами, в которых она так изящно и вдохновенно танцует на балу? Сны ее еще никогда не обманывали...

Ада взяла баранку, протянутую ей Гаркушей, и начала ее грызть. Нет, надо было идти ночевать в школу, а не оставаться на ночь в этой сырости. Но вечером как-то так засиделись, заговорились, да и остались здесь, а идти в школу одна она не решилась. К тому же ночевать в одиночестве там страшновато. Ада вновь ушла в себя, слыша, словно наяву, голос Ильи:

— Ты, девка, узнавай про себя все, узнавай. Ежели и впрямь корни какие есть с титулами, дак ищи родню-то свою по миру! Родня — она ведь иногда помирает в одиночестве и не знает, кому домишко-то свой оставить... Али дворец... А ежели «пустышка» это все, так думай, как жить будешь. Не век

же в землянке-то прятаться. Учиться тебе надо... В люди выходить... За-
муж идти. Да хорошо бы за богатого...

— Да где же его найти-то, бабушка? У меня ведь вообще еще никого не
было...

— Ну-ну... А где найти... Знаешь, всякое ведь бывает... Вот, скажем,
едешь ты в электричке, а за твоей спиной люди шепчутся... Ну, ты неволь-
но прислушиваешься... И узнаешь, к примеру, что у парня, который где-
нибудь неподалеку сидит, дед, владелец заводов и... как это там... паро-
ходов, при смерти, да не где-нибудь, а в Канаде, а внука найти не могут,
потому что он отказался от имени своего и живет по чужим документам...

— А чужое имя-то взял почему? Преступник, что ли?

— Дак уж просто так-то ведь не будет скрываться... Что-то есть...

— И что, этот парень не знает про деда в Канаде?

— Стало быть, не знает...

— А кто шепчется-то про это — тот не может ему сказать, что ли?

— Вопросов много задаешь. Если бы я их в электричке задавал, то до
своей станции бы не доехал. Не знаю я ничего.

— Интересно... А парня этого не покажете?

— Парня? Может, и покажу... Да ты его сама обнаружишь. Всегда
в рабочем, а шарфик белый, шелковый... С первой нашей электричкой
в Москву ездит...

Они тогда не договорили — кто-то им помешал, а потом Илью убили...
И Ада часто думала о том, что старик чувствовал смерть и не захотел уно-
сить в иной мир свое открытие, передал тайну ей. Если, конечно, все это
не пустой звук. И когда она думала о том, что надо немедленно менять
свою жизнь, хватит бомжевать, она уже сыта этой свободой, то всегда
вспоминала этот разговор. Надо, надо поискать того парня. На всякий
случай. И надо поговорить с матерью, и с ее сестрой, которая живет
в Сибири. Поехать к ней, что ли? Надо сделать так многое, а у нее неладно
со здоровьем, она плохо выглядит, ее одежда давно пришла в негодность.
Не покажется же она в таком виде матери и тетке... Надо заработать, надо
купить одежду, надо привести себя в порядок... Надо, наконец, от всех
этих дум, планов, мечтаний перейти к делу!

Ада медленно встала, отряхнула хвоинки, приставшие к шерстяным
спортивным брюкам, сделала несколько упражнений, чтобы разогнуться,
и заявила, что, пожалуй, поедет сегодня в Москву с первой же электрич-
кой — если успеет, конечно, потому что нигде ей не заработать столько,
сколько в столице.

— Да сиди, отдыхай, есть пока чего жрать-то, — заметил рыжий мужик
с густыми волосами и двумя клочками — Чуб и Хохол.

— Нет, поеду. Сон хороший приснился — надо ехать... И вообще, надоело в спортивном костюме ходить, чувствую себя как в робе. Куплю платье. Или длинную юбку и джемпер...

— Предлагал же тебе — давай слетаю в деревню, где ты с той девахой жила... Ну, которую менты замели... Притаранил бы давно твою одежду... Так все — нет, нет! Слетать? — спросил Гаркуша.

— Спасибо, Гаркуша. Не надо никуда летать. Там даже если что и уцелело, так цыгане давно растащили.

— Ладно. Только я провожу тебя до станции. А то слухи пошли — ходить через лес страшно стало. Шалят.

Ада согласилась — пусть провожает. Хотя и он, и она прекрасно знали, что у нее есть защита — Гаркуша был мастер на все руки и давно соорудил ей ССУ — самодельное стреляющее устройство. На шее у нее красуется длинный вязаный шарф, часть которого и приспособлена под тайник. Ну, у кого, скажите на милость, может вызвать подозрение девушка в спортивном костюме и спортивной же куртке с намотанным на шею шарфом, конец которого она держит в руке — тот самый, где в толстых шерстяных переплетениях покоится боевой пистолет?

Гаркуша довел Аду до станции без приключений. На платформе уже был народ, и она тут же уговорила его вернуться — сейчас каждый день на счету, в землянке еще много чего не сделано, надо успеть оборудовать все еще до холодов, чтобы зима не казалась лютым зверем. Он послушался.

Электричка подкатила как-то незаметно, и Ада уже шагнула, было, в вагон, как вдруг оттуда вылетел молодой человек в старых потертых джинсах черного цвета и в черной же потрепанной куртке, но с белым шелковым шарфом, один конец которого несколько раз обхватывал шею, а другой свисал чуть ли не до колен. Парень был светловолосый, с пронзительными серыми глазами, которые Ада про себя назвала стреляющими. Это, несомненно, был тот, про которого рассказывал Илья. Но почему он выскочил на их станции, чуть не сбив Аду? И теперь вот извиняется, загораживая ей путь в вагон. Да что же это такое? Она-то ломает себе голову, как ей лучше одеться, причесаться, чтобы с ним познакомиться, а он сам налетает как ураган и берет ее в оборот!

Электричка отошла, оставив на платформе лишь их двоих. Что ж, теперь она ясно видела — он был именно таким, как тот, во сне... Она уверена, что и зовут его так же — Андрей...

— Андрей, — представился он.

Ада вздрогнула. Вообще-то это было слишком. Сны — снами, но не до такой же степени...

— Ада, — сказала она.

— Какое редкое имя! И красивое! А полное — Аделаида, да?

— Нет. Ада — это и есть мое полное имя. Просто Ада. И почему вы не дали мне войти в вагон? Теперь надо ждать полчаса. А если отменят следующую электричку — и того дольше.

— Ничего. Я составлю вам компанию.

— Но — почему?

Он замялся, словно не решаясь быть откровенным, но когда пауза уже стала затягиваться, вдруг сказал:

— Вы не поверите... Я увидел вас из окна и бросился к вам... А до этого я встретил вас однажды в Москве... Вы меня поразили... Мне захотелось с вами познакомиться...

— А почему вы не захотели познакомиться со мной в электричке? Я бы села в вагон, вы бы — рядом, вот и все...

— Да там полно народу, все забито, кругом — чужие глаза... И я бы не смог вам ничего сказать о том, что меня изумило...

— И что же вас изумило?

— Ваше лицо. Я... давно искал нечто подобное. Вы только не обижайтесь, но... в вас видна порода. Вы не идете — плывете... И как держите шею! Какая посадка головы! Как гордо вы ее откидываете!

Аду почему-то вдруг стал раздражать этот парень. Все это выглядит каким-то наигранным, искусственным, словно действие на сцене в театре. Так надо было тогда хотя бы хорошенько отрепетировать! А не устраивать ей здесь фальшивое представление с «ахами» и «охами» по поводу ее породы.

До электрички оставалось еще минут двадцать, и она решила не терять времени даром. Что ж, она тоже может сыграть сцену! Да еще какую! Изобразив на лице изумление, она воскликнула:

— Боже! Неужели это ты? А я-то тебя не узнала! Извини меня! Прости! Все-таки прошло три... нет, четыре года! А я-то думаю — чего это незнакомый парень на меня набросился? Ну, рассказывай, как там, в Канаде? Какая там се-ля-ви? Ты ведь был в Квебеке, да? Там, где по-французски...

Недоумение на лице парня сменила какая-то отупелость. Аде показалось, что ему хочется послать все подальше и уйти, но по каким-то причинам он этого не делает. Наконец этот Андрей, или как его там, выдал из себя:

— А я думаю, что вы ошиблись, мадемуазель. Только вот намеренно или нет — не знаю... Я никогда не был в Канаде, и ничего не знаю ни о каком Квебеке. И французского тоже не знаю. Как и английского. У нас в школе учили только немецкий.

— Может, ты не знаешь, где и находится эта самая Канада? Перестань шутить! — не сдавалась Ада.

— Я знаю, где находится эта страна, и даже получал оттуда письма. Из Торонто. У меня там дядя живет. Но он не любит родни и пишет очень редко. Вернее — давно уже не пишет...

Тут подкатила электричка, и они вместе шагнули в вагон. Тесно было даже в тамбуре, и когда парень стал протискиваться вперед, расчищая ей путь к сиденьям, Ада неожиданно для самой себя выскочила на платформу. За ее спиной сразу же захлопнулась дверь. Электричка набрала скорость и скрылась в лесу. Парень не видел, что она выскочила. Сейчас ему предстоит об этом догадаться. А ей придется возвращаться к своим. Сегодня — не до Москвы, не до тряпок, бог с ними! Надо многое обдумать. Может, посоветоваться с Гаркушей и Денисом Ивановичем?

Солнце уже встало, озолотив верхушки деревьев, и Ада шагнула в лес, словно в высокий сказочный шатер. Она любила именно это время осени, когда золото — и на деревьях, и под ногами, когда в яркую желтизну вверху вплетаются гроздь рябины, когда оставшаяся на деревьях листва становится оранжевой и багряно-красной... В лесу тихо, слышится хруст каждой ветки под ее кроссовками, звук трения рукавов о куртку — ш-р-р-р, ш-р-р-р... Наверное, не надо так размахивать руками, пугать лесную живность. Она опустила обе руки в карманы, но специфический звук не прекратился... Что это? Ада прибавила шаг, стараясь уловить, откуда исходит опасность, и тут же заметила, как странно зашевелился куст справа, метрах в десяти от нее. Она схватилась за свой шарф, чтобы открыть тайник, но пальцы не слушались, они не хотели сгибаться и вели себя как деревянные куклы, за которых все должен сделать их кукловод. Тогда Ада обеими руками просто растянула петли и пуговицы, рискуя все оторвать, но зато тут же ощутила в своей руке пистолет. Приостановившись и повернувшись спиной к кусту, чтобы тот, кто там прятался, не видел ее манипуляций, она кашлянула и одновременно взвела курок, сделав вид, что копается в своей сумке. Потом резко повернулась и увидела, как высокий, необычайно крепкий, с бычьей шеей, словно вросшей в туловище, мужчина уже открыто идет прямо на нее. В руке у него был нож, она это хорошо видела. Ада вытянула вперед обе руки с пистолетом и удивилась, как они тряслись — этак не только в человека, но и в стог сена не попадешь! Ноги же окончательно одеревенели, и она, не в силах сдвинуться с места, прохрипела непослушными губами:

— Стой! Стреляю! Бросай нож!

— А хенде хох не хошь? Мы такие игрушки видали... Меня не проведешь... Я в тебя сейчас постреляю... Из всех орудий...

— Назад, сволочь!

— Ну, ты меня разогрела...

— Последний раз прошу — уходи... Не делай из меня убийцу...

На миг Аде показалось, что в глазах его мелькнуло какое-то понимание, но неожиданно он взмахнул рукой с ножом, словно пытался убить ее так вот, с лету, но она не дала ему этого сделать — выстрел прозвучал как-то глухо, словно цокнул игрушечный пистолет. Мужчина покачнулся, как подпиленное дерево, упал спиной на пенек, и из горла его хлынула кровь. Все. Он больше не шевелился. Ада осторожно подошла к нему и заглянула в оттопыривавшийся карман. Там лежали деньги, тысячные купюры, и их было очень много. Ограбил он кого-то, что ли? Она забрала их, положила в свой рюкзак и, заворошив листьями свои следы, кинулась прочь из леса. Теперь, лучше всего, добраться до автобусной остановки. . Она уедет подальше от этих мест. Деньги есть, слава богу. Она действительно съездит, наконец, к тетке, у которой была еще маленькой девочкой. Все! Решено! Сейчас надо добраться до Александрова, где останавливаются все поезда, сесть на первый же, идущий в Сибирь, и — мчаться, мчаться, мчаться отсюда не только туда, а на край света!

Глава 2

Человек за стеной

Поезд еще ночью миновал Байкал и прибыл в город ранним утром. Ада, спросив прямо на вокзале, как пройти к ближайшей приличной гостинице, уже через пятнадцать минут оказалась на городской площади, у дверей заведения, на котором значилось — ОТЕЛЬ. Он был старый, построенный то ли в конце пятидесятых, то ли в начале шестидесятых годов. Аду поселили в огромный двухместный номер за довольно высокую плату, но она не расстраивалась — тетка наверняка пригласит ее к себе жить, так что более чем за сутки она в этом заведении платить не намерена. Повесив свою одежду в шкаф — две блузки, новое замечательное платье, две отличные, теплые, модные юбки и черные изящные немецкие брюки, — и приведя себя в порядок, Ада отправилась в буфет. Настроение у нее было прекрасное — она одета и обута так, как хотела, у нее есть все необходимое, в том числе и деньги. А самое главное — кажется, в ее душе поселился покой. Во всяком случае, она не дрожала от каждого брошенного на нее пристального взгляда и не стремилась скрыться от каждого приближающегося к ней человека... К тому же Ада не испытывала никаких угрызений совести за убийство — напротив, ведь одной мразью

на земле стало меньше... Словом, жизнь продолжается, и все в ней еще может быть неплохо.

Позавтракав, она вернулась в номер и решила тотчас же пойти к тетке — адрес у нее был. Но, может, тетя, работавшая диктором на радио, уже на работе? Надо бы позвонить сначала, узнать, дома ли она. Ада вышла из номера, попросила у дежурной по этажу телефонный справочник, быстро нашла там теткин фамилию — Анциферова, и набрала номер.

— Людмила Андреевна?

— Да, — ответил бодрый женский голос.

— Людмила Андреевна, вернитесь на двадцать лет назад... Можете? — В трубке молчали, и Ада продолжила: — Когда маленькая девочка Ада, дочь вашей сестры Софьи, гостила в вашем доме и бегала по вашему саду...

— Предположим, — выдохнула трубка.

— А теперь она, эта Ада, стала взрослой, приехала в ваш город и остановилась в отеле на вашей главной площади, и из ее окна виден какой-то кинотеатр, а перед ним — сквер...

— Черт возьми, Ада! Я почему-то чувствовала, что ты приедешь! Когда твоя мать написала мне, что нашла свое новое счастье, а ты в знак протеста уехала и начала самостоятельную жизнь, я все время про тебя думала! Какого черта ты делаешь в этом отеле? Почему сразу не пришла ко мне?

— Я не знала, как к этому отнесется ваш муж...

— Муж? Ха! Объялся груш! Умер ведь он у меня, Аденька... Вернее, не у меня... Ушел к молодой, там и умер... Я хоронила... Так что я теперь одна в пустой квартире кукую. Ты в каком номере поселилась?

— В тридцать третьем.

— Заплатила уже?

— Да. За сутки.

— Ну и дура! Сейчас я приеду. Если там моя знакомая дежурит — деньги назад получим. А и не дежурит, так все равно стребую с них. Мы лучше на эти деньги пир с тобой устроим! А интересно, узнаешь ты меня или нет... Не буду говорить, как оденусь. Выйди в холл, где столики с журналами, и попробуй меня узнать. А я — тебя. Ты на кого похожа-то? Была — на отца.

Сердце Ады екнуло... Стало быть, тетка видела ее отца...

— Не знаю, на кого, Людмила Андреевна.

— Тетя Люда! А можешь и просто — Люда... Как в Америке...

— А вы были в Америке?

— Да как же! Конечно! Мы же с твоей матерью ездили, с ансамблем нашим... Дворца пионеров... Хотя были уже комсомолки... Она — пела, я — танцевала... Вообще, ты странный вопрос задала. Ты что, не знала, что твоя мать в молодости ездила в Америку?

— Нет...

— Более чем странно... Она, стало быть, не рассказывала, где познакомилась с твоим отцом?

— Не рассказывала...

— Какая идиотка! Ну, ладно. Сейчас соберусь — и к тебе приползу. Я ведь уже не работаю — на инвалидности. Все, все расскажу. Жди! Целую!

Ада медленно положила трубку. От нахлынувших теплых чувств закружилась голова. Господи, ее кто-то помнит, любит, кто-то рад ее приезду! И главное — это родная кровь. И еще главнее — эта родная кровь знает про ее отца. Она ощутила, как что-то огромное, невесомое приподнимает ее, и вот она словно уже парит в воздухе, не чувствуя себя, но понимая, что это — миг совершенного счастья...

Ада стала торопливо одеваться. Вытащила из шкафа длинное серое, с табачным отливом, платье, которое плотно облегалo ее фигуру, достала серо-коричневые туфли на широком каблуке и взглянула на себя в старинное зеркало — от пола до потолка, — в котором она буквально утопала. Сейчас зеркало отражало изящную, спокойную, модно и со вкусом одетую девушку. Она оглядела себя в последний раз, повесила на плечо изящную черную сумочку на тонком ремешке и направилась к двери, но та вдруг неожиданно распахнулась перед ней, и на пороге появилась сказочная женщина — стройная, во всем черном — кожаной куртке, длинной юбке, модных ботинках на толстой ребристой подошве. Только волосы ее, короткие, блестящие, вьющиеся, были белые, с золотистым отливом, и на их фоне глаза казались синими-синими. Ада поняла — номер-то был на двоих, вот и поселили второго человека.

— Валентина Васильевна, — представилась женщина, расположив на журнальном столике свой черный портфель с длинным ремнем, в котором, видимо, помещались все ее вещи.

— А я — Ада.

— Какое редкое имя! Человек с редким именем, как правило, обладает и какими-то редкими данными. Необычными. И мне это кажется чрезвычайно интересным. Я рада, что меня поселили с вами.

— А вы... писательница? Нет, вы, наверное, художник, да? Художница?

— Нет, нет, у меня совсем другая профессия. Но знать я хочу не меньше писателей и художников. И столь же любопытна...

— Извините, мне очень жаль, что не могу продолжить разговор. Меня ждут в холле.

— Да, я видела. Там сидит пожилая дама в зеленом. Я полагаю, что ждет она именно вас...

Ада захлопнула за собой дверь и быстро пошла по коридору. Последний поворот — и широкая лестница привела ее прямо в холл. Она сделала шаг, другой и чуть не задохнулась от волнения — увидев ее, тяжело поднялась с кресла какая-то дама, одетая во все зеленое... Зеленым было и пальто с капюшоном, и брюки, и сумка, и, кажется, даже ботинки. Женщина смотрела прямо на Аду распахнутыми глазами, родными, лучистыми и совсем не старыми, улыбалась, хотя чувствовалось, что идти ей было тяжело, и что-то шептала.

— Тетя... Тетечка Людочка, милая... Зачем же вы... Я сама...

— Аденька... Аденька...

Они крепко обнялись.

— Тетя, я вас сразу узнала... Вспомнила... Вы меня с дерева снимали — я в вашем саду на дерево забралась, а вы помогли мне слезть... И вот так же на меня смотрели... Такими же глазами... Красивыми... И добрыми...

— Да, да... Я тоже все помню... А потом ты все-таки упала... И кое-что себе повредила... В пять-то лет...

— О, господи! Разве?

— Ну, конечно! Ты налетела на что-то острое!

— Вот это да! А я и не помню... И вообще — о чем мы говорим? Да бог с ним, с этим падением! Не калеккой же выросла... Знаете, тетя, а ко мне только что одну женщину подселили, Валентину Васильевну какую-то. А так я одна была...

— Да какое это имеет значение! Пойдем скорее к тебе, ты быстро соберешься и забудешь про эту гостиницу! С ума сойти! У нее тут тетка родная, а она... Пошли, пошли! Посидим с этой твоей... Валентиной Васильевной. Между прочим, если это такая красивая белокурая дама, одетая во все черное, то ее мужчина сопровождал. В милицейской форме. Какой-то чин. В холле расстались, я видела.

Ада вздрогнула — этого еще не хватало! Может, эту женщину специально подселили к ней в комнату? Разведка, так сказать. Но только быть того не может, чтобы через всю страну за ней потянулся этот «хвост». Она ведь нигде и ни в чем не прокололась. Ерунда! Того бугая, скорее всего, еще и не нашли. И вообще надо про него забыть, стереть из памяти этот эпизод. Эх, если бы она знала, как это сделать, какие силы небесные призвать, чтобы больше никогда в жизни ей не мерещилась окровавленная голова возле гнилого пня, маленькая черная дырка в клокочущем горле — след от пули. От ее пистолета, который покинул, наконец, свое шерстяное убежище и переместился в сумочку, по-прежнему находясь всегда при ней. Она купила еще один пистолет, такой же по виду, но — игрушечный, и положила его рядом, завернув, как и настоящий, в большой носовой платок.

Со вторым пистолетом ей как-то спокойнее — можно делать вид, что оба — игрушечные, что она приобрела их в качестве подарка какому-то мальчишке...

Этот мысленный монолог, который ее немного успокоил, прервала Людмила Андреевна:

— Стоп! Вот он, твой тридцать третий.

Ада постучала, дверь быстро открылась, и женщины вошли в комнату.

— Рада вас видеть. Вы — тетя? — проворковала Валентина Васильевна, словно лишь она была здесь полноправной хозяйкой.

— Да. Я — тетя вот этой девушки, и зовут меня Людмила Андреевна. А вас — Валентина Васильевна, Ада мне сказала. Можно, я уж сразу сяду, а то ноги болят?

— Тетечка Людочка, садитесь вот в это кресло, здесь удобно!

— Очень хорошо. Ты собирайся, доченька, а мы пока побеседуем с гостьей. Вы ведь в нашем городе первый раз, да?

— Второй. Но интервал большой — десять лет. У меня муж отсюда родом... Бывший муж...

— Красивая женщина — и не замужем? Как такое может быть?

— Может...

— Ну уж, пока вот Аденька собирается, разрешите, я пофилософствую на эту тему... То есть выдвину свои версии... как следователь... Разрешите? — И, когда Валентина Васильевна согласно кивнула, продолжила: — Вы, милочка, можете быть не замужем вот по каким причинам. Первая. Для вас главное — работа. В ней весь смысл жизни. А достойный мужчина не захочет быть на второстепенных ролях. А вторая... Извините, у вас дети есть?

— Нет...

— Вот и вторая причина! А можно еще выдвинуть и другие версии — кто вы по специальности, чем занимаетесь? А?

— Это чрезвычайно интересно... Валяйте!

— Валяю! Вы приехали... в связи с убийством бизнесмена! Ведь так? Следовательно, вы — сыщик!

— А вы — умница. И очень прозорливы. Я и правда раньше в милиции работала. Когда-то... А сюда приехала... по личным делам... — с уважением посмотрела на тетю Валентина Васильевна.

— Если это то личное дело, которое вас сюда сопровождало, то вы — пара хоть куда...

— Да вот, не уверена пока... И — мне жаль с вами расставаться... Вы, Людмила Андреевна, меня чрезвычайно заинтересовали... Хотелось бы продолжить знакомство... Если можно...

— Да почему же нельзя? Запишите мой телефон. Наш с Адой — она у меня будет жить. Надеюсь, по крайней мере. И адрес. Звоните, пишите, приходите — гостям будем рады.

— А можно на прощанье и мне немного погадать на вас, так сказать?

— Валяйте! — повторила тетя ее же слово.

— Валяю! Вы красивы. Энергичны, умны, любите юмор, и вы долгое время были замужем... Привычка держаться гордо, не цепляться глазами за мужчин просто бросается в глаза... Она ведь или есть, или нет, и это не зависит от возраста. Но не так давно вы потеряли мужа... Потеряли безвозвратно. Я права?

— Да. Но как вы узнали?

— В ваших глазах живет одиночество. Вы были счастливы в браке, и потому не рветесь снова выйти замуж...

— Упаси господи! А вообще, вы все угадали правильно. А вот кто я по профессии — слабо, а?

— Говорите вы четко и правильно. Как учительница... Но... вы не настолько измотаны, как они, у вас профессия полегче. Может быть, вы — театральная актриса?

— Тепло...

— Так... Режиссер? Руководите самодеятельным театром при ДК?

— Нет. Я — профессионал. Но не режиссер.

— Работаете в филармонии? Читаете стихи? Прозу?

— Нет, нет и нет! — вскрикнула Ада, захваченная разговором, и выразительно посмотрела на радиоприемник.

— Вы — диктор! — торжественно произнесла Валентина Васильевна.

— Только на пенсии, — грустно заметила Людмила Андреевна. — Ну, мы покидаем вас, Валентина...

— Можете звать меня без отчества, и на «ты», пожалуйста.

— Покидаем тебя, Валентина... И ждем к себе в гости! Стол накроем, и все — честь по чести! Эдакая ты интересная дама! Приходи, я тебе на картах погадаю! Подруливай!

Ада и Людмила Андреевна расставались с Валентиной, словно с давней знакомой, и это вовсе не казалось никому из них странным — ведь людям, близким по духу, порой достаточно и минуты, чтобы понять, увидеть друг в друге то, что иной не заметит в них и за всю жизнь...

Тетя жила в старом кирпичном доме, однако квартира ее, хоть и трехкомнатная, была вовсе не большой — оказывается, и до хрущевских времен в стране уже строили «хрущевки». Показав Аде свои апартаменты, она переделалась в домашнее платье, подчеркивающее ее все еще красивую фигуру, и тоже — зеленое!

— Людмилочка Андреевна, дорогая, не обижайтесь, но вы — как царевна-лягушка...

— Зелень — цвет жизни. Он прибавляет мне энергии. Так я готовлюсь прожить до ста лет... Выбери себе комнату — одну из двух, в большой — я, располагайся там и приходи на кухню. Будем обедать. Я сейчас быстренько все приготовлю. А потом кое о чем тебе скажу. День у меня сегодня необычный...

— Особо не старайтесь — я мало ем. Очень выгодный член семьи. Немного овощей в день, свежий сладкий чай с булочкой — вот все, что мне надо.

— Да... На булочку ты уж точно не похожа. Постараюсь тебя откормить, и не смей мне возражать!

Она ушла, и Ада еще раз осмотрела комнату, в которой находилась, а также соседнюю. Собственно, они мало отличались одна от другой — их окна выходили во двор и упирались в высокие ветвистые деревья — дикие яблони. Правда, в одной комнате, крайней, был встроенный шкаф, служивший кладовой. Ада заглянула туда и сразу почувствовала себя маленькой девочкой. Не успела она осмотреться, как вдруг за стеной послышался чей-то измученный, надтреснутый голос:

— Помогите... Кто-нибудь помогите... Позвоните по телефону... Номер... Называю номер... Помогите... Скажите... Арнольду, что Коля здесь... Пока живой... Спасите...

— Я постараюсь, — отозвалась Ада и шепотом добавила: — А почему вы замолчали?

— Тишина... Небо... Небо... И — тишина...

Казалось, мужчина бредит. Скорее всего, пьяный и несет с похмелья всякую чушь.

— Девочка, ты где? — раздался голос тетки, и Ада быстро закрыла дверцу кладовки. Людмила Андреевна была уже на пороге.

— Что ты там делаешь? — с любопытством спросила она.

— Ох, тетя! Я заглянула в эту кладовку, и словно оказалась в детстве, когда мы играли в прятки, — прочирикала Ада как можно беззаботней. — Так интересно!

— Не знаю уж, что там особенно интересного...

— А кто у вас там живет? За этой стенкой?

— Понимаешь, там вообще нет никаких соседей... — замялась тетя. — Но иногда...

— Что — иногда? Не молчите!

— Иногда мне кажется, что оттуда доносятся какие-то звуки... Я даже хотела однажды презреть приличия, сунуть голову в кладовку и подслу-

шать... Но не стала этого делать... Воспитание... Так ты эту комнату выбрала?

— Да, если можно...

Ада отметила про себя, как быстро тетя перевела разговор на другую тему. Сейчас, наверное, о духах заговорит... И точно!

— Не боишься какого-нибудь там полтергейста, а? Впрочем, ладно, об этом потом. Ты еще не переоделась! Давай-ка быстро раскладывай вещи, умывайся, причесывайся, и — за стол! Ой, что-то у меня там горит!

Тетя убежала на кухню. Ада пошла следом за ней, оглядываясь по сторонам и пытаясь понять, где же в квартире находится телефон. Проходя мимо тетиной большой комнаты, она увидела, что он стоит там на старинном столике овальной формы. Быстро подбежав к аппарату, Ада набрала несколько минут назад услышанный номер. Ответил мужчина.

— Арнольд?

— Да, — тихо, и, как ей показалось, удивленно ответил он.

— Коля просил передать, что он здесь и пока живой...

— Где?

Ада назвала теткин адрес, только к номеру ее квартиры прибавила единицу.

— Вы кто? Откуда у вас эти сведения? — властно спросил мужчина.

— От верблюда! — прошептала Ада, положила трубку и, выскочив из комнаты, побежала в ванную.

Тетка, кажется, ничего не заметила.

Когда Ада вошла в кухню, умытая, посвежевшая, несколько встревоженная, конечно, негласным наличием Коли за стенкой кладовки, но решившая пока выбросить все это из головы ради собственной безопасности, и окинула взглядом стол, то была потрясена его красотой и богатством. Здесь было все, что она только могла бы придумать в своем воображении. Легче сказать, чего на столе не было. Тетя явно отдавала предпочтение блюдам из морепродуктов. Самым живописным, пожалуй, был салат из кальмаров с рисом и яйцами, так причудливо украшенный зеленью, что создавалось полное впечатление живой аппликации. Рядом розовели крабы, которых Ада не видела сто лет, поблескивала красная и черная икра, золотились тоненькие пласты копченого палтуса. В глубоком фарфоровом блюде с золотыми цветами нежилась рыба в маринаде. На широкой тарелке, больше напоминающей поднос, лежали бутерброды с маслом и чавычей — родственницей других красных рыб, в которых Ада неплохо разбиралась, потому что ее мать на эти продукты денег не жалела. В самом центре стола, словно на троне, возвышалась супница, из «окошечка» которой шел пар. А на подступах ко всему этому чуду, по краям стола вольно раз-

леглись виноградные гроздья, разделенные луковками инжира, грушами, плодами манго, киви и еще каких-то фруктов, названий которых Ада не знала. Вот это номер! Когда же тетя успела все это закупить и приготовить? И потом — все это стоит уйму денег. Откуда? Что-то тут не то...

Обомлевшая Ада, охваченная неясными сомнениями, молчала, и тетка посмотрела на нее с недоумением:

— А что это ты какая-то остолбеневшая, а?

— Да от этого... от всего... За стол прямо страшно садиться...

— Ага... Небось и меня в глубине души стала бояться — мол, нечисто тут дело, у тетки-то... А ты наяржи память-то! Наяржи! Неужели ни о чем не догадалась?

— Боже мой! У вас, наверное, день рождения! А я...

— А ты забыла!

— Да нет, не забыла! Я... не знала!

— Как? Неужели твоя мать...

— Ах, тетя, не надо о ней... Если бы вы знали... Если бы... — И Ада вдруг неожиданно разрыдалась.

Людмила Андреевна села рядом и стала гладить ее по плечу, по спине, повторяя:

— Доченька... Теперь ты моя доченька... Я рада, что ты такая... Нам будет хорошо вместе... Мы с тобой... Мы славно заживем! Мы будем путешествовать по всему миру... Денег заработаем — и вперед! Ты когда-нибудь была за границей?

— Никогда...

— А я была... И хочу еще... Хотеть не вредно, да? А это все — икру и прочее мне с радио вчера принесли. Заранее. Сегодня придти обещали...

— Когда?

— Да уж вот-вот!

— О, так не будем ничего трогать! Чтоб не нарушать стол!

— Нет уж, милая! Сейчас я тебе для начала супчика налью...

Суп был великолепен. Он, как и следовало ожидать, тоже оказался рыбным — из севрюги и каких-то морских гребешков. Поинтересовавшись, почему у тети так много морских блюд, Ада получила неожиданный ответ — оказалось, что Людмила Андреевна познакомилась со своим мужем на Дальнем Востоке, а именно — в Тетюхе, на берегу моря. Он был военным и служил там, а она приехала на гастроли с труппой местного театра. А вот дальше гастролировать театр отправился без нее... Этот город и его жителей кормило море. И она на всю жизнь полюбила то, чего раньше никогда и не пробовала.

— Мне даже трепанги сразу понравились, хотя многие не выносят их вида... И мы постоянно ели салаты из морской капусты... Там ее можно было купить прямо на берегу... И теперь у меня все, что из моря, связано с воспоминаниями о молодости... И я тебе обо всем расскажу, тебе будет интересно, ведь у нас — одна кровь... Да не простая, а — золотая!

Заметив, что Ада поела, Людмила Андреевна стала переносить все яства из кухни в свою комнату. Ада тоже взялась было за тарелки, чтобы ей помочь, как вдруг услышала:

— А кому это ты звонила, а?

Что-то задрожало внутри нее и звякнуло. Как будто разбилось.

— Никому... Почему вы так подумали?

— Да потому что трубка лежит не так, как кладу ее я! Наоборот.

— Я хотела позвонить маме и сообщить, что я здесь. Уже сняла трубку, но передумала.

— Ну и правильно! Потом сядем вечером и вместе позвоним.

Стол в большой комнате их стараниями выглядел еще роскошнее, потому что его украшали бутылки с шампанским и кагором, который тетя, оказывается, очень любила. Она долго думала, выставлять ли водку, которая, как ей казалось, делает стол грубым, как в кабаке. Решила выставить маленькую бутылочку, четвертинку, окружив ее фруктами, отчего водка стала выглядеть загадочно и несколько кокетливо.

— Пора переодеваться, — спохватилась тетя, взглянув на часы. — Не в домашнем же гостей встречать!

Ада послушно пошла в комнату, которую уже называла своей, и вмиг переделалась в свою красивую длинную юбку и легкую вязаную льняную кофточку — единственную хорошую вещь, которая была у нее давно и моталась вместе с ней по городам и весям. Она не сразу закрыла дверцу шкафа, прислушиваясь — что там, за стеной? Но на той стороне тонкой панели, такой же, как и тысячи других, что разделяют наши квартиры даже в кирпичных домах, было тихо. Ада с легким сердцем закрыла шкаф и вышла. Тетя тоже успела переодеться, и Аду буквально сразил еще один вариант зелени, из которого была сшита длинная блуза, надетая поверх тонкой юбки, тоже играющей зеленоватым отливом — эта зелень купалась в лазури, образуя невероятный сплав голубо-сине-зелено-небесного творчества природы. Это было красиво, но все же Ада в который раз задала себе вопрос — а не помешалась ли тетка на этой зелени? Что-то уж слишком ее много... Она вздохнула и отправилась вслед за теткой на кухню, где уже должно быть в полуготовности горячее блюдо. Действительно, в духовке, на противнях, густо посыпанных крупной солью, томилась куры — вернее, их половинки.

И тут в дверь позвонили. Раскрасневшаяся тетка побежала открывать. Ада осталась наблюдать за всем происходящим из кухни. Первым на пороге появился высокий долговязый мужчина с голубой коробкой в руках.

— Поздравляю! Эта кофеварка тебе сама все сварит, а ты сиди и отдыхай!

— Спасибо, Мишенька! Ада, это наш инженер. А у меня, Миша, племянница. Познакомься.

Ада подошла к долговязому инженеру, и он так галантно взял ее за кончики пальцев, что она вынуждена была в соответствии с моментом сделать грациозный реверанс.

— Замечательно! — произнес второй гость, глядя на Аду и протягивая тетке кофемолку. — Будь здорова, Людочка!

— Спасибо, Сашенька!

Ада видела, что тетя по-настоящему растрогана.

Дверь недолго оставалась закрытой — в нее буквально ввалились женщины под предводительством небольшого роста квадратной пожилой дамы, которая, знакомясь с Адой и глядя на нее как-то чересчур пронизывающе, произнесла густым, почти мужским голосом:

— Ирина!

За ней шагнули высокая, хрупкая Лариса и широкоплечая Нонна, которая, как оказалось, сменила Людмилу Андреевну на ее нелегком дикторском посту. Именно она и преподнесла виновнице торжества прекрасный букет роз. Тетя сияла. Чувствовалось, что она любила этих людей, она провела рядом с ними много лет, и сейчас ей было приятно, что они пришли, поздравили, что так вот хорошо на нее смотрят. Она уже хотела рассаживать всех за стол, как вдруг Ирина сказала, что надо немного подождать, сейчас должен подъехать их самый главный начальник, чтобы произнести речь и удалиться. Все стали покорно ждать, и Ада — тоже. Она представила себе, что сейчас сюда войдет пожилой, грузный, пузатый мужчина и будет полоскать мозги избитыми словами. Но все оказалось иначе. В квартиру вбежал молодой белокурый парень и, мельком взглянув на Аду и представившись Владимиром, обнял Людмилу Андреевну, расцеловал ее в обе щеки, пожелал ей всяческих благ и хотел, было, удалиться, но почему-то передумал и сам попросился за стол. Людмила Андреевна была польщена. Ада же сразу поняла, почему он остался. Она всегда чувствовала, когда нравилась мужчине. И сейчас этот Владимир, сделавший вид, будто и не обратил на нее внимания, остался именно из-за нее. Он и сел между ней и тетей, сделал на своей тарелке небольшую рыбную горку, обложил ее салатом с кальмарами, добавил туда оливки, посыпал все это зеленью, стоящей в особых маленьких блюдечках, после секунд-

ного размышления положил сверху несколько ломтиков помидоров и только тогда успокоился. Шампанское открывал и разливал Саша — пробка у него хлопнула как-то аккуратно, словно и не вылетела из бутылки, и пена остановилась на самом краешке бокала...

Тосты сыпались один за другим, причем и в прозе, и в стихах, и в вокальном исполнении. Ада еле выбрала время, чтобы сходить на кухню за курицей, сидевшей в еще горячей духовке. Это блюдо вызвало восторг. Когда она пошла за второй порцией, с ней отправился и Владимир — помочь.

— Ада... Откуда вы взялись? Такая удивительная... Красивая и... горькая...

— С неба упала.

— Понял. Прилетели на самолете. Из Москвы, да?

— Я... из космоса.

— Интересно, интересно... А можно, я...

Влетевшая на кухню Нонна чуть не перевернула поднос, который держала Ада.

— Напрасно вы, Нонна, так беспокоитесь, — решила проучить ее Ада. — Я положу вам самый большой, самый лучший кусок курицы. Вот этот. Хотите?

— Да я... Не надо мне вообще ничего класть!

— Но... зачем же вы прибежали?

А не ваше это дело!

И Нонна, пропустив вперед Аду с курицей, переложенной на большое фарфоровое блюдо, отправилась вслед за ней. Замыкал шествие удрученный Владимир, так и не успевший высказать свою просьбу. С появлением курицы речи на время прекратились — все стали есть, причем с большим аппетитом.

Через некоторое время половина гостей вышла на балкон покурить, в том числе и Владимир с Нонной. Тетя под села к Аде и шепотом проинформировала ее о том, что Владимир не женат, жил одно время с Нонной, однако сейчас они то ли уже расстались, то ли еще только решили это сделать, вот она и бесится, а вообще — баба хорошая. А он? Горячий, порывистый, пишет хорошие стихи. Руководить радио не хотел — его уговорили. Талантливый журналист.

— Так что, Аденька, если у тебя никого нет, советую обратить на него внимание... Кстати, ты сейчас сразу можешь насчет работы с ним поговорить. У тебя высшее образование?

— Нет. В московский вуз не прошла по конкурсу. Предлагали на платный факультет, а у меня денег не было...

— А мать? Она-то что?

- Да ничего... Я ей не говорила.
- Ко мне бы обратилась. Я бы помогла.
- Спасибо...

Ада всегда стеснялась есть в большой компании. Выпить и чуть заку-
сить — другое дело. А чтобы целиком умять какое-то блюдо... И, пока
жаждущие курили, решила съесть кусочек курицы, лежащий перед ней не-
тронутым. Кусочек оказался очень сочным, и сок тут же брызнул на ее
кофточку. Как раз в это время все стали шумно рассаживаться за столом,
а Ада, шепнув тете, что уходит переодеться, отправилась в свою комнату.

Она закрыла за собой дверь, сняла испорченную кофточку, отворила
шкаф и стала перебирать свои вещи, решая, что же надеть. Потянулась к
вешалке с платьем, и тут... снова услышала стон и непонятные слова, кото-
рые человек едва выговаривал:

- Пасит... Сити... Пасити...

Два часа назад он просил его спасти, и опять? Ада просунула голову
под полку с простынями и прошептала:

- Коля, это вы?

Молчание.

- Вы там один?

Молчание, а затем чуть слышное «да»...

- Я позвонила Арнольду. Но он, похоже, не обрадовался...

Опять молчание.

- А вы — пьяный, да?

И тут она ясно, очень ясно услышала его шепот:

— Меня убили... Я был должен... Они меня убили... Я умру, детка... Но
их вонючие руки никогда не возьмут мои деньги... Мечь... Мечь... Она
выше...

- А если вы отдадите деньги, они вас выпустят?

— Не знаю... Но я не отдам... Поздно... Они перестарались... Арнольд
перестарался...

— Если это все правда, скажите, что я могу для вас сделать? Может,
проникнуть к вам через балкон? Попытаться?

- Попробуй...

Ада не думала о том, войдет в комнату тетя или нет, она вообще не стала
думать ни о чем постороннем. Снова надев испорченную кофточку и отво-
рив окно, увидела рядом два железных штыря, торчащих из стены, и, дер-
жась за раму, дотянулась левой ногой до одного из них. Левая же рука
уцепилась за другой штырь, но до соседнего балкона можно было добрать-
ся лишь прыжком. Ада с детства прекрасно лазила по деревьям, и, долго
не раздумывая, бросилась к балкону. Уцепившись за него обеими руками,

она нашла опору для ног и вмиг оказалась возле балконной двери. Но, прежде чем ее открыть, осторожно заглянула внутрь. Почти пустая комната, лишь у стены — старый диван. На полу — обрывки газет, веревки, куски ремней. Она присела возле двери и всем телом надавила на нее. Дверь была заперта, тогда Ада взяла какую-то железяку — на балконе их было немало — и постаралась с ее помощью открыть замок. Бесполезно! Стекло же держалось в дверях еле-еле и, казалось, способно было вылететь даже от сильного порыва ветра. Она подняла с балконного пола большой кусок картона и, дождавшись, когда из тетиного окна стали доноситься особенно громкие звуки, когда все хором закричали: «Поздравляем, поздравляем!», надавила этим картоном на стекло. Оно не упало, а как-то осыпалось на пол, раскрошившись на мелкие кусочки. Ада шагнула в комнату, прямо на кучу осколков, расчистила себе дорогу все тем же куском картона и быстро прошла в коридор, к тому месту, где, по ее расчетам, находился встроенный шкаф с теткиной стороны. Так и есть! В коридоре, спиной к стене, полулежал мужчина со связанными руками. Ничего не говоря, не ахая и не охая, она с трудом, но все-таки развязала крепкие узлы, ухватила человека под мышки и потащила на диван. Ей удалось это без труда, потому что мужчина был худощав и легок. Она увидела, как страшно опухло его лицо и посинели разбитые губы. И вообще он весь был серосиний и лежал, вытянув ноги, как мертвец.

— Детка, детка... — шептал он.

— Коля, я вам «скорую» сейчас вызову...

— Зови... До вечера не доживу... Жалко, деньги пропадут... У меня нет никого... А я — тебе их, детка, а? Запомни. Заруби на носу. У Коли почти сто тыщ... Сто тыщ... В кейсе... для концертной гитары... У Крысы в норе. Крыса не знает... Ключ от кейса должен быть у меня в брюках... Или где-то здесь... Лезь в брюки!

Ада осторожно запустила пальцы в его правый, затем левый карман — пусто. Маленький ключик оказался в заднем кармане.

— А что это за Крыса, и где она живет?

— Уборщицами командует в мэрии... Там — мои вещи... Только ежели оклемаюсь — поделим...

— Я сейчас, Коля! Я — к себе. То есть — к тетке. Я тут первый день живу. Выйду через дверь. Милицию-то звать?

— На хрена? «Лепилы» сами... позовут...

Он вновь застонал. Ада спокойно вышла через дверь, которая прекрасно отперлась изнутри, заблокировала замок, чтобы квартира была закрыта, но не заперта, хотела позвонить тете, но неожиданно обнаружила, что гости оставили вход открытым. Это была удача! Она тихонько проскользнула

в свою комнату, закрыла окно, мгновенно переоделась и появилась в разгар торжества с крайне встревоженным лицом.

— Тетя, там кто-то просит о помощи... Необходимо вызвать «скорую»...

Все, в том числе и тетя, бросились в комнату Ады и стали прислушиваться. Сама же девушка в это время решительно набрала «03» и продиктовала адрес, ругая себя за то, что с этим признанием Коли и поиском ключа были потеряны драгоценные минуты. Затем присоединилась к остальным.

— Действительно, что-то там не так, — сделал вывод Владимир. — А нельзя ли туда пройти? В соседнюю квартиру? Или позвонить?

— Там нет телефона, — отрезала тетя. — И там никто не живет... Никто, во всяком случае, не должен жить...

— Надо проверить!

Владимир первым кинулся на лестничную площадку и без труда открыл незапертую дверь соседней квартиры. За ним полетела Нонна. Ада осталась стоять рядом с тетей, решив не вмешиваться — она уже сделала свое дело. Остальные топтались в коридоре и на лестнице. Прибежавший обратно редактор бросился к телефону и вызвал сразу обе службы — «Скорую помощь» и милицию. Ада ему ничего не сказала, решив, что второй вызов «скорой» не помешает — быстрее приедут.

— Что там? Что? — поинтересовалась у него тетя.

— Человек умирает... Похоже, его убивали... О, господи!

— Только этого мне не хватало в день рождения! — горестно заметила тетя.

Всем уже было не до веселья. Владимир, Нонна и примкнувшие к ним Ада с Ириной хлопотали вокруг пострадавшего. Редактор пытался выяснить его имя, фамилию, но он лишь шептал: «Детка... детка... пасите... сити... сипо»...

— Спасите или спасибо? — спросил Владимир.

— Спасите! — отрезала Ада.

Милиция приехала первой и буквально ввалилась в квартиру, затопав так, словно тут пряталась банда преступников. Один из приехавших, старший лейтенант, подозрительно уставился на Владимира и уже хорошо поддатых Мишу с Сашей. Другой же, майор, узнал редактора, который и рассказал ему коротко обо всем, что случилось.

Следом прибыла «скорая». Врач бесшумно достала шприц, ампулы и сделала пострадавшему укол. Затем он был положен на носилки и увезен в неизвестном направлении. Во всяком случае, никто из присутствовавших не спросил, в какую больницу его увозят. И Ада не стала интересоваться — из осторожности. Затем они все ответили на вопросы милиции. Тетя тоже вошла в комнату, где случилась трагедия, и стала внимательно

осматривать все вокруг. Особенно — разбитое стекло и следы рядом с мелкими осколками... Она действовала, точно сыщик, и Ада внутренне похолодела... Милиционеры же пока не обратили на это должного внимания — они рассматривали веревки, ремни, несколько ножей и шило, валявшееся на полу. Когда все передвинулись в прихожую, обнаружив там что-то интересное, тетка схватила картон, которым Ада выдавила стекло, и потянула его в сторону, чтобы засыпать осколками следы. И все. Больше она ничего не предприняла, а ушла домой вместе с Адой.

Все дружно помыли руки и вновь уселись за стол, только уже не поздравлять новорожденную, а обсуждать происшествие.

— А я пошла переодеваться, слышу — стонет кто-то... За стеной... Так испугалась! Тетя ведь говорила, что там никто не живет... Долго стояла, ни жива ни мертва... Потом вроде все стихло... Я пыталась спросить у того, кто стонал, что с ним случилось... Никто не ответил... И в стенку стучала — молчание... А потом опять кто-то застонал... Так страшно!

— Притон какой-нибудь... Или заложников тут держат, — предположила Ирина.

— У нас под носом преступление совершалось, а мы и не знали ничего...

— Скорее всего, долг из него выколачивали, — предположил Владимир. — Сейчас иные этим живут. Замечали объявления в газете? «Поможем вернуть долги». Там такие костоломы — будь здоров!

— Гестапо! — отчеканила Нонна.

— Боже, в какое время живем! — воскликнула Людмила Андреевна. — Грабят, убивают среди бела дня... Пытают...

— А вообще, чья эта квартира, тетя?

— Понятия не имею. Я же говорила — тут жила замечательная женщина, Наташа. Она вышла замуж за москвича и уехала. А квартиру эту хотела продать. Думаю, что продала. Только кому — не знаю. Никто тут на правах хозяина не появлялся.

— А — не на правах хозяина? — поинтересовался Владимир.

— Да шмыгал кто-то... Туда-обратно, туда-обратно, как крыса...

— Я, честно говоря, впервые вот так... на месте преступления, — признался Владимир. — И... меня поразило, что милиция задала нам так мало вопросов...

— Ничего, еще потаскают! — уверенно заявила тетя и попросила Аду включить на кухне самовар.

Ада ушла, а когда вернулась, то все уже сидели с наполненными вином рюмками и ждали ее.

— Разрешите мне? — попросил слова Владимир и, не дождавшись ответа, продолжил: — Предлагаю тост. Чтобы мы никогда ничего не боялись.

Чтобы нам ничто не угрожало. Чтобы человек шел по улице, не пряча голову... Гордо шел... Свободно... Только такая жизнь достойна человека!

— Человек человеку рознь, — заметила Ада. — Бывает человек. А бывает и зверь в его обличье... И я, например, не удивляюсь, что люди покупают оружие для самозащиты...

— А ты умеешь стрелять? — вдруг спросила ее тетя.

— Конечно. Я в тире занималась, — спокойно ответила Ада, не почувствовав в этом вопросе никакого подвоха.

— Отлично! Раз у нас такое соседство — может, приобретем с тобой пистолет, а?

— Но я уверена, тетя, что вы никому ничего не должны, и на вас не будут нападать...

— А ты? Ты тоже никому ничего не должна?

— Конечно, не должна...

— Ну, тогда я спокойна... Тогда все нормально... И самовар, наверное, можно нести прямо в комнату...

Самовар принесли Миша с Сашей — он пыхтел от своей важности, и его поставили на самую середину стола, с которого унесли все лишнее. Пока разливали чай, Миша с Сашей усердно крутили телефонный диск, объяснив, что хотят узнать, как состояние потерпевшего. Наконец больница ответила — потерпевший находится в реанимации, состояние его крайне тяжелое... Об этом после ряда вопросов — кто звонит и почему — сказал им милиционер, посланный туда дежурить возле мужчины.

— Надо бы выпить за его здоровье, — пробасила Ирина, и все ее поддержали.

Гости разошлись затемно. Людмила Андреевна и Ада перемыли всю посуду, одновременно обсуждая происшедшее, но когда на полку легла последняя тарелка, Ада решительно попросила тетю на время забыть о трагедии за стеной и рассказать ей, наконец, про их общих предков. Тетка огорошила ее сразу:

— Должна тебе сказать, дорогая девочка, что наш дед был из рода Мнишек.

— Откуда и Марина Мнишек, жена Лжедмитрия?..

— Совершенно верно. И если бы ты была моей дочерью, то я бы повторяла тебе это каждый день, с пеленок, чтобы ты росла гордой и независимой. Но Софья, твоя мать, то ли глупа, то ли равнодушна, я уж и не пойму... Тебе двадцать шесть, а ты в полном неведении! И отец твой — тоже литовско-польских кровей, но давно обосновался в Америке. Жил в Нью-Йорке, в каком-то страшном небоскребе — там квартиры были дешевле. Работал таксистом. Мы с ансамблем там выступали в школе какой-то, а потом ото-

рвались с Софьей и пошли одни бродить по городу. Ну и, конечно, заблудились. Английского не знаем, стоим, как дуры, и плачем. А он подъехал на такси и по-русски заговорил... Высокий, голубоглазый, волосы светлые... Отвез нас, двух дур, в гостиницу, а там уж наша руководительница чуть не в обмороке лежала... Потом он несколько раз на наши выступления приходил... А уезжали — взял Софьин адрес и стал ей писать. И она ему, естественно. Не один год они так переписывались. А потом встретились в Вильнюсе, на нейтральной, так сказать, территории... И родили тебя...

— Но... почему они не поженились?

— Потому что у него к тому времени уже была семья. И дети. Двое, кажется. И твоя мать прекрасно об этом знала. Я бы сказала, что она потеряла достоинство, но передо мной — ты, изящная, красивая, здраво рассуждающая, в меру смелая, в меру хитрая... И я говорю — она все сделала правильно! Продолжай в том же духе, девочка! И... я тебе помогу. Во всем.

— А как?

— Я постараюсь, чтобы ты нашла себе хорошую работу. Училась.

— Можно, обо мне — потом, а? Давайте о предках.

— Хорошо. И дед, и прадед наши были Андреями. Прямо родовое имя. Андрей Салникс. А вот кто и когда переделал нас в Салниковых, и без мягкого знака — согласись, он так и просится — не знаю... И мать твоя не знает... Но случилось это, полагаю, сразу после революции... Предки, видимо, могли выжить, только искажив фамилию... Переделав ее в русскую... А жаль — ведь род наш известен еще с пятнадцатого века...

— Господи! А... чем занимались эти Салниксы?

— Всем. И кузнецы даже были. Но в основном — богатые панове. Воины. Был и ученый-астроном. И художник. Он — по женской линии, Стонис его фамилия.

— А... воины? Они что, с кем-то сражались?

— Разумеется. И они убивали, и их убивали... Так что убивать — это у нас в крови... А тебе никогда не хотелось никого убить?

— Да... вроде бы нет, — явно начиная дрожать, ответила Ада. — А вам?

— На «ты», и — Людмила! Ну, пожалуйста! На худой конец — тетя.

— А тебе, тетя?

— Хотелось. Меня так и тянуло расправиться со своей молодой соперницей. Застрелить ее. Или пырнуть ее ножом. Гены во мне прямо бушевали.

— Ну и... что?

— Меня опередили. Она работала у известного банкира, а его машину обстреляли... Всю изрешетили. А банкира-то там и не было... Одна эта девица ехала... Знаешь, я до сих пор не пойму, зачем он ей был нужен... Мой муж... Ведь все-таки — возраст... А вокруг нее было столько моло-

дых мужчин! Может, она его и правда любила? Тогда жаль, что ее убили... Любовь бы жила...

Тетя явно уклонилась от темы, и Ада уже хотела прервать ее полет в прошлое, как вдруг зазвонил телефон. Оказывается, Миша с Сашей продолжали названивать в больницу и сейчас сообщили тете, что неизвестный пациент только что скончался.

— Пусть земля ему будет пухом! — прошептала Ада.

А тетя усмехнулась, еще раз посетовав на несовершенство этого мира...

Засыпая, Ада думала о том, что о происшествии в соседней квартире наверняка станет известно прессе, о нем напишут в газетах, расскажут по радио, телевидению, а то и в Интернете. Возможно, быстро установят и личность умершего. И та же Крыса, узнав, что ее знакомый мертв, ни за что не отдаст Аде его кейс. Ни за какие деньги! Скорее всего, она откроет его сама. Значит, надо немедленно, завтра же с утра отправляться в эту мэрию, изымать из кладовки кейс, и... Кейс — это не пистолет, так и лежащий, кстати, в паре со своим игрушечным дублером в ее сумочке, которую тетка в любой момент может открыть... И куда его деть — Ада пока не придумала. Но зачем он вообще ей нужен? Она купит рюкзак, вытряхнет туда содержимое кейса — и была такова! Сто тысяч — это, в конце концов, не миллион. Спокойно поместятся. Но куда девать рюкзак? Вот проблема-то! Ведь этот город — чужой для нее. Хотя... У тетки же была дача! В детстве она лазила по деревьям именно на ее даче! Там наверняка можно будет пристроить «шкуру неубитого медведя». Но что делать с ней до дачи? Вряд ли тетка вмиг соберется и поедет с ней в деревню... Скажет — потом, мол, а то и вообще отложит поездку до весны... А что, если все-таки оставить кейс у Крысы? Там он, по крайней мере, в безопасности. А потом, когда будет решен вопрос с помещением, то бишь с тайником, его конфисковать... Нет, рискованно. Даже если предположить, что про кейс больше никто не знает, нельзя исключить того, что его просто могут украсть. Чтобы использовать по прямому назначению — в качестве футляра для музыкального инструмента. Да и Крыса может взломать замок и туда полезть... Из любопытства... А если эта Крыса — старуха, то она элементарно может помереть, и все ее имущество выкинут за ненадобностью...

И тут Аде пришла в голову простая мысль — снять жилье. Скажем, однокомнатную квартиру. Так, чтобы тетя не знала. И там устроить тайник. Собственно, она может это сделать завтра же. С утра — договориться о квартире, объявления тут — на каждом столбе, получить ключи, заплатить деньги и спокойно отправляться за кейсом.

С этой мыслью Ада и уснула, успев, правда, удивиться тому, что нет в ней жалости к пострадавшему Коле. Нет и не было. Так очерствела ее душа?

Нет. Дело здесь не в душе, а в этой жизни, похожей на мясорубку, где ни на секунду нельзя отвлекаться на глубокие чувства, которые могут тебя захватить, иначе сам попадешь под нож...

Глава 3

Сорванная пружина, или события раскручиваются

Следующий день начался неожиданно — со звонка Валентины. Она просилась к ним в гости. Тетка явно обрадовалась, да и Ада тоже. Таким знакомством нельзя пренебрегать, будет меньше всяческих подозрений, да и, честно говоря, эта женщина ей просто понравилась. Договорились, что Валентина придет в обед, причем она предупредила, что явится с тортом. Ада понимала, что нужна тетке для подготовки встречи, но в то же время не хотела нарушать собственные планы, а потому отпросилась у нее, соврав, что сходит насчет работы — видела возле гостиницы объявление о наборе деятельных молодых людей в агентство недвижимости.

— А что? И неплохо! — одобрила тетка. — И даже хорошо! Если возьмут, конечно... Только я слышала, что сначала там надо какие-то платные курсы окончить... Так ты учти — я денег дам...

— Да у меня свои еще есть...

И Ада, с теткиного благословения, собралась уже уходить, но вдруг вспомнила, что не спросила про дачу.

— Ой, тетя, ухожу, а сон свой вам не рассказала! Знаете, где я была во сне?

— Где? — с любопытством спросила тетя.

— В детстве! Возле маленького домика с яблонями, по которым лазила... И откуда однажды упала...

— А-а-а... Нет уж того домика, — грустно заметила тетя. — Муж ушел — ничего с собой не взял, только дачу попросил... Я согласилась. А теперь и не знаю, кто там хозяйничает... Наверное, мать этой девицы...

— И как же вы допустили! Надо забрать! Это же наше имущество! Кровное! При чем здесь мать совершенно чужой женщины?

— Да думала я уж об этом, думала... А, знаешь, решай-ка поскорее свои вопросы, и сходим вместе к этой бабе! Может, у нее совесть есть... Там ведь у меня и белье, и посуда, и много всего другого осталось...

Ада ушла с надеждой на то, что дачу можно будет вернуть. И вообще у нее поднялось настроение после собственного экспромта насчет агентства недвижимости, потому что это действительно была замечательная мысль. Тут тебе и квартиры, и тайники, и при случае будет где скрыться. Про объявление-то она не соврала, оно действительно было, только она никак не связала его с собой. Теперь же, подойдя к доске объявлений, она аккуратно переписала номер телефона и адрес, по которому следует обращаться, спросила у прохожих, где находится нужная ей улица — оказалось, что недалеко, но направилась не туда, а в мэрию. Просто так, на разведку. Должна же она хотя бы знать, как зовут эту Крысу, посмотреть на нее, а потом принимать решение. Но в мэрию ее не пустили — надо было выписать пропуск, предварительно созвонившись с человеком, к которому идешь. Ада призналась охраннику, что ищет работу технического секретаря или еще какую-то в том же духе, и попросила связать ее с отделом кадров. Охранник усмехнулся — такого подразделения здесь не было, и связал ее с общим отделом, а когда там никто не ответил, то — с приемной управделами. Ада подумала, что сейчас ей придется уйти не солоно хлебавши, но неожиданно ей сказали, что сейчас спустятся. Минуты через три к охраннику подошел румяный широколицый мужчина с узкими глазами, по виду сибиряк, и попросил его пропустить Аду без пропуска, заметив, что его выписывать и подписывать окажется дольше, чем все их переговоры. Он привел Аду в комнату 203, где какая-то женщина в упор спросила ее мнение о должности курьера и о том, сможет ли она им быть. С совершенно мизерным окладом. А поскольку Ада от неожиданности молчала, то женщина добавила, что при наличии электронной почты и других вариантов связи работы у курьера не так уж много, к тому же выдается одежда, обувь, сумка и что-то там еще.

— Хорошо. Я подумаю, — наконец выдавила из себя Ада. — До завтра.

— Ладно. Если будете согласны — завтра же подходите. Нет, лучше позвоните вот по этому номеру, чтобы я на вас не рассчитывала, — сказала женщина, протягивая Аде свою визитку.

Девушка аккуратно положила ее в сумку и вышла в сопровождении все того же мужчины. По дороге к выходу она решила на важный для себя вопрос. Только вот как его задать?

— Надо же... Зашла — и сразу работу нашла... Вот уж не ожидала... А я ведь случайно здесь оказалась. В автобусе слышала разговор о какой-то Крысе, что в мэрии работает... Прозвище, видимо... Ну, я и поехала в мэрию... Будто что-то сюда тянуло... А у вас правда работает такая женщина? Ну, я имею в виду — Крыса...

Мужчина расхохотался и стал убеждать Аду, чтобы она больше никому не говорила об этом человеке, потому что только он, лично сам, хочет познакомиться ее с Крысой, и это будет замечательно и до ужаса забавно!

— Тогда знакомьте прямо сейчас! — решила Ада.

— Не могу. Крыса болеет. На больничном.

— Жаль. А к ней в помощники нельзя устроиться? Вместо курьера?

— Не знаю. Выздоровеет — спросим.

— Но мне же завтра надо давать ответ!

— А вы потяните... кота за хвост!

Она пообещала.

Ада вышла на улицу с чувством исполненного долга — пока все получается как надо! И хорошо, что Крыса болеет, только бы не померла! Болеет, и это значит, что поиски квартиры можно пока отложить, покупку рюкзака — тоже. А вот в агентство идти надо, несмотря на предстоящую карьеру курьера или кого-то еще, потому что, в лучшем случае, она продержится на этой челночной либо уборщицкой должности лишь некоторое время, для дела. Ну, скажем, дней десять или полмесяца, пока не убедит Крысу передать ей кейс в качестве Колиного наследства. А если не убедит — Крыса, как бы ни была тяжело больна, наверняка узнает о судьбе Коли и сделает свои выводы — то она, Ада, будет действовать по обстоятельствам. В пределах своих возможностей. Своих способностей хитрить и «вешать лапшу на уши». Собственно, пока ведь этот Коля значитесь как неопознанный...

Агентство недвижимости располагалось в небольшом двухэтажном здании, которое оно выстроило само для себя на месте развалюхи и очень этим гордилось. Аде предложили рассказать о себе, и она сделала это с той мерой искренности, которая была возможна. Время своего бродяжничества она выдала за философский период поисков истины, ни словом не упомянув, естественно, о «божиках» и нищенстве, а когда ее в упор спросили, чем же она занималась, то услышали в ответ, что помогала нескольким семьям воспитывать детей, а также работала в церкви — расшивала золотом одежду священнослужителей. Вряд ли квартирные агенты могли это проверить — скорее всего, они и понятия не имели, как, чем и где расшивается церковная одежда.

Но, несмотря на эту заминку, Ада почувствовала, что руководителям агентства она понравилась. Да и как могло быть иначе! Она сумела ответить на все их вопросы и даже предложила свои варианты-схемы обменов жилья. Правда, междугородные — знала она в Москве нескольких пожилых людей, которые, пожалуй, согласились бы за неплохие деньги отдать свои квартиры в обмен на лучшие, но в Сибири. Главное — в агентстве поняли, что Ада умеет убеждать людей, а для их работы это самое нужное

качество. Правда, юридическая грамотность Ады оставляла желать лучшего, и потому ее прикрепили к юристу, который согласился уделять девушке час-два в день, как получится. В остальное время она должна была работать. Хоть с завтрашнего дня.

— Да, а как у вас с пропиской? — спросил руководитель агентства, Вадим Григорьевич Тиль.

— Я поселилась у тети. Там и пропишусь. Завтра же, думаю, мы с ней подадим документы.

— А почему не сегодня?

— Действительно... Сейчас вернусь домой, и...

Тиль был человеком осторожным и предложил Аде ускорить процесс прописки, ибо этот штамп в паспорте — неременное условие для трудоустройства.

— Но к юристу вы уже можете ходить обучаться, — милостиво разрешил он.

Ада поблагодарила.

Она шла домой и анализировала ситуацию. Крыса больна, с работой пока еще окончательно не получилось... Стоп! Крыса больна? Но ведь кто-то же моет и скребет эту мэрию! А, значит, открывает кладовку, достает оттуда тряпки, ведра и все прочее... Но без Крысы ей ни за что не отдадут кейс! Хм... А с Крысой — отдадут? Что-то слабо в это верится... Ясно одно — раз не отдадут, значит, его нужно взять самой! Черт! Ведь была же она в мэрии, и не удосужилась даже узнать, где находится эта самая кладовка! Но... в чем, собственно, дело? Ведь она может сию же минуту вернуться туда, заявить, что согласна быть курьером, ее, естественно, тут же спросят о прописке, которой нет, и отправят туда же, куда и Вадим Григорьевич. Но в процессе всей этой болтовни она будет находиться в нужном месте и сможет... Да она все сможет! Зачем ей красть кейс и тащиться по городу с этой машиной, которую запомнит каждый прохожий? Она попробует проникнуть в эту кладовку тогда, когда там никого не будет, отпереть кейс, переложить его содержимое в свою тару, и тикать на здоровье! Все гениальное просто. Хотя и сам кейс ей нужен — купила бы под него гитару, а то она так давно не играла на этом инструменте...

Ада и не заметила, как оказалась возле теткиного дома. Вот тебе и мэрия! Ничего, сейчас она посидит с Валентиной — полезно ведь знать, чем дышит родная милиция, хоть и бывшая, а потом, после обеда, все-таки отправится в мэрию...

Гостья уже сидела в теткиной комнате и угощалась, естественно, рыбными блюдами. На столе красовался торт, украшенный желе с фруктами. Ада присоединилась к их компании.

— Меня, знаете, так и тянет к вашей тете... Потому и пришла... Люблю прозорливых людей, — призналась Валентина.

— Нет, ты, Валя, не увиливай от ответа. Я ее спрашиваю про убийство нашего бизнесмена, — объяснила тетка Аде.

— Людмила Андреевна, дорогая, но там, честное слово, нечего пока и рассказывать! О заказчике или заказчиках — никаких четких предположений... Об убийце — тоже ничего... Никаких следов... Свидетели есть, но говорят они совершенно невообразимые вещи... И, главное — разные...

— Например? — нетерпеливо спросила тетя. — Признаюсь, я — человек чрезвычайно любопытный... Люблю сунуть нос в чужие дела...

— Хорошо. Вам скажу. Одна женщина, например, утверждает, что мимо бизнесмена, буквально за несколько секунд до выстрелов, быстро прошла молодая дама, прямо-таки задела его. Но для чего?

— А чтобы он отвлекся, Валечка. И охранники тоже. Чтобы обернулись, на нее посмотрели. Проводили ее глазами. И не заметили опасности с другой стороны. А не обернись он и его эскорт на эту бабу — может, заметили бы киллера... Но это — если в него действительно стреляли с другой стороны...

— Да, с другой... И вы все правильно предположили... Если бы... Короче. Другой свидетель утверждает, что никакой бабы не было... Что двор был девственно чист... И мне, честно говоря, в даму тоже не очень верится — вряд ли у киллера была напарница. В данных обстоятельствах — я изучила место действия — она была ему просто не нужна... Больше того, могла помешать и оказаться рядом с жертвой как раз тогда, когда надо нажать на курок... Ведь выстрел был произведен из соседнего пустого дома. Аварийного. Всех жильцов оттуда давно расселили. Тогда необходимо было все выверить до секунды, а для этого — поддерживать связь друг с другом... Но ваш бизнесмен тотчас бы это засек...

— Хм... А что говорят другие свидетели? Ну, хоть заметили что-то реальное, существенное? — решила спросить Ада, которой становилось все интереснее.

— И другие свидетели, Ада, тоже ничего не говорят в один голос... Кому-то показалось, что в углу двора мелькнула группа парней... Кто-то якобы видел выпрыгивающую из пустого дома девушку... Женщина, по виду бомжиха, шла в отдалении с пустыми бутылками... Еще кому-то померещилась женщина в окне, держащая в руках необычный цветок...

— Зеленый? — почему-то спросила Ада.

— Зеленых цветов не бывает! — отрезала тетя. — У Рубцова даже строчка есть такая в стихотворении — «Как не найти зеленые цветы»... Вот шарф у этого пижона, которого убили, действительно был зеленый...

Ха! Пальто длинное, до пят. Черное. А шарф вечно висел на плече. Не обмотан был вокруг шеи, а просто висел на одном плече, как сломанное коромысло... Его и на плакатах так изображали — был кандидатом в депутаты областной Думы...

— Не спорьте! В свидетельских показаниях сказано — желто-коричневый. И большой. Скорее всего, искусственный, похожий на подсолнух.

— А в какой руке она держала этот цветок? — не отставала Ада.

— Девушка, вы делаете успехи! — воскликнула Валентина. — Я тоже это уточнила. В правой. Так что даже если свидетелю не померещилась эта женщина в пустом доме, ее можно вычеркнуть из списка потенциальных преступников.

— А что, вы думаете, что женщина не может быть киллером? — вдруг спросила тетя.

— Может, к сожалению... Но если в правой руке она держала цветок, то чем же нажимала на курок? Пуля пущена верной рукой... Человек убит одним выстрелом... С большого расстояния... Причем сделано это, так сказать, навскидку, без разных там оптических прицелов, других приспособлений. Знаете, если бы речь шла не об убийстве, я бы сказала, что человек действовал гениально. Талантливо. Но здесь эти выражения неприменимы... И потом — женщина-убийца, по логике, а логику я чрезвычайно уважаю, обязана была выйти во двор, убежать... Либо в доме спрятаться, но это худший вариант — она ведь должна была предполагать, что кругом все обыщут... Так оно и получилось...

— И что? Никаких следов?

— Почему? Следов там много. Слишком много. В доме собираются подростки. Ночуют бомжи. Но женщины той не нашли. Призрак...

— Другой выход, который вы не заметили? — предположила тетя.

— Исключено. Среди оперативников был человек, который много лет жил именно в этом доме. Там нет другого выхода. Окна на первом этаже заколочены так, что без инструмента не отдерешь...

— Ха! Наши умельцы все могут! И отодрать, и тут же на место все намертво поставить, — съязвила Ада.

— Выходит, эта баба со второго этажа сиганула! На клумбу, предположим.

— Проверили, Людмила Андреевна! Нет следов.

— Что ж, тогда действительно призрак. А о призраках думать и говорить вредно... Так что давайте есть торт. Ада, порежь его до конца, у тебя это лучше получится. И вообще — не надо об этих ужасах! Только застолье портим...

Ада стала резать торт, а разговор между тем продолжался.

— Валентина Васильевна, вчера ведь нам тетин день рождения испортили! Происшествие случилось. Прямо у нас за стеной, в соседней квартире...

И Ада коротко рассказала гостье обо всем, что произошло, не упомянув, естественно, каким способом она проникла в соседнюю квартиру, и что ей сказал покойник. Ну, прямо как у Хмелевской... Валентину чрезвычайно заинтересовал этот рассказ, и она сразу же спросила, нельзя ли туда проникнуть. Ада с надеждой посмотрела на тетю, но та поджала губы и ответила, что без разрешения милиции там делать нечего.

— Ну, тетечка Людочка, дорогая... Вы же, я поняла, были дружны с бывшей хозяйкой, с этой Наташей... И она наверняка не раз оставляла у вас ключи... Неужели, когда уезжала-то, не оставила?

Тетя, наконец, сдалась. Ключи ей действительно были оставлены, только новые хозяева, скорее всего, поменяли замки... Впрочем, это легко проверить... Она ушла в самую маленькую комнатку, по соседству с той, в которой обосновалась Ада, и довольно долго что-то там переставляла, передвигала, а потом появилась на пороге со связкой ключей.

— Вот! Еле нашла. Но... Валентина, мне кажется, что вы сейчас нарушите закон...

— Конечно, — спокойно ответила та. — Но у нас в стране такие противоречивые законы, что их невозможно не нарушить. Тогда вообще надо не дышать...

— Считаю, что к данным обстоятельствам это не относится, — продолжала возражать тетя. — Поэтому я — пас...

— А вы, Ада, согласны со мной в разведку? Мы тихонько и быстро...

— Согласна! — не раздумывая, ответила Ада.

Валентина и Ада вышли на лестничную площадку и, убедившись, что там никого нет, быстро отперли дверь и скрылись в криминальной квартире, не забыв защелкнуть за собой замок. В прихожей было грязно, натоптано. Как, впрочем, и в комнате, наполненной сырым и холодным воздухом. Но вот странность — несмотря на разбитое стекло, комната сохранила тревогу, боль и страх, которые испытал здесь мужчина.

— Надо же, и окно разбито, а тревога отсюда не улетучилась... Она, наверное, впиталась во все эти предметы... И ее теперь ничем не вытравишь... — задумчиво заметила Валентина.

— Я о том же думаю, Валентина Васильевна! Удивительно...

— Вот почему я люблю бывать на месте преступления...

— Вы сказали — люблю... Мне кажется...

— Люблю! Я же сыщик и привыкла обо всем говорить прямо, без лишних тонкостей... Тонкости нужны в расследовании, в поисках улик... Так вот, именно люблю, потому что на месте преступления говорят даже стены...

Как, например, сейчас. Вот здесь этот человек сидел со связанными руками... Ноги не были связаны — видите, следы... В квартире давно не убирали. Но если человек один и у него связаны только руки, он вполне может добраться до окна и закричать... Или до двери — с той же целью... До кухни, чтобы найти там нож либо что-то другое и перерезать веревки... Но преступник, видимо, был уверен, что его жертва не сможет этого сделать... Человек был слишком слаб... Они его действительно убивали... Вот — следы крови, видите? И на обоях... Знаете, Ада, я вижу, как все было... Не буду передавать вам эти кровавые подробности... Но двух вещей я никак не пойму... Для меня это — загадка... Психологическая...

— Каких двух вещей, Валентина Васильевна? — с интересом спросила Ада.

— Почему это случилось в обычном жилом доме? Правда, в пустой квартире, но ведь рядом живут люди! А преступники этого не опасались... И второе — почему он не кричал? Его били, пытали, над ним издевались, а он — не кричал! Что вы об этом думаете, Ада?

— У него просто не было сил...

— Это когда вы услышали, что за стеной кто-то стонет... Тогда у пострадавшего уже действительно не было сил... Но почему он не кричал раньше, когда издевательства над ним только начались?

— Возможно, не успел... Или рот был залеплен... Или кляп... Или же он сразу вырубился... От первого удара...

— А вы, Ада, можете быть столь же прозорливой, что и ваша тетя. Молодец! Только что-то здесь не то... Он мог крикнуть и до первого удара... Скорее всего, он не предполагал, что с ним начнут расправляться подобным образом. Пришел, скажем, на деловую встречу... Знаете, мне все больше хочется познакомиться с записями оперативников... Может, они уже и личность пострадавшего установили... — Валентина, обследовав всю комнату, остановилась возле кучи разбитого стекла. — О, а вот и третий вопрос, на который я не знаю ответа! Стекло выдавили снаружи, с балкона... Следовательно, это сделали не преступники — они-то входили через дверь! А давайте-ка, Ада, пройдем на балкон, а? Ну-ка, помогите мне, чтобы нам в этом стекле не увязнуть...

Ада ступила на картонку, которой орудовала накануне, отперла балкон, а затем протянула руку Валентине, помогая ей сделать те же несколько шагов. Валентина внимательно посмотрела на штыри в стене, по которым вполне можно было бы добраться до комнаты Ады, если бы кто-то открыл там окно. Следовательно, можно совершить бросок и в другую сторону. Ада словно прочла ее мысли и смутилась, не зная, признаваться в содеянном или не стоит. Но Валентина молчала. Они вернулись в комнату и уже собрались уходить, как вдруг она неожиданно спросила:

— Он успел вам что-либо сказать?

Ада удивилась этому вопросу, но все же ответила:

— Нет... Он уже не мог говорить... Только свистел... Свист шел из легких... Вот так: «Си-ти...» или «си-пи»... То ли спасите, то ли спасибо...

Конечно, она была уверена — ей надо назвать номер телефона этого Арнольда и заявить, что Коля просил туда позвонить и обратиться вроде бы за помощью, хотя под конец сказал, что Арнольд перестарался, и можно было понять, что именно этот человек натравил на него убийц. Но она не знала, как отзовется это откровение на ее судьбе и не сделает ли данный Арнольд из нее яйцо всмятку. А ведь надо, прежде всего, думать о наследстве Коли, ей необходимы спокойные дни, чтобы совершить задуманное и сделать счастливыми многих людей, в том числе и родную тетку. А потом можно и выложить Валентине этот несчастный телефон, намертво застрявший в ее памяти!

Они вернулись к тетке, которая как раз заваривала свежий чай, заставив их отрешиться от всех этих криминальных забот и просто посидеть за столом как все нормальные люди. Ада взглянула на часы — боже, ей давно пора быть в мэрии! — извинилась и стала собираться, объяснив свое бегство поисками работы.

Охранник в мэрии сделал неожиданный финт — он взял и пропустил Аду без всяких звонков и пропусков. Она просто опешила от такого доверия и, решив не тратить время на тары-бары в отношении курьера, быстро и уверенно пошла по коридору, надеясь определить, где может быть кладовка Крысы. Часто такие помещения бывают под лестницей, но в этом здании там не было никаких дверей, она это заметила, разговаривая с охранником. Однако, дойдя до конца коридора и повернув направо, увидела еще одну лестницу. И вот под ней-то сверкала дверь без всяких надписей и обозначений, обитая жостью. Ада подошла к ней и потянула какую-то микроскопическую ручку — это сооружение явно было рассчитано на то, чтобы открываться только изнутри. Дверь не шелохнулась. И вдруг прямо за своей спиной она услышала женский голос:

— Девушка! Эта дверь заперта!

Ада обернулась — перед лестницей стояла та самая женщина, что предложила ей работу курьера.

— Интересно, что это вы здесь ищете? — несколько язвительно спросила она. — То, что находится в этом помещении, не имеет отношения к работе курьера...

— Я... я вернулась, потому что решила попроситься в уборщицы... И не знаю, к кому обратиться... Курьер — это как-то больше подходит для девочек... А мне уже двадцать шесть, и лучше спокойно полы мести да мыть,

чтобы тебя никто не видел. И учиться потихоньку... Тут у меня и время на учебу будет... Лишь бы взяли...

— Хм... Ваши рассуждения не лишены логики. Только надо было спросить на вахте, к кому вам обратиться. К сожалению, сейчас нет человека, командующего хозяйственным парадом. Но взять вас временно мы, пожалуй, сможем. Прямо сейчас.

— Это замечательно!

— Что там у вас с пропиской-то, я не помню?

— Я пропишусь у тети! Мы сегодня же пойдем и сдадим все необходимые документы!

— Вот и прекрасно! Возьмите там для нас справку, что вы прописываетесь, и часам к пяти подходите ко мне. Кабинет мой помните?

— Да. Двести третий.

— Вот и прекрасно! Нина Ивановна Пудовкина. Жду. А эта дверь, куда вы рвались, — кладовка. Рабочую одежду не забудьте прихватить!

— Не забуду!

Ада вышла из мэрии с чувством исполненного долга. Она была довольна, что все получилось так быстро и удачно. Сейчас — домой, и вместе с теткой — к паспортистке! А в пять часов — вновь сюда, махать метлой и производить разведку, так сказать, прямо на местности. И если день у нее на этой работе будет разбит на три составные части, то есть потрудилась с утра, а потом нужно будет убираться только вечером, то днем она сможет беспрепятственно посещать консультации у юриста в агентстве недвижимости. А еще... Этот соскочивший с языка экспромт насчет учебы ей самой очень понравился. Она будет работать и учиться, учиться и работать! Нужна профессия, интересное дело, друзья. Нужна, в конце концов, семья, не вечно же ей петлять по стране как зайцу, следует, наконец, и остановиться... Ада подумала об Андрее, и сердце ее сжалось... Интересно, где он, что с ним, и суждено ли им еще когда-нибудь увидеться...

Тетка, очевидно, только что проводила гостью и теперь занималась уборкой. Ада рассказала ей о своем походе в мэрию и о том, что, скорее всего, сможет работать и уборщицей, и квартирным агентом, только для этого необходима прописка. При упоминании об уборщице тетка поморщилась, но Ада убедила ее, что не так уж плохо войти в этот коллектив, со всеми перезнакомиться, чтобы, приобретя диплом и хорошую профессию, получить там достойное место. Тетка тут же бросила все дела, переоделась, и они отправились в домоуправление, находившееся в соседнем дворе.

— Рада за вас, Людмила Андреевна, что вы хоть не одна теперь будете, — пропела паспортистка, просматривая теткыны и Адины документы. — Ой,

а что это у вашей племянницы с пропиской-то? Выписана два года назад... Больше даже... Как это, а?

Тетка с интересом посмотрела на Аду.

— Да я в Москве жила, квартиру снимала, подрабатывала, а прописаться там не могла, хозяйка была против. Вот так и получилось. А из родного города пришлось уехать, потому что безработица...

— Понятно. А в Москве-то чего делали?

— Да все. И торговала, и с детьми нянчилась... И санитаркой работала в госпитале...

— Ясно. Но мне-то что делать, ума не приложу...

— А ты приложи! Пропиши ее, да и все! — предложила тетка.

— Но... такого у нас еще не было...

— Не было, так будет! Давай, дорогая, да побыстрее! Ее уже и на работу берут. И проследи, чтоб штампик-то о прописке был проставлен на другой страничке, вот здесь! — перевернув листик в паспорте Ады, ткнула она пальцем в чистую страницу. — Вот тут, сверху чтоб поставили... Тогда не будет бросаться в глаза, что два года прописки не было. Нельзя будет сразу сопоставить. А если кто и сопоставит, так ведь ничего противозаконного тут нет... Сейчас время такое...

Паспортистка, судя по всему, не очень хотела с этим соглашаться, но Ада с удивлением увидела, что ее тетка умела так просить, что это звучало как приказ, который, словно под влиянием какого-то гипноза, тут же исполнялся. Она подумала о том, что, с одной стороны, это хорошо, а с другой — здесь для нее таится некоторая опасность, ибо кто поручится, что когда-нибудь тетка не воздействует вот так же и на нее, Аду?

Выйдя из домоуправления, они решили немного прогуляться по городу — тетя пообещала, что покажет ей все достопримечательности. Но неожиданно они заговорили о Валентине.

— Знаешь, Ада, эта сыщица похожа на штормовую волну... Когда шторм этак балла четыре... Смотришь на нее издали, восторгаешься, но вовсе не хочешь, чтобы она тебя окатила... Интересно, что ей от нас все-таки надо?

— А вы что, тетя, не верите, что ей с вами просто интересно? Вы — родственные души... Обе — такие пронцательные! И еще, мне кажется, у вас одинаковые психологические формулы... Вы психологию человека анализируете по одним и тем же признакам... Становитесь как бы на его место. Надеваете его шкуру.

— Мы что, оборотни какие-нибудь?

— Оборотни сами превращались из человека в зверя и наоборот. А вы, говоря языком артистов, вживаетесь в чужой образ. На какое-то время. Чтобы этот образ понять...

— А ты неглупа, детка, и это хорошо. О чем она тебя спрашивала, а? Там, в пустой квартире?

— Да обо всем. Что я видела, заметила. Особенно интересовалась, не говорил ли что-нибудь умирающий.

— Ну а ты что?

— А я — ничего. Там нечего было замечать. И умирающий только сто-нал. Да, забыла сказать — эту Валентину поразили две вещи: почему му-жик не кричал, когда его недвусмысленно отправляли на тот свет, и как понять, что преступление произошло в обычном жилом доме, где полно соседей? Собственно, одно связано с другим. Но я бы этому не поража-лась.

— Почему?

— Потому что людям сейчас все по фигу. За стеной убивают — и хрен с ним! А не кричал... Тут много может быть причин. Ударили и сразу вы-рубил. Я это и ей сказала. Но она все равно сомневалась и твердила — что-то, мол, тут не так...

— А про убийство бизнесмена она интересно рассуждала, мне понра-вилось. И если она действительно останется в нашем городе, я с удоволь-ствием с ней поработаю...

— Тетя! А если она так и не докопается, кто убил этого вашего бога-тенького дяденьку, — вы в ней не разочаруетесь?

— Ни за что! Это убийство, насколько я о нем знаю, сверхзагадочное... А Вячеслав этот, так его, кажется, звали...

Ада попыталась увести разговор в другую сторону, и ей это удалось. Тетка сообщила, что подготовила запросы в архивы Вильнюса и Варшавы и постарается сегодня же их послать — тогда они, возможно, лучше узнают свою родословную, в которой белых пятен гораздо больше, чем достовер-ных фактов. Вместе они решили, как быть с Адиной матерью — сообщить ей о местонахождении дочери или же пока не стоит, потому что вчера ей так и не позвонили. Ада призналась, что ей бы хотелось уведомить мать — жива, мол, здорова, но не говорить, что она поселилась у тети. Просто по-гостит и поедет дальше.

— Ты ничего там, Аденька, не натворила, в этой своей Москве-то, а? — прямо спросила у нее тетя.

— Вы второй раз меня об этом спрашиваете. Я что, произвожу впечат-ление преступницы?

— Нет. Я спрашиваю по другой причине. Мне не дает покоя один факт в нашей родословной. Только один. Он мучает меня уже много лет... Я не хотела говорить тебе... Но ты смотришь на меня так подозрительно...

— Скажите... Скажите мне все!

— Хорошо. Слушай. В нашем роду, Ада, был... убийца. Не воин, а настоящий убийца.

— Кто?!

— Я не знаю. Его имя никогда не произносилось.

— А... это был мужчина или... женщина?

— Я была уверена, что ты об этом спросишь! Кого ты убила из своего самодельного пистолета? Говори!

— Маньяка. Он набросился на меня в лесу...

— Маньяка... Слава богу! Маньяка... Никто не знает?

— Вы знаете...

— Я — не в счет, доченька. Все. Забудем об этом. А убийцей в роду нашем была женщина. И бабушка говорила — кто-то из предков предсказывал, что это преступление вросло в наш род, стало его неотъемлемой частью и непременно повторится... И будет повторяться до тех пор, пока жив его последний представитель... Вот почему я так скупой тебе рассказываю о нас. И вот почему твоя мать так обделила тебя информацией о предках — перестраховалась. Она, видимо, решила, что лучше тебе вообще ничего не знать, и тогда ты избежишь этой участи. Не избежала...

— А почему вы мне об этом сказали именно сейчас?

— Увидела пистолет. Захотела узнать правду. А для этого и самой надо быть откровенной. Поэтому решила, что от тебя никогда и ничего не стоит скрывать...

— Да. Не стоит.

— Но ведь и от меня — тоже! Запомни это на будущее, доченька!

Аде показалось, что в этой фразе прозвучала угроза... Но она поднялась на цыпочки и поцеловала тетку в обе щеки...

Через минуту они вышли на центральную площадь города. Часы показывали без десяти минут пять и Ада, поняв, что переодеться уже не успеет, отправилась в мэрию так, как есть. Тетка проводила ее до порога.

Глава 4

Валентина

Положив горячий кипятильник на жестяное гостиничное блюдо, больше напоминавшее поднос и служившее верной опорой графину с водой и двум стаканам, Валентина заварила себе крепкий чай и призадумалась. А подумать ей было о чем, поскольку оказалась она в этом сибирском городе

вовсе не случайно и далеко не по личным мотивам. Просто местный угрозыск уже несколько недель мучился над неразрешимой загадкой — кто у них под носом, в том же квартале, где находилось местное «убойное» управление, отправил на тот свет молодого, известного на всю страну бизнесмена? Казалось бы — кто отправил, тот и отправил, сейчас по всей России полно таких «висяков». Ан нет, этим происшествием заинтересовалась Москва, и, похоже, им, во что бы то ни стало, надо выйти на заказчиков убийства, так как преступление продолжает цепочку неких корпоративных разборок, имеющих целью привести к власти в определенной сфере определенную группу лиц. Конкурентов либо соперников попросту убивали. Навсегда. Данный же соперник был неглуп, образован, в совершенстве знал свое дело и имел все шансы не только быть одним из руководителей областной Думы, но и баллотироваться в Госдуму или же со временем занять видное место в правительстве страны. И потому давний друг Валентины, начальник угрозыска в ее родном городе Владимир Иванович Комов, порекомендовал своему сибирскому коллеге, однокурснику по академии, Платону Петровичу Зиновьеву воспользоваться помощью частного детектива Орловой, назвав ее провидицей и сыщиком от Бога. Зиновьев внял совету — тем более что помнил Валентину по одному из давних дел, в которых она, вот так же бросившись на помощь, проявила завидную проницательность и умение действовать в соответствии с психологией преступления и самого преступника.

Итак, погибший Вячеслав.

Слава Вологодский, который с помощью иностранного капитала сумел развернуть в городе сеть предприятий по выпуску стройматериалов, новой пищевой продукции и других, участвовал в открытии на Севере новой алмазной трубки, был также причастен к газовым и иным месторождениям и отражал это в своем бизнесе. Трудно было понять, как его на все хватало. Но Валентина, переговорившая с десятками его работников, знала, что Слава спал по четыре-пять часов в сутки, а все остальное время работал, требуя того же от других. Его подчиненные роптали, жена давно от него ушла, бескорыстные друзья отошли в сторонку, дабы ему не мешать, а корыстные лжедрузья, напротив, старались приблизиться к нему вплотную, да только он слишком близко-то к себе никого не подпускал. И вдруг — смерть. И — никаких следов киллера. Ни брошенного пистолета, ни машины, увозящей преступника. Казалось, отсутствовал и сам преступник. Группу молодых людей, если таковая была, можно исключить из списка подозреваемых — выстрел был произведен совершенно с другой стороны. Из того старого дома, о котором они говорили с Людмилой Андреевной и ее племянницей, этой Адой.

Мысли Валентины побежали за этой девушкой — неустроенной, какой-то взъерошенной, вечно чего-то боящейся. Ада... Только что приехала в этот город — как и она, Валентина. Жаль, что она так быстро ушла из их общего номера, переселилась к тете. Валентина не любила загадок, на которые не знала ответов. Вот и с этой Адой... Когда девушка собирала свои вещи, а ее тетя что-то вещала о своих психологических способностях, Валентина полезла через журнальный столик за буклетом этой гостиницы и, как бы невзначай, немного отодвинула сумочку Ады. Она была очень тяжелой! Интересно, что у нее там лежало? Тетка ее тоже интересовала, они с ней схожи как сестры. В психологическом плане. Ей бы пригодилась здесь такая помощница. Странно, но Валентина уверена — и у тетки, и у племянницы есть свои тайны. И не маленькие. У обеих в глубине души сидит страх, только они этого не показывают. Она обязательно разберется с этой родственной парочкой, а пока следует отодвинуть их в сторону и думать об убийстве. Думать, думать! Валентина вытащила из портфеля чистые листы бумаги и стала чертить схему преступления — дом бизнесмена, в котором раньше проживали четыре семьи, а потом — он с охраной, двор, заборчик возле соседнего дома с самодельными огородиками, пустой двухэтажный деревянный «старик» с забитыми на первом этаже окнами... А на втором окна не забиты, они просто без стекол и зияют, как пустые глазницы... Страшно... И странно... Все указывало на то, что стреляли из этого самого дома, и охрана тут же бросилась именно туда, но ничего и никого в этом доме не обнаружила. Лишь в комнате, из которой предположительно был произведен выстрел, на продавленном дощатом полу валялся искусственный цветок из желтой и коричневой ткани, похожий на подсолнух. Специально ли он был там оставлен, а если специально, то к чему, зачем, понять никто не мог.

Еще раз перебрав копии всех документов, собранных следствием, — ими ее снабдил Платон, — Валентина стала изображать на схеме всех участников трагедии. Первым разместился Вологодский — в кружочке с глазком. Рядом — охранники, каждый из них тоже удостоился кружочка, только поменьше. Группу молодых людей, которые то ли были, то ли не были в углу двора, Валентина обозначила галочками — на всякий случай. Была еще не найденная молодая дама, прошедшая мимо Вологодского перед самым выстрелом — на рисунке она удостоилась палочки с кружочком вверху и треугольником-юбкой внизу. Другой человек в юбке-треугольнике и еще с одним маленьким треугольничком в руке бодренько тусовался где-то на окраине двора — один из свидетелей ведь упоминал про бомжиху с пустыми бутылками в большом пакете. Ага, вот эта запись... да... Женщина вышла из-за пустого дома и, не обращая никакого внимания на

происшествие, выискивала пустые бутылки... Хм... А что, рядом есть магазин или ларек, где продают пиво? Надо проверить. Если нет, откуда там могут быть пустые бутылки? Это — старая часть города, дома здесь в основном двухэтажные, малонаселенные. Словом, вроде бы центр, а место какое-то глухое, так часто бывает в старых городах, где здания прошлого и позапрошлого веков, некогда украшавшие центральные площади, приходят в полную негодность, и если нет денег на их реставрацию, то представляют из себя самое унылое и криминальное место. Вот и эта женщина... Чего ей там было делать? А, кстати, не указано, молодая она или старая... Дело в том, что... Да, Валентина уверена — пустой дом, из которого стреляли, высок, второй этаж — далеко от земли, но при определенных обстоятельствах выпрыгнуть оттуда все же можно. Можно! Если речь идет о жизни и смерти, почему бы не рискнуть? Конечно, такой прыжок под силу женщине молодой, спортивной, в специальной обуви — ну, не на каблуках же выпрыгивать на асфальт? Так во что все же была обута-одета тетка с бутылками? Об этом — ни слова. Жаль. Валентине вдруг показалось, что она напрасно изображает на рисунке всех этих людей, находившихся в момент убийства недалеко от убитого. Дело здесь — не в их местонахождении. Рядом могло находиться не двадцать, а двести человек, и все произошло бы точно так же. Ни улики, ни внятных свидетельских показаний, ни каких-то определенных догадок, предположений... И оружие, из которого стреляли, судя по гильзе, нестандартное... Зачем это надо было убийце?

Она понимала, что находится в тупике, и решила поговорить с местными психологами в погонах, наметить план совместных действий, о чем и сообщила Платону. Он одобрил ее решение и сказал, что соберет психологов у себя сегодня же вечером. А поскольку до вечера было еще довольно далеко, то Валентина попросила пока принести ей материалы уголовного дела относительно преступления, совершенного в пустой квартире, за стеной Людмилы Андреевны Анциферовой и ее племянницы. Собственно, она знала обо всем, что сказано в этих материалах, и даже больше, потому что заметила следы... Вернее, один след маленькой женской туфельки — точно такой же, как у Ады, и шел он от балконной двери в сторону потерпевшего... Следовательно, эта Ада, никому ничего не говоря, из окна своей комнаты пробралась на балкон, выдавила стекло и благополучно добралась до умирающего. Зачем она подвергала себя опасности, пробираясь на соседний балкон, а потом скрыла свой поступок?..

Платон пришел быстро, поцеловал ей руку, не решившись на большее, вытащил из своего старого, но добротного портфеля небольшую папку и положил ее на стол перед Валентиной, объявив, что они оборудовали для нее специальный кабинет, и с завтрашнего утра она сможет там обо-

сноваться. Удобно — все сотрудники рядом, материалы под рукой, в любой момент можно обсудить любую идею и версию.

— Ага. Если бы еще и преступник был под рукой... Как на ладони...

— Ничего. Сегодня вот приготовите свои психологические удочки, и, глядишь... В пять часов жду у себя. И кабинет, кстати, посмотришь...

— От твоего — далеко?

— Рядом...

Когда Платон ушел, Валентина пробежала глазами содержимое папки. Милиционеры, как она и думала, не заметили там следа на разбитом стекле, который поставил ее в тупик! И она решительно набрала номер телефона Людмилы Андреевны. Цель была одна — выяснить, где работает Ада, чтобы встретиться с ней не на глазах у тетки. Зачем? Черт возьми, да затем, что она, Валентина, не умеет проходить мимо таких криминальных загадок, ей обязательно надо найти решение. Конечно, можно было спросить Аду про этот след сразу же, в той «нехорошей» квартире. Но нервы у девушки тогда были слишком взвинчены, чтобы сообразить, можно ли говорить правду. Зато теперь ей ничего не мешает это сделать, если только она сама не была причастна к убийству того мужчины. А Валентина уверена, что не была, и ей очень нужен честный ответ.

Трубку сняла Людмила Андреевна, и Валентина сразу начала:

— Звоню, чтобы просто узнать, как ваше здоровье, настроение, и сообщить, что в нашем расследовании тупик стал еще более тупым, и я так нуждаюсь в ваших догадках, предположениях... Вы рады? Спасибо за приглашение, я непременно воспользуюсь вашим гостеприимством и готовностью помочь. Может быть, завтра и нагряну. Предварительно позвоню. Идет? Вот и ладно. Как ваша племянница? Работает? Вы чем-то недовольны? Может быть, я смогу ей помочь? Ах, нет высшего образования... Устроилась уборщицей в мэрию... Но ведь это же не навсегда... Еще и в агентстве недвижимости? Ну а настроение-то у нее хоть ничего? А то она, честно говоря, показалась мне какой-то заброшенной... Да? Такая и есть? Чувствовала себя никому не нужной... Уехала из дома, а матери — хоть бы что? Да, сложно... Но если матери действительно было на нее плевать, то, может, она и права, что не хочет ей звонить? Но я уверена — вы сумеете все это решить наилучшим образом. До свидания, Людмила Андреевна! До встречи!

Валентина взглянула на часы — время обеденного перерыва. Судя по теткинскому раскладу, Ада сейчас должна находиться в агентстве недвижимости, а это совсем недалеко от отеля. Собственно, она может поговорить с ней вечером в мэрии, после их психологического совещания, но Валентина не привыкла ничего откладывать даже на час, а потому, приведя себя в полный боевой порядок, отправилась в агентство.

Ада и Валентина сидели в небольшой комнате с длинным столом, где агенты обычно принимали посетителей. Сейчас таковых не было, и им никто не мешал. Валентина посетовала на трудности в расследовании, спросила девушку, как ей живется, и почему она стала работать уборщицей — можно было подыскать место, более соответствующее девушке, стремящейся выйти в люди.

— Но ведь я устроилась не в контору какую-нибудь безвестную, а в мэрию! — воскликнула Ада. — Как вы не понимаете? Буду учиться и одновременно присматривать там себе достойное место. Я же, как-никак, стану в этом главном городском учреждении своим человеком... А чтоб мозги пока не засохли — здесь вот, в агентстве, учусь уму-разуму... Но вы ведь, я думаю, не за тем пришли, чтобы отговаривать меня от должности уборщицы...

— Не за тем... Тут вот какое дело... Меня попросили помочь разобраться с тем, что произошло у вас за стеной — в тот день, когда вы приехали к тете...

— А что там неясного? — спокойно спросила Ада.

— Станный вопрос... Неясно главное — кто это сделал... Кто довел человека до смерти... Имя пострадавшего неизвестно... Палач не наказан, палач свободен, и если ему придет в голову казнить кого-то еще, он это спокойно и сделает...

Валентина видела, что Ада ищет выход, чтобы прекратить этот разговор хотя бы на время или же направить его в совершенно другое русло, поэтому спросила у девушки:

— Скажите, Ада, о чем вы сейчас думаете?

— О происшествии в соседней квартире...

— Пострадавший успел вам что-то сказать, так?

— Так. Я открыла шкаф и услышала, как он стонет.. Я спросила — что, мол, случилось? Он назвал мне номер телефона и сказал, чтобы я позвонила туда и сообщила, что Коля еще жив... и назвала бы адрес...

— Вы позвонили?

— Да. Мужчина спросил... Извините, я так волновалась и так старалась запомнить номер, что не могу сказать точно, что именно он спросил. Кажется — откуда мне все это известно или что-то в этом роде... Голос был агрессивный, и я положила трубку. Пошла снова к шкафу, но там никто не отвечал...

— Я не спрашиваю, почему вы не рассказали об этом тете...

— А я могу сказать — привыкла с разными стрессовыми обстоятельствами справляться сама и по возможности стараюсь не волновать других людей. Особенно пожилых.

- Хорошо, хорошо. Главное — номер помните?
- Конечно. — И Ада назвала ей цифры.
- А кому вы звонили? Этот умирающий Коля сообщил вам его имя?
- Да. Арнольд. Но потом этот Коля сказал, что Арнольд перестарался... Что они его убивали... Я так и не поняла, почему же он его о помощи хотел просить... Вот это я в себе и носила. Мой тяжкий груз...
- А сразу-то почему не сказали?
- Боялась. Этому Арнольду меня вычислить — раз плюнуть. Я ведь не из автомата ему звонила, а от тетки. А у него наверняка есть определитель номера. И я подумала: пока молчу — жива, а открою рот — неизвестно, что будет. Только вы сами уже обо всем догадались, так что молчать больше нет смысла...

Глава 5

Психология преступления и... страха

Передав Платону номер телефона неизвестного пока Арнольда и все сведения, полученные от Ады, и попросив оповещать ее о новых фактах, Валентина стала настраиваться на психологически тонкий разговор, который должен был привести к неординарному решению. Один известный физик и писатель в одной из своих книг проанализировал систему компьютерного гипноза. Возможно, он ее сам и придумал, однако авторство в своих произведениях отдал вымышленному лицу. Ученый разработал план сеанса самовнушения, который лег в основу специальной компьютерной программы. В ней, вместе с анализом возможных действий в критических ситуациях, посредством компьютера самому себе внушается формула выбора самых верных решений или же одного, единственно правильного. И, что очень существенно, — внушается уверенность в том, что ты все сделаешь как надо. А еще описывается, как внушением по компьютерным сетям, то есть бесконтактным способом, группа людей пытается добраться до афериста, похитившего у своих подельников миллионы долларов. Закодированный, со специальной «начинкой» для предателя текст запускается в Интернет, и... предатель ловко обходит наживку, догадавшись о ее природе, но на указанный в закодированном сообщении реальный банковский счет поступают неправомерно приобретенные деньги от самых разных мошенников со всех континентов! А ведь нечто подобное

можно придумать и в отношении заказчиков, исполнителей преступления и киллера, отправившего Вологодского на тот свет. Тут, правда, вряд ли можно использовать высокие компьютерные технологии, но можно ту же самую идею провести через СМИ. Зашифровать команду, скажем, в сканворде, либо в рекламе, прерывающей фильм, который смотрит подавляющее большинство зрителей...

Все это Валентина изложила четверем женщинам-психологам, работавшим в управлении, и Платону, который решил принять участие в новом эксперименте. Две женщины явно не поняли, о чем речь, зато две другие дамы проявили к рассказу Валентины живейший интерес, а одна из них, Лидия Руфовна, заинтересовавшаяся опытом, предложила тут же связаться с тем физиком и писателем, чтобы проконсультироваться у него.

Через некоторое время, отпустив тех, кому эксперимент был неинтересен, Валентина и Лидия Руфовна набрасывали текст сообщения, которое они предполагали внедрить в рекламу. При отсутствии такого рода опыта шли чисто интуитивно, пытаясь поставить себя, скажем, на место киллера. Вот как выглядел у них «тайный» текст, вставленный в анонс нового детектива, который должен идти на следующей неделе: «В понедельник любители острых ощущений смогут увидеть новый западный боевик «Убийство по расписанию» и узнать, кто убил героев этой западной ленты, обошедшей кинотеатры мира. Славу этому фильму принес прежде всего сценарий знаменитого фантаста, который убил сразу двух зайцев, выпустив и книгу с тем же сюжетом, славу о которой разнес все тот же фильм. Кто этого не знает, тот узнает, а еще — за что и зрителям, и читателям так нравится сюжет. О своих оценках фильма сообщите немедленно по телефону 02 — шутка, господа! — это номер милиции, как мы все помним еще с детства. Так что сообщите, кто уже посмотрел фильм или прочел книгу, за что вам понравилось это криминальное действие...»

В тот же вечер Платону удалось договориться о размещении этого текста с руководством радио и телевидения.

До выхода анонса оставалось еще больше часа, и Платон пригласил Валентину к себе в кабинет, где уже был приготовлен ароматный кофе — судя по запаху, бразильский. Рабочий день давно кончился, но создавалось такое впечатление, что опера работали день и ночь — как и у Комова, отметила про себя Валентина. Поступающие сообщения тут же передавались заинтересованным работникам. Вот почему они с Платоном быстро узнали, что Арнольд Ефимович Генин является благополучным инженером-конструктором на заводе дорожных машин, живет один, в криминальных связях не замечен, в настоящее время командирован в столицу, что-то согласует в отраслевом министерстве. Вернуться должен через три дня.

Далее следовали все параметры этого Арнольда — когда и где родился и крестился, в каком доме, на каком этаже проживает и так далее, и тому подобное. И, что существенно, — кто живет рядом с ним. Валентина узнала, что «объекту» сорок два года, занимается спортом — всеми видами борьбы, соседями характеризуется положительно — не пьет, плохих компаний не водит, хлопот никому не причиняет. Дружит с руководителем хора местного ДК Галиной Брагиной из соседней квартиры, которая в него якобы слегка влюблена.

— Платон, а не он ли давал в ваши газеты объявления типа «Помогу вернуть долги»? Посмотри подшивки — какой там указан номер телефона?

— Вообще-то в прошлом году мы занимались этим вопросом. Оказалось, юрист-частник помогал вернуть деньги — обращался к совести человека, к логике, а если не помогало — готовил документы для суда. Скорее всего, он и есть. Но проверим...

Подшивки местных газет были аккуратно сложены в приемной, и Платон быстро нашел то, что искал.

— Хм... Надо же... было сразу по два объявления... Вот это — юрист, я его номер помню. А это... Сейчас проверим. И ты тоже послушай. Вон тот аппарат — параллельный.

Он быстро набрал номер и, когда на том конце провода подняли трубку, сообщил, что ему должны три тысячи долларов, что он отчаялся получить эти деньги и потому решил обратиться за помощью. В трубке послышалось старческое кхеканье, затем дребезжащий голос предупредил, что плата — пятьдесят процентов, на что Платон тут же и согласился, заявив, что это лучше, чем ничего. Затем старик потребовал от него назвать номер своего телефона и сказал, что перезвонит. Платон назвал.

— Не поймет он, откуда был звонок?

— Не поймет. Это мой прямой номер. Его нет в справочниках.

Звонок раздался быстро — буквально через минуту. Старик уведомил, что окончательный ответ Платону могут дать лишь через три дня. При встрече.

— Но почему не завтра?

— Потому что сейчас нет человека, с которым вы должны встретиться, — продребезжал старик и положил трубку.

— Это, скорее всего, связной, — задумчиво проговорил Платон. — И как раз через три дня приезжает этот Арнольд... Кстати, надо узнать, где проживает старичок. Не сосед ли Арнольда...

Оказалось — не сосед, ибо старичок жил на другом конце города. Впрочем, они «отложили» его тоже на три дня, поскольку на экране телевизора уже появились герои детективного сериала, который смотрел весь

город, и скоро должна была прозвучать их реклама, нафаршированная, словно утка, гипнотизирующим текстом. Замелькали кадры, затем пошли титры, фотографии актеров, вновь кадры из нового фильма... И на этом фоне стрельбы, мордобоя, погонь и крови ключевые, закодированные, слова произносились каким-то будничным, далеко не интригующим тоном. Тем не менее, даже Валентина почувствовала, что прозвучал приказ, и кого-то он наверняка пронзил. Она спросила, нельзя ли переключить на них службу 02, и Платон тотчас же дал такое указание своим связистам, хоть и признался, что не очень верит в удачу. Кстати, им сообщили, что примерно в то же самое время, на минуту-другую раньше, этот текст передали по радио. И рыбка клюнула! Какой-то мужчина позвонил по 02 и хрипло, но довольно быстро произнес:

— Хочу сообщить о Славе Вологодском... Покаяться... Знал — и молчал... Он шел на выборы в областную Думу... Он был первым... Явный лидер... Он победил бы с большим отрывом... Но эта ступенька нужна другому... Сейчас все кандидаты идут ровно, но это — видимость... Кое-кто на финише вырвется вперед... Все predetermined... Но соперника убирал не он, а его хозяин... Тот, что в столицах... Кто стрелял — не знаю. Честно. Да разве это важно? Это — пешка.

— Вы утверждаете, что убийство произошло из-за места в областной Думе? — решила уточнить Валентина.

— Не только. Занявший это место должен будет создать местное отделение партии своего хозяина, что весьма важно последнему. А Вологодский на эту их партию плевал. Ну, и законы новый депутат будет проводить исключительно под бизнес хозяина... А там — немалые миллионы...

— Откуда вам это известно?

— Это ясно всякому, кто владеет ситуацией, фактами и умеет их анализировать. Все. Больше я не позвоню. И не назовусь. Теперь меня не будет мучить совесть — все сказал, что знал. Успехов вам! Не пытайтесь меня найти — звоню из автомата. Жить я еще хочу. — И мужчина повесил трубку.

Странно, но звонок был сделан из автомата, который, по утверждению сотрудников телефонной станции, числился у них неработающим, причем они уверяли, что не ошибаются. Что ж — видимо, технарь-умелец наладил там все, что надо, отзвонил, очистил совесть, а потом вновь привел аппарат в нерабочее состояние, чтобы не «засветиться». Очень мило! Но Платон и Валентина понимали — все, что он сказал, было слишком похоже на правду, чтобы в этом сомневаться, и решили поглубже изучить всех рвущихся в областную Думу и тех, кто стоит у них за спиной и отбрасывает на них свою могучую тень...

А между тем служба 02 ожила снова, и торопливый женский голос, захлебываясь, предупредил, что звонит из бани, где довольно шумно, но,

тем не менее, громко говорить она не решается. А далее в трубке прошестелo следующее сообщение:

— Я — о Славе... Каюсь, что смолчала... Случайно тогда мимо проходила... За деревьями была, недалеко от дома, откуда стреляли... Только — с другой стороны, Славу-то я не видела... Зато видела, как баба со второго этажа сиганула... Подумала — все, разобьется! Даже хотела к ней подбежать. Потом гляжу — а она на что-то мягкое упала, вроде как стог сена небольшой... А в руках, знаете, в брезентовом чехле — пистолет — не пистолет, ружье — не ружье, а что-то среднее... Я не знаю, что такое обрез, но, может, это он и был... Дуло выглядывало... Я сразу поняла, что преступница. Но в свидетели не пойду. Описываю ее — высокая, фигура красивая. Ловкая, спортивная. Лица не разглядела, но вроде румяная девка-то. Гибкая вся такая...

— Куда она делась, не заметили? — спросил Платон.

— А и не знаю... Она быстро так все сложила в котомочку какую-то, и ружье свое туда, видать, спрятала, и... не знаю, куда пошла. Я ведь испугалась, да — назад, назад, рвать скорее оттудова... Ну их к лешему, все эти разборки... Все, мне пора! А то я мокрая тут вся...

Можно, можно было засечь и умельца того телефонного, и эту «русалку» в бане, но — зачем? Вряд ли они скажут более того, что уже сказали. Причем добровольно, без явного принуждения. Ну, если не считать их психологического трюка... Но... может, эта женщина что-то путает? Вокруг дома не было ничего похожего на стог сена... Там уж каждый сантиметр изучили...

— Поздравляю тебя, Валя! Голова у тебя золотая. Диссертацию можешь защитить по психологии. Твой опыт...

— Наш.

— Наш опыт удался! И теперь мы будем двигаться вперед семимильными шагами!

— Мозгами... Только мозгами... И ох как много нам еще предстоит...

Глава 6

Влюбленная в... Ильича

Вторую неделю Ада терпеливо мыла, скребла грязь, сметала окурки и конфетные бумажки в учреждении, где, как ей казалось, все только и делали, что курили да распивали чай. Но самое плохое в ее положении было то,

что Крыса все еще болела. Правда, вчера ей сказали, что Крыса выходит, и Ада специально пришла на работу не в семь утра, как обычно, а пораньше. Собственно, утром убирались только те кабинеты, в которых сотрудники накануне засиживались допоздна. А поскольку такое случалось не часто, то и делать по утрам уборщицам было особенно нечего, и они договаривались между собой, чтобы приходиться не всей кучей, втроем, а поодиночке, и трудиться за всех, по-братски. Зато два следующих утра за тебя будут работать другие. Сегодня как раз оказалась Адина смена. Ей нужно было привести в порядок лишь большой кабинет для заседаний, где накануне никак не могли решить вопрос с выделением дачных участков для своих работников. Кстати, Ада тоже подала заявление на участок, подумав, что он им с теткой пригодится, раз теперь у них нет дачи. Она принесла в кабинет все необходимое и начала вытирать стол, как вдруг в открытую дверь заглянул незнакомый мужчина с блестящими, какими-то влажными глазами. Лицо его украшал длинный нос, нечто среднее между Гоголем и Буратино, и темно-русые усы. Лоб, правда, был несколько узковат, но его прикрывали волосы, свисающие большими прядями. На нем была яркая одежда — лиловые в рубчик брюки и бело-красно-синий свитер. Это чудо недолго торчало в дверях — немного согнувшись, мужчина вплыл в дверь и подошел к Аде. Как крыса... Господи, да неужели?... Да, да, теперь она поняла, почему так загадочно улыбались сотрудники, когда она спрашивала о Крысе. В подтверждение ее догадки он тут же представился:

— Я — ваш начальник, Крысанов Леонид Сергеевич. А вы — Ада Станиславовна, да?

— Да... Я... очень рада.

— Я тоже. Теперь и в моем подразделении есть молодая дама...

— Девушка. Я не замужем.

— Приглашаю вас в свои апартаменты. Что вы любите? Чай? Кофе?

— Какао!

— Но... Впрочем, будет. Как закончите — приходите. Дверь под лестницей, обитая жестью. Видели?

— Видела...

— Буду ждать. — И он так же неслышно уплыл.

Отчаянно скребя пол «ленивкой» с намотанной на нее мокрой тряпкой, Ада решала главный для себя вопрос: что делать с футляром для гитары? Может, прямо сказать, что есть гитара, но нет для нее футляра, и попросить подарить? Если он смотрит телевизор, то знает, что Коли уже нет, потому что его изображение с просьбой милиции сказать хоть что-то об этом человеке не раз появлялось на экранах. И тогда может отдать, но, скорее всего, предварительно его вскрыв. А если не знает о судьбе Коли,

то и не отдаст — вещь-то чужая! Нет, лучше молчать и спокойно изучать обстановку. Она пойдет туда в первый, но не в последний же раз! Уж постарается изо всех сил быть там частой гостьей! Но и затягивать дело тоже нельзя. Время работает не на нее. Она уже купила рюкзак и специально ходила с ним на работу — чтобы все привыкли видеть ее с этим вечно набитым зеленым мешком за плечами. Охранник один раз даже проверил, что она там несет, и Ада представила ему рабочую кофточку, брюки, резиновые тапочки, которые она, в общем-то, купила для бассейна, но сейчас ей было не до плавания, а также большое полотенце — для того, чтобы приводить себя в порядок после уборки. А кто усомнится? Конечно, полотенце можно было бы и не таскать, но она не знала, как выглядят сто тысяч, в каких они купюрах — вполне возможно, что для них потребуется еще больший объем, в ее рюкзак они просто не влезут. Хотя, если они влезли в футляр...

Отмахав тряпкой и приведя себя в порядок, Ада отправилась к... Леониду Сергеевичу. Леониду. К Лене, одним словом. Честно говоря, идти ей было трудно — ноги подкашивались, и Пудовкина, шагающая в свой кабинет, так как уже пробило девять часов, даже поинтересовалась, не больна ли Ада. От волнения она перепутала лестницы, пошла с другой стороны через верхний этаж и чуть не скатилась прямо к двери, обитой белой жемчужной тканью. Она постучала — в такт своему гулко стучавшему сердцу. Леонид сразу же распахнул дверь и широким жестом пригласил ее войти. В комнате пахло какао, видимо, он успел сбегать в магазин. А еще здесь давно утвердился запах красок, потому что возле окна, задернутого темной шторой, стояло множество картин, написанных маслом. Кроме того, на каком-то сундуке поблескивал своими клавишами аккордеон, а рядом с сундуком притулился маленький столик типа журнального, накрытый белой бумагой, на нем дымилось какао, в плетеной корзиночке лежало печенье с баранками. Футляра не было. Это оказалось столь неожиданно, что Ада невольно стала оглядывать все углы.

— Мне кажется, вы что-то ищите... Я могу вам помочь...

— Что вы! Знаете, когда я оказываюсь в новом месте, то мне непременно хочется все-все увидеть, заглянуть во все уголки, — как можно беззаботнее прощелкала Ада.

— Ну, так загляните вот сюда!

Леонид провел девушку к окну, повернул вправо, и они оказались еще в одной комнатке, отгороженной от первой, как оказалось, самодельной перегородкой из прессованного картона. Там находился топчан, который, очевидно, служил своему хозяину постелью, а из-под него выглядывало что-то длинное, черное, со стальными замочками... Ада чуть не задохнулась от волнения — это была «голова» футляра для гитары! Если она, конечно, не ошибается...

— А... вы что, тут живете? — вдруг спросила она.

— Иногда. Когда работаю по ночам.

— А почему вы...

— Я — афганец. Ранен был. Инвалид. Вот почему я здесь... Да и... удобно — мастерскую искать не надо.

— А... что это у вас под... кроватью? Ну, черное — футляр какой-то, что ли?

— Да, для гитары! Только гитары там, к сожалению, нет. Это друг мне сдал на хранение, да и сгинул куда-то, давно уж его не видел.

— Надо же! А у меня гитара есть, я и играть на ней умею, а футляра нет.

— Эх! Вот так взял бы и подарил его вам! Да только там вещи его какие-то лежат... Ладно, мы это потом обмозгуем, а пока — за стол! Какао-то ваше стынет!

Возвращаясь в первую комнатку мимо окна, Ада отодвинула штору и, убедившись, что снаружи — прочная решетка, вздохнула спокойно — просто так этот футляр никто не утащит... Не так-то легко его украсть... Естественно, что и она не будет этого делать. А вот остаться здесь как-нибудь на ночь и переложить деньги в рюкзак — это дело! Это она, видимо, сможет провернуть на днях, когда вникнет в распорядок дня Крысы. Только как быть с теткой? Она, как пить дать, поднимет шум, если Ада не придет ночевать! Будет с милицией разыскивать ее по всему городу. Надо что-то придумать — сказать ей, например, что всех уборщиц попросили поработать ночь — ждут какую-то зарубежную делегацию... А если этот номер не пройдет, то...

— Почему вы так печальны? — вдруг спросил Леонид. — И мысли ваши где-то далеко-далеко...

— У меня много причин для печали... Начать с того, что я вынуждена была уехать из родного дома...

И Ада не спеша рассказала ему о своей судьбе — в пределах допустимого, конечно же. Ведь если ты хочешь войти в доверие к человеку, старайся быть с ним как можно откровеннее. Леонид выслушал ее, не перебивая, и она была уверена, что теперь Крыса начнет рассказывать про себя. Так и вышло, и Ада услышала то, что и ожидала услышать — Афган, ранение, вернее, контузия, а теперь — здоровье ни к черту, нервы тоже, от одного вида крови бросает в дрожь, газеты, в которых пишут про Афганистан и Чечню, рвутся в клочья! Хорошо, что мэрия вняла мольбам его матери, уходящей на пенсию, и взяла его на ее место, иначе жить было бы просто не на что... К тому же работа его утешает, он постоянно в движении — надо не только следить за чистотой, но и снабжать работников этого учреждения всем необходимым — мебелью, канцелярскими принадлеж-

ностями, посудой, компьютерами, специальной питьевой водой из местного целебного источника и многим другим. А еще утешает живопись...

— А... вы тут один? — решила Ада задать важный для себя вопрос.

Леонид хитро посмотрел на нее и вдруг ответил:

— Нет. Не один. У меня тут есть товарищ, с которым я иногда беседую...

— Ваш друг? Владелец футляра?

— Хм... Он, я бы сказал, друг всего человечества... Бывший. Я его прячу от чужих глаз, потому что не хочу с ним расставаться... Но вам могу показать...

Леонид снова повел Аду во вторую комнатку, зашел за топчан, взялся за какую-то веревочку, в результате чего отодвинулась занавеска, закрывающая нишу, и глазам Ады предстал... памятник Ленину, Владимиру Ильичу, в полный человеческий рост, не больше и не меньше. Поза его была стандартной, как на выступлениях перед рабочими, однако рука не взмывала вверх за указующим своим перстом, а была протянута словно для рукопожатия.

— Вы можете с ним поздороваться, — сказал Леонид.

— Здравствуйте, Владимир Ильич!

Ада вложила свою руку в его черную ладонь и неожиданно для себя сделала реверанс, в результате чего Ленин здорово качнулся вперед — оказалось, что он совсем легкий.

— Это он вас приветствует, — пошутил Леонид.

— Я рада, — ответила она, улыбаясь, а мысленно ругая себя за невнимательность. Ведь заметила же, заметила эту занавеску, но подумала, что за ней — одежда Крысы, так как тут нет платяного шкафа. Хоть сейчас-то надо не зевать и хорошенько оглядеть этот памятник.

— Откуда он у вас? — поинтересовалась она, обходя вокруг это блестящее и черное, как антрацит, скульптурное творение.

— Да в вестибюле раньше стоял. А потом хотели выбросить, но мать не дала, отстояла.

— О, а что это у него на спине? Дырка?

— Заметили? Это когда хотели выбрасывать, выломали. Но я, видите, как заделал аккуратно. Заклеил. Пусть стоит и не жалуется. Ведь не одно поколение жило с верой в него... и в лучшие времена. Такая судьба у нашего народа — не видеть того, что творится вокруг сегодня, жить будущим... Сейчас нас пытаются научить жить по-другому, но мы не умеем... Хотят, чтобы все мы стремились стать богатыми, а ведь для нас деньги — вовсе не главное. Я вам, например, признаюсь — вот в этом футляре, который под моей скамейкой лежит, может, деньги спрятаны! Друг мой —

человек не бедный... Правда, делами какими-то темными занимается... Но сколько уж тут этот кейс валяется, а мне и в голову не приходило взломать замок и посмотреть... Я что этим хочу сказать — у нас духовность особая...

Ада уже не стала слушать про духовность, мысли ее были совсем о другом — Колино наследство в опасности! Нет, черт возьми, надо сегодня, сейчас же что-то делать! Этот товарищ и так уже на грани неадекватных действий, а что будет, когда он узнает о смерти Коли? А узнать он, кстати, может с минуты на минуту.

— Спасибо вам, Ада, что зашли. А теперь мне надо идти, к сожалению.

— Да, конечно, конечно... А куда?

— Да сейчас в пресс-службу должны мастера приехать, компьютеры им наладить, я их вызвал. Хорошо, что при покупке компьютеров сразу заключил договор с фирмой на их обслуживание. Деньги государственные сэкономил.

— Это на третьем этаже, да?

— Да. Хотите пойти посмотреть?

— Нет. Хочу остаться тут, у вас, допить спокойно какао, отдохнуть, да вот не знала, как вам об этом сказать... Дело в том, что я плохо себя чувствую, ночь не спала — мы с тетей все о моей маме говорили, которая меня, можно сказать, бросила... Мне бы хоть часик в тихом месте отсидеться... А у вас тут тихо... Вы не бойтесь, я ничего не трону! Только картины хочется посмотреть... Но если нельзя...

— Да пожалуйста, ради бога! Только... Понимаете, я не люблю, когда сюда заглядывают посторонние! Так что будет лучше, если вы запретесь изнутри. И отдыхайте. Можете прилечь. Одеяло там чистое. А я, когда вернусь, постучу в дверь, и вы мне откроете. Идет?

Ада посмотрела на него с такой благодарностью, что он смутился. Она готова была его расцеловать! Но вместо этого только прошептала:

— Идет... Спасибо...

Он быстро вышел, и она тут же заперла за ним дверь. Все. Зеленый свет зажегся. Его скоро сменит желтый, потом красный. Свой замечательный план с рюкзаком она сейчас выполнить не может — ее рюкзак заперт в туалете, вместе с вениками и тряпками. Ну, не говорить же Крысе — подождите, дескать, я сбегаю за своим рюкзаком! Что бы он подумал? Да, наверное, ничего плохого бы не подумал, но она правильно сделала, что не стала рисковать — ей показалось, что он и так колебался, решая, оставлять ее здесь или нет. Но сумочка всегда при ней — подвешенная сбоку и незаметная под халатом. Она быстро достала Колин ключик с какой-то интересной загогулиной на кончике, вытащила из-под топчана футляр,

на котором было сразу аж три замка, и отперла их все по очереди, а затем приподняла крышку и стала рассматривать содержимое. Оно было довольно унылым и обыденным — друг к другу тесно жались прямоугольные свертки, обмотанные разными тряпками, в основном — кусочками каких-то штор. Ада быстро развернула один из них и застыла от ужаса — перед ней лежали десять плотно уложенных пачек, состоящих из зеленых купюр с цифрой сто. Каждая такая пачечка в середине была аккуратно обмотана белой бумажкой. Пальцы ее онемели, мысли путались, она стала плохо соображать. Так это что же? В каждой пачке, выходит, — тысяча долларов, в свертке — десять тысяч, а в целом — сто тысяч долларов! Коля и называл именно эту сумму, но ей и в голову не пришло, что он говорил о долларах!

Дальше Ада действовала так, как подсказывали ей страх, интуиция и чисто житейская смекалка — повернув скульптурное изображение Ленина спиной, она отклеила картон, обтянутый черной материей с липучкой, и в один миг засунула туда все десять свертков. Ей показалось, что они застряли в ногах у Ильича. Заклеив дыру и повернув вождя лицом к себе, она закрыла футляр, вернула его на прежнее место и в изнеможении легла на топчан. Мысли летели, разбегались в разные стороны. Что, что она сделала не так? Ключ вновь на месте, в ее сумочке. Ленин как стоял, так и стоит. Правда, если Крыса будет его двигать, то может понять — что-то здесь не то... и «потрясти» Ильича... И футляр может случайно пнуть и очень удивится, заметив, что он стал легким как перышко... Ничего, она надеется, что в таком положении эти подозрительные вещи пробудут недолго. Завтра же она постарается придти к Крысе с рюкзаком, и тогда все встанет на свои места. Завтра же... А пока — слава богу, что получилось хоть это. Может, все-таки поискать подходящее содержимое для футляра?

Но поискать она не успела, так как раздался тихий стук в дверь. Ада подбежала к ней, повернула ключ, едва успев надеть на себя маску усталой, полусонной и от этого смущенной девушки, которую неожиданно разбудили и которая шепчет, сама не зная почему: «Извините, извините»...

— Ну вот, а какао свое вы так и не выпили!

— Знаете, Леонид, мне очень неловко признаваться, но я... уснула. Легла на ваше одеяло и как провалилась куда-то... Господи, стыдно-то как!

— Да за что же стыдно-то? Хотите — отдыхайте и дальше. Я вам не мешаю.

— Спасибо. Но мне идти надо. Дел много. И тетя волнуется. Я уж как-нибудь в другой раз... Когда пригласите...

— Да в любое время заходите, когда я здесь!

— Тогда... завтра, если можно... Я ведь даже и картины не посмотрела... А мне бы хотелось...

— Идет! Тогда — до завтра! Сегодня вечером я вас уже не увижу — до шести работаю.

Ада уже шагнула к двери, как вдруг ее остановил возглас Леонида:

— Стоп, стоп! Вы с Лениным-то не попрощались! Нехорошо!

Приняв это за шутку, она заглянула в «ленинскую» комнату и помахала Ильичу рукой — на прощание...

Ада была настолько взволнована, что, придя в агентство, пожаловалась юристу на неважное самочувствие и тут же ушла домой. Честно говоря, ей хотелось просто поспать часок-другой. Но отдохнуть не получилось — тетя, оказывается, по ее совету попыталась поговорить с новой владелицей ее дачи — матерью девушки, которая увела ее мужа, однако наткнулась на стену непонимания и все свое негодование по этому поводу обрушила на Аду.

— Нет, ты только подумай! Она, эта старая гримза, без тени смущения заявляет мне, что посадила там пионы, нарциссы, морковь посеяла под зиму, чеснок... Яблони обвязала... И это дает ей право... Нет, я сойду с ума! Я спрашиваю эту наглую бабу, когда смогу забрать оттуда хотя бы свою посуду — там сервиз, который мне очень дорог, а она заявляет, что никакой лишней посуды в доме нет... Тогда я говорю прямым текстом — хочу забрать свой собственный сервиз с дарственной надписью! Она молчит. А я, веришь, прямо уже озверела и сказала, что мечтаю забрать не только что-то из вещей, но и всю свою дачу, и пусть она к этому приготовится! А эта стерва положила трубку! Я пыталась перезвонить, но у нее все время занято — скорее всего, отключила телефон. Представляешь, в какую семейку попал мой благоверный!

Ада никогда не видела тетю такой агрессивной — глаза ее горели, к потному от волнения лицу прилипли волосы, руки дрожали... Она понимала, что должна успокоить ее, но что-то подсказывало, что лучше уйти от греха подальше, и, сославшись на срочные дела в агентстве, Ада ретировалась, в последний момент захватив свой рюкзак, который чуть не оставила дома.

Она шла по улице, куда ноги ее несли. А принесли они на площадь. Проходя мимо отеля, Ада подумала о Валентине и о том, что когда-нибудь заглянет в ее номер, чтобы узнать, например, как продвигается расследование убийства бизнесмена. Да бог с ним, с бизнесменом! Откровенно говоря, хочется узнать, что там с этим Арнольдом, и не грозит ли ей с той стороны какая-либо опасность. Она уже подошла к дверям отеля, как вдруг боковым зрением увидела, что невдалеке, перед мэрией, происходит что-то странное... Сердце екнуло, и Ада сломя голову бросилась туда. У дверей мэрии стоял огромный грузовик, на борту которого, словно на кора-

бле, «плыли» скульптурные изображения вождей. Впереди всех, прямо за кабиной, стоял огромный серебристый Иосиф Виссарионович, рядом с ним таким же серебром отливал Орджоникидзе, отчего они были как близнецы-братья, ближе к борту жался бронзовый Карл Маркс, за которого цеплялась по виду чугунная Надежда Константиновна Крупская. За ней полулежала женщина — то ли Коллонтай, то ли Роза Люксембург, если судить по названиям улиц и скверов. А судить, Ада была уверена, надо именно так, потому что все эти скульптуры стояли на улицах и скверах, а вот теперь их почему-то стащили с пьедесталов и везут неизвестно куда. Подбежав ближе, она увидела на дне грузовика голову «железного Феликса», а в углу — сразу нескольких Володей Ульяновых с книжками в руках. В этой компании явно не хватало Ильича, и Ада поняла, почему Крыса попросил ее попрощаться с Лениным — он знал, что сегодня его увезут... Он знал, а она не знала! Но, может, еще не поздно что-то сделать? В этот момент двери отворились, и двое мужчин «вывели» под руки ее Ленина!

— Куда вы его, а? — спросила Ада.

— На задворки истории, — пошутил один из них.

— Нет, правда...

— Вы что, газет не читаете, радио не слушаете?

— Не слушаю...

— Их со всего города свозят в музейный двор. На задворки, я же сказал.

— Но ему... ему же нельзя под открытым небом! Отдайте его мне! Я изучаю историю... Он мне дорог... Я прочла все его труды... Он дома у меня будет стоять... Ну, пожалуйста! — И Ада, вцепившись в Ленина, прижала его к себе.

— Вы что тут, дамочка, сумасшествуете? — заковыристо спросил второй мужчина, доселе молчавший. — Отпустите вождя!

— Не отпущу!

— Нет, нам что, милицию, что ли, звать? — спросил первый.

— Зовите! Не отдам! Он в вашем дворе погибнет!

— Вы поймите — мы не имеем права ничего вам отдавать! У нас — список, видите? — Вытащив из бокового кармана куртки какие-то бумаги, первый потряс ими перед Адой. — И мы собираем скульптуры строго по этому списку. Вернее, почти собрали. Еще одна осталась — в школе рабочей молодежи. И все.

— Но что же мне делать? Я без него жить не могу!

— Ну, приходите в музей. Поговорите там с директором. Может, она пойдет вам навстречу.

— Я... не знаю, где у вас тут музей, недавно живу в городе. Можно, я с вами поеду? Вернее — с ними, в кузове? Я присяду, меня никто не увидит...

— О, господи! — не выдержал второй. — Да отпустите вы Ленина-то! Ну, девка, ну, чудо! Тебе бы в семнадцатом году жить... Залазь, хрен с тобой, только если что — ты сама туда забралась, мы ничего не знаем! Поняла?

— Поняла, мальчики, родные, дорогие! Давайте-ка я залезу... вот... и его у вас приму, моего дорогого Володечку...

— Ага. Уж скажи — Вовочку...

— И скажу. А школа-то ваша далеко? Ну, рабочей-то молодежи?

— Да не близко. Но — по пути в музей. У нас весь маршрут продуман. А ты давай пониже, вон брезент в углу — сядь на него и придерживай своего Ильича. Чтобы он тут не стал уклонистом. Левым или правым. Или смешанным.

— Все, села, можете двигать, — крикнула им Ада.

Машина еще не тронулась с места, а она уже сняла с плеч рюкзак и положила Ленина рядом с собой на брезент. А как только они отъехали от мэрии, отклеила «окно» в спине и запустила туда руку... Пусто! Она приподняла Ленина — тяжелый. Протянула руку в одну ногу, потом в другую — ничего. Она, правда, не доставала до самых пяток, но... Ада чуть приподняла ноги Ильича и слегка потрясла его... И — о! К дырке медленно, словно нехотя, подполз один из свертков. Ада схватила его и быстро отправила в рюкзак. Она стала трясти Ленина в другую сторону, и свертки поползли один за другим — оказывается, они каким-то загадочным образом переместились к голове вождя. Восемь свертков перекечевали в рюкзак, но два так и оставались где-то в недрах Ильича — скорее всего, в его ступнях, ибо в голове им было просто не за что зацепиться. Ада еще раз попыталась достать до них руками — бесполезно! Тогда она постаралась увеличить дыру в спине, продлить ее вниз. Однако материал, из которого была сделана скульптура, поддавался плохо, а ножа под рукой не было. Вот досада! Два свертка — это двадцать тысяч долларов, черт возьми! Неплохая однокомнатная квартира в столице... Или плохая двухкомнатная... И почему она должна кому-то ее подарить?

Машина замедлила ход — подъехали к школе. Мужчины пошли в здание, мельком взглянув, как Ада прижимала к себе скульптуру вождя. Из школы вышли мужчина и женщина — по виду не поймешь, учителя или ученики.

— Извините, у вас нет чего-нибудь острого? — обратилась к ним Ада. — Нож или ножниц? Мне тут надо кое-что подрезать, чтобы скульптуры укрыть...

— Разве что на минуту, а то мы спешим, — ответил мужчина и протянул ей обыкновенный перочинный ножик.

Ада отвернулась, прикрыв своей спиной спину Ильича, и сделала ему глубокий разрез пониже поясницы, после чего с благодарностью вернула

нож. Пара ушла, и она, наконец, выловила из глубины ног вождя оставшиеся свертки. Все. Собственно, миссию свою она выполнила, можно удалиться. Ада уже приготовилась к прыжку из машины, чтобы побыстрее смыться, но в это время в дверях показались два ее спутника еще с одним Сталиным, только серебристо-желтым. Его несли наперевес, потому что он был высок ростом. «Отец всех народов» еле уместился в грузовике, потеснив своих соратников, в том числе и Ленина с Адой. Она хотела, было, выскочить, когда мужчины садились в машину, да не успела — грузовик тотчас же тронулся и медленно запыхтел, везя все эти памятники истории в музей. А он, оказывается, был совсем рядом. Там, на площадке перед музеем стояли люди с фото- и кинокамерами — очевидно, журналисты. Ада не ожидала такой подлянки, но бежать было уже поздно, да и некуда. Что ж, придется играть свою идиотскую роль приверженца ленинских идей до конца. Машина подъехала к площадке задом и остановилась. Ада встала рядом со своим Ильичом и тут же за это поплатилась — защелкали, застрекотали камеры и, как показали вышедшие наутро газеты, это был самый удачный кадр их сотрудников. И самый занимательный телевизионный сюжет, потому что, пока она выбиралась из машины без чьей-либо помощи, мужчины, сопровождавшие машину, успели рассказать журналистам о странном поведении девушки, пожелавшей выпросить своего кумира — Ленина. Когда она, наконец, ступила на землю и поставила рядом с собой это «сокровище», на нее вновь нацелились объективы, а подошедшая директор музея, которой уже сообщили о просьбе вернуть Ильича, сказала, что в ближайшие дни сможет положительно решить этот вопрос. Словом, Ада, сама того не желая, стала героиней дня, и когда выбиралась из всей этой историко-скульптурной каши, то чуть не забыла прямо у ног Ильича свой рюкзак. Надев его на плечи, она быстрым шагом покинула площадку...

На следующий день Ада увидела местные газеты со своим обликом. Никто из журналистов над ней не насмеялся, но сама ее поза на всех фотографиях, где она прижималась к Ильичу, наводила на мысли о некотором сумасшествии девицы. Хорошо хоть, на всех снимках, кроме одного, не было ее рюкзака, и на том спасибо всем этим папарацци! Она надеялась, что никому не придет в голову заподозрить в этой любви к вождю какой-то совершенно определенный материальный интерес. Все пока было спокойно. Единственная проблема — куда деть рюкзак с таким внушительным содержимым — была благополучно решена в тот же день, после эпопеи с вождем. Подходя к мэрии, Ада увидела на доске объявлений, которую всегда внимательно изучала, броский призыв: «Купите гараж! Срочно! Недорого! Недалеко!» Далее, естественно, следовал телефон. Она забежала в агентство и позвонила. Мужчина с приятным голосом описал ей свое чудо

гаражно-строительного искусства и назвал цену — пять тысяч долларов. Ада объяснила, что срочно покупает машину, и гараж ей нужен немедленно, а потому она желает тотчас же его осмотреть. Договорились о встрече. Мужчина подъехал на джипе, с недоверием оглядел Аду, однако она уверенно села в машину и попросила быстрее показать свое чудо. Гараж действительно оказался недалеко и очень ей понравился. Все там было сделано по уму, и главное — два хороших погреба со всякими полочками, ящичками — в них, как прикинула Ада, можно хранить не один и не два мешка картошки и не одну бочку вина... Спросив хозяина, когда можно будет оформить все документы купли-продажи, она с радостью услышала, что бумаги давно готовы и подписаны руководителем гаражного кооператива, а теперь следует только заверить все у нотариуса и там же, при нем, расплатиться... Ада спросила, согласен ли хозяин взять плату в долларах. Он был согласен. Тогда она попросила заехать в мэрию — не доставать же деньги из рюкзака на его глазах прямо в машине! Пройдя в туалет, отсчитала пять тысяч «зеленых», спокойно вышла на улицу, вновь села в джип и предупредила хозяина, что платить за сделку будет он сам — цена и так высока. Он согласился. А дальше все произошло как в старых лентах кинохроники, когда кадры дергались и быстро бежали друг за другом — нотариус, вновь гараж, торжественная передача ключей, знакомства с владельцами соседних гаражей, принятие поздравлений и прочее. Все это было для нее лишним, но избежать этого она не смогла. Ада чуть не опоздала на работу, призраивая свое богатство в погреб — тот, который был обит металлом, вернее, представлял из себя обычный металлический кессон. Так что у нее не было опасений, что на доллары, на эти бумажки, могут покушаться мыши или крысы...

Идя к мэрии самым быстрым шагом, на которой только была способна, она думала — зачем? Зачем она торопится мыть эти заплеванные полы, вытряхивать из корзин вонючий мусор? Теперь она может плюнуть на эту долбаную мэрию и жить в свое удовольствие — учиться, работать в том же агентстве, ей это нравится. Однако Ада решила, что надо продержаться в уборщицах еще некоторое время, чтобы не вызывать подозрений. Так будет спокойнее. Кстати, Леонид почему-то остался на работе дольше положенного и упорно звал ее посмотреть картины, но Ада резко отказалась, сославшись на усталость, и пообещала сделать это завтра. Он попытался узнать, чем вызвана такая перемена ее настроения. И тогда она упрекнула его за предательство Ленина. Ада сделала это специально, чтобы подготовить его к прочтению газет.

Естественно, их прочли тысячи людей. И увидели снимки. Крыса был в шоке — он сказал, что если бы знал о ее горячей любви к Ильичу, то ни-

когда бы его не отдал. Тетка хохотала над Адой, но та совершенно серьезно прикидывала, куда она поставит Ильича, когда его отдаст музейная директриса.

— Этого дерьма мне тут не хватало! — кричала Людмила Андреевна.

— Тетя, коммунизм — это самая прекрасная идея на земле! Он хотел ее воплотить! И не его вина, что...

— Его! Его вина, паразита этакого! Не дам под него свою площадь! Вот уж не знала я, что ты у нас такая идейная! Но его я не пропишу!

— Тогда... Тогда...

— Что — тогда? Говори!

— Тогда... я его не возьму!

— Вот так-то лучше, дочка!

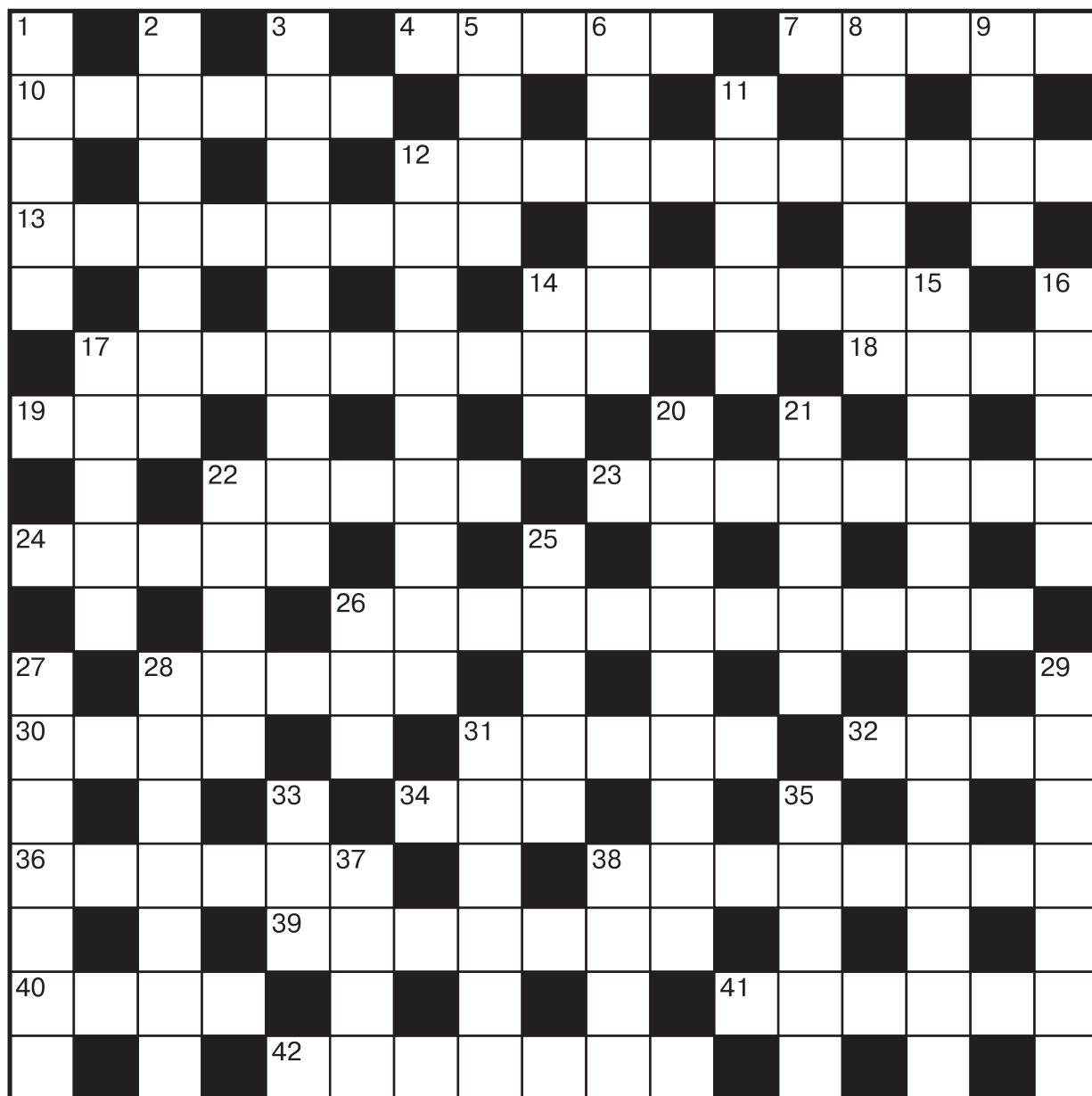
— Но вы губите мое... мировоззрение!

— Ха! Я думала, ты скажешь — жизнь! А эти исторические снимки надо сохранить... Всю оставшуюся жизнь смеяться будем...

Только через несколько дней Ада узнала, что ее снимки с Лениным появились и в нескольких центральных газетах... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Случайные дела случайных дней. **7.** Во что зашил донос Кочубей из пушкинской «Полтавы»? **10.** Кто из русских классиков в свое время унитазами торговал? **12.** Кто из музыкантов играет на «русском банджо»? **13.** «Незванный гость», чувствующий себя «как дома». **14.** «Киллер» «зеленого друга».

17. Роковое авто из финала фильма «Кошмар на улице Вязов». **18.** Перед кем Чубакка имел «долг жизни»? **19.** Обморочное состояние. **22.** Царь Горох из чешских сказок. **23.** Лицедей женского рода. **24.** «Пижамы шелкопряда». **26.** Какой прибор помог разоблачить злодея из романа «Ангелы и демоны» Дэна

Брауна? **28.** Живописный гений из романтической комедии «Полночь в Париже». **30.** Истинный «автомобильный король» начала XX века. **31.** «Батка анархистов». **32.** Что в ухо влетает со скоростью 330 метров в секунду? **34.** «Послание бога Шамаша» для шумеров. **36.** Волнующая песня. **38.** «... обязан думать! Думать! А не просто шашкой махать!» **39.** Игра по приручению мяча. **40.** Кухонный сепаратор. **41.** «Золотое дно» для компании «Marvel». **42.** Года за плечами.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Центр внимания» в кинозале. **2.** Гладиатор, возглавивший крупнейшее восстание рабов Древнего Рима. **3.** Как звали отца Иосифа Сталина? **5.** «И почему только ... в спину обычно наносят те, кого защищаешь грудью?!» **6.** Над одним из подобных заведений в Англии мы прочли такую надпись: «Ничего хорошего из тебя не выйдет!» **8.** Из кого делают самую качественную в мире рыбную муку? **9.** Какая из африканских столиц знаменита своим «Городом мусорщиков»? **11.** Чью фразу о тунеядцах, алкоголиках и

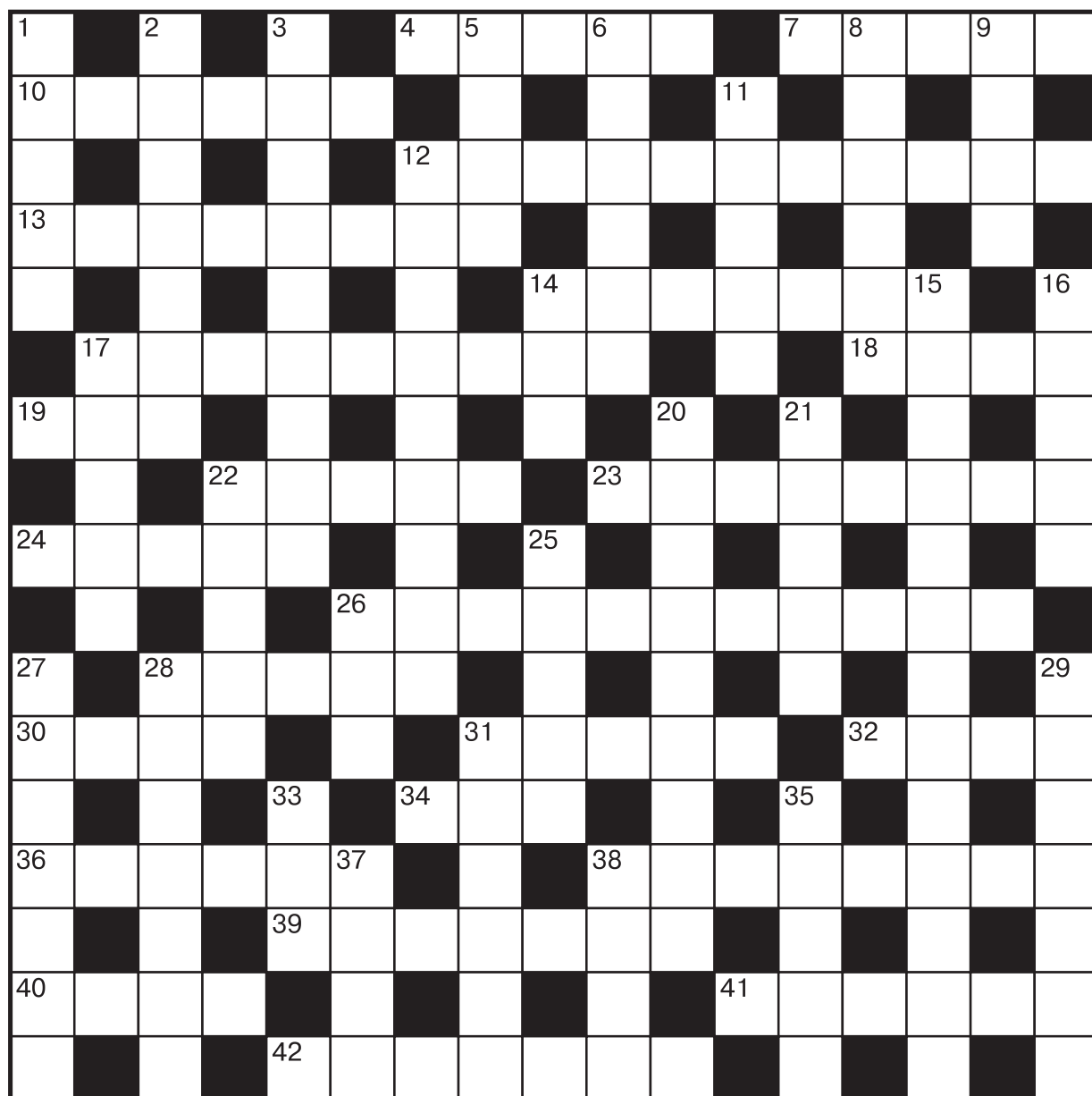
хулиганах до сих пор цитирует вся страна? **12.** Русский писатель, запустивший в оборот слово «интеллигенция». **14.** Хищник, у которого, случается, шакал таскает куски добычи прямо из-под носа. **15.** Кто обслуживает пассажиров на «самом высоком уровне»? **16.** Последняя картина Ильи Репина. **17.** Орех, чью скорлупу сжигали, получая порошок для пропаногазов. **20.** «Самый древний в мире спорт» из фэнтези про Таню Гроттер. **21.** Какой буквой математики сумму обозначают? **22.** От чего умирает каждые 7–8 секунд один землянин? **25.** Босс факультета. **26.** «Если бы исчезла сила тяготения, мы бы, наконец, узнали истинный ... всех вещей». **27.** Уголовный комбинатор. **28.** Автобиографическая повесть «Охранная...» от Бориса Пастернака. **29.** Кто должен обладать сценическим мастерством? **31.** «Цитадель темных сил» Средиземья. **33.** Первый аналитический психолог. **35.** «Бывают времена, когда сатире приходится восстанавливать то, что разрушил ...» (по Ежи Лецу). **37.** Закуска из корчмы. **38.** «Провизия для домны».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Ибица. **7.** Юмор. **10.** Дуремар. **12.** Патриархат. **13.** Весельчак. **15.** Медина. **16.** Видов. **18.** Бисквит. **19.** Дуб. **24.** Комедиограф. **25.** Оливье. **26.** Успех. **27.** Шабаш. **30.** Блог. **34.** Зеро. **35.** Ветеринария. **37.** Купе. **39.** Луноход. **41.** Горожанин. **42.** Номер. **43.** Делон. **44.** Кальмар. **45.** «Ягуар».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Мученик. **2.** Перевод. **3.** Вальс. **5.** Брак. **6.** Цирк. **8.** Мехлис. **9.** Ритуал. **11.** Кадет. **12.** Паниковский. **14.** Акселератор. **15.** Минин. **17.** Вульф. **20.** Сглаз. **21.** Загар. **22.** Бомба. **23.** Титов. **28.** Бегун. **29.** Шопен. **31.** Геродот. **32.** Бекон. **33.** Пилотаж. **36.** Букет. **37.** Калья. **38.** «Пилар». **40.** Долг. **41.** Гена.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Река, на берегах которой благодетельствовал Альберт Швейцер. **7.** Балетный прыжок с ударом ноги о ногу. **10.** Французский городок, близ которого стоит замок Клу, где прошли последние годы Леонардо да Винчи. **12.** Марка ружья, оборвавшего жизнь Эрнеста Хемингуэя. **13.** Уличная в неверности жена, какую у

древних греков возили по городу верхом на осле. **14.** Деревянная мишень во французской игре петанк. **17.** Что выделяют из медуз для биохимического анализа? **18.** Какая раса из сериала «Вавилон-5» «развивает свой потенциал» через войну и хаос? **19.** Душа из якутских мифов. **22.** Овощи в молочном соусе. **23.** Все ряды винных бочек выше

первого. **24.** «Картофельный стог». **26.** «Огромный арбалет» в армии древних римлян. **28.** Первый президент Филиппин. **30.** «Стих» Корана. **31.** Английская актриса, состоявшая в переписке с Бернардом Шоу. **32.** «Практически Рождество» у иранцев. **34.** Особо крепкий эспрессо. **36.** Атаман из шаляпинской песни «12 разбойников». **38.** Русский патриарх, замученный поляками в темнице. **39.** «Солодовое вино» голландцев. **40.** «Театральная любовница» Виктора Гюго. **41.** Кто построил первое в России судно с гребным винтом? **42.** Жители итальянского города, подарившего миру водонепроницаемую ткань.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Главный идол моавитян. **2.** Что включает в себя все? **3.** «Воля Рока» из пушкинских времен. **5.** Один из трех гекатонхейров. **6.** Продавец игрового реквизита в компьютерной среде. **8.** Река Аида. **9.** В каком обществе Адольф Гитлер учился произносить публичные речи? **11.** Кто сочинитель книги «История

сношения человека с дьяволом» из личной библиотеки Михаила Булгакова? **12.** Танец у филиппинок с горшком для воды на голове. **14.** Ирландская упряжная лошадь. **15.** Коллекционер пивных подставок. **16.** Управляющий именем епископа в феодалные времена у немцев. **17.** Безрукавка из холста прежде на Руси. **20.** Кто подписал капитуляцию в Первой мировой войне от имени Германии? **21.** Абракадабра Алексея Крученых. **22.** Штраф за недобор взятка в карточных играх, ставший синонимом щекотливого положения. **25.** Рыцарский турнирный шлем из средних веков. **26.** Первый комендант Бухенвальда. **27.** Суданская роза. **28.** Черноморский моллюск. **29.** Девичья фамилия второй жены Дмитрия Шостаковича. **31.** Пегая масть у лошадей. **33.** Передаточный трос. **35.** «Пятый вкус» у японцев. **37.** Дипломат с нобелевской премией. **38.** Великий физик, экспериментально доказавший существование электромагнитных волн, которые до него «жили» только в уравнениях Джеймса Максвелла.

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Сэчмо. **7.** Паук. **10.** Фулунбо. **12.** Битторрент. **13.** Рейхенбах. **15.** Шишига. **16.** Георг. **18.** Иеродул. **19.** Иов. **24.** Двубратский. **25.** Агартти. **26.** Эйкру. **27.** Варез. **30.** Боаз. **34.** Шато. **35.** Рододендрон. **37.** Нори. **39.** Фенинда. **41.** Бинокуляр. **42.** Умбок. **43.** Пишон. **44.** Круитни. **45.** «Новик».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Гунебед. **2.** Кулхури. **3.** Жбень. **5.** Эцих. **6.** Моти. **8.** Афесия. **9.** Катхак. **11.** Уриил. **12.** Баденвейлер. **14.** Подбородник. **15.** Шубат. **17.** Готти. **20.** Эсташ. **21.** Цибет. **22.** Мамба. **23.** Мачар. **28.** Райол. **29.** Зопир. **31.** Зопирос. **32.** Сопду. **33.** Сокотра. **36.** Медио. **37.** Нубия. **38.** Рясна. **40.** Амио. **41.** Боди.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков

новый конкурс «Знаки судьбы».

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

